

НАУЧНОЕ ОБЩЕСТВО
ФАКУЛЬТЕТА МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

КЛИО: В ОБЪЯТЯХ НАЦИОНАЛИЗМА

<http://ejournals.pp.net.ua>

2008

ББК 63.3 / 66.1
УДК 327 / 323.14
К 64

К 64 Клио в объятах национализма. История в контексте национализма, националистического воображения и новейшего мифотворчества / сост. и вступит. статья М.В. Кирчанов. – Воронеж: НО ФМО, 2008. – 205 с.

История, как наука, и национализм в качестве политической идеологии, пребывают в тесной взаимосвязи. Историки в прошлом играли значительную роль среди теоретиков национальных и националистических движений. На современном этапе история не утратила связи с национализмом. В то время как академическая историческая наука стремится не подчеркивать своей связи с политической конъюнктурой, популярные интерпретации прошлого открыто демонстрируют свою связь с националистическим дискурсом. В настоящем издании представлены тексты, отражающие национал-популистские и этноцентрические интерпретации истории и прошлого. Появление подобных работ вызвано не только снижением уровня исследовательской культуры, но и значительным усилением национальных идеологий, стремлением части представителей интеллектуального сообщества пересмотреть устоявшиеся исторические схемы в сторону удревнения национальной истории и интеграции в новые исторические теории культурного наследия великих цивилизаций прошлого.

ББК 63.3 / 66.1
УДК 327 / 323.14
К 64

© Авторы. 2008
© М.В. Кирчанов, составление, 2008
© М.В. Кирчанов, вступительная статья, 2008
© <http://ejournals.pp.net.ua> 2008

СОДЕРЖАНИЕ

Введение

- Максим Кирчанов. *Память, история, идентичность и национализм: историческое воображение как фактор развития и функционирования националистического дискурса* 6

Часть I.

Тюрки: в поисках великих предков

- Антей Илитвер, *Предыстория чувашского народа. Опыт выявления генеалогической линии этноса (фрагменты)* 24
Антей Илитвер, *Предыстория чувашского народа* 35
Шамиль Мингазов, *Этруски и тюрки* 53
Шамиль Мингазов, *Доисторические тюрки* 62

Часть II.

Большая Восточная Европа: национализм и классическое историонаписание

- Михайло Грушевський. *Звичайна схема "русскої" історії й справа раціонального укладу історії східного слов'янства* 72
Милко Кос, *Историја (фрагменты)* 81

Часть III.

История и национальное воображение на Северном Кавказе

- Н.Д. Кодзоев, *Протоингушские племена* 115
Н.Д. Кодзоев, *Древненахские цивилизации Передней Азии и Апеннинского полуострова* 134

Часть IV.
**Этруски в контексте националистического воображения
в России**

Владимир Попов, <i>Этруски – это русские</i>	154
Виктор Прищипенко, <i>Этруские надписи и варианты их дешифровки</i>	171
Виталий Щербаков, <i>Тайны этрусков рассеиваются</i>	177
Константин Миляев, <i>Этруски и русичи говорили на одном языке?</i>	183

Приложение

<i>Аннотированная библиография работ, посвященных отношениям истории и национализма</i>	195
---	-----

ВВЕДЕНИЕ

Максим КИРЧАНОВ

ПАМЯТЬ, ИСТОРИЯ, ИДЕНТИЧНОСТЬ И НАЦИОНАЛИЗМ: ИСТОРИЧЕСКОЕ ВООБРАЖЕНИЕ КАК ФАКТОР РАЗВИТИЯ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ НАЦИОНАЛИСТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

История является наукой, которая периодически испытывает зависимость от политической ситуации, соотносясь с политической конъюнктурой, требованиями политической лояльности и идентичности¹. Кроме этого история как наука и история как знание самым тесным образом связана с национализмом. Появление истории как

¹ В настоящей работе автор предпринимает попытку обобщить предположения, высказанные в более ранних статьях. См.: Кирчанов М.В. Латышская историческая наука межвоенного периода как часть интеллектуальной истории Латвии / М.В. Кирчанов // Ставропольский альманах Российского Общества интеллектуальной истории. – Ставрополь, 2005. – Вып. 7. – С. 144 – 155; Кирчанов М.В. Создавая национальную историю чуваш: исторические нарративы и национальная идентичность в Советской Чувашии / М.В. Кирчанов // Современные подходы и трактовки важнейших проблем отечественной и всемирной истории: материалы Международных Бекмахановских чтений. Алматы, 25-26 мая 2006 г. – Алматы, 2006. – С. 352 – 357; Кирчанов М.В. Национальная парадигма и язык написания истории (болгаризируя историю Македонии) / М.В. Кирчанов // Отечественная и зарубежная история: проблемы, мнения, подходы (Ученые записки кафедры отечественной и зарубежной истории). – Пятигорск, 2006. – Вып. 6. – С. 273 – 287; Кирчанов М.В. Историзируя идентичность: дискурсы написания хорватской истории в первой половине XX века / М.В. Кирчанов // Новик. Сборник научных работ аспирантов и студентов исторического факультета Воронежского государственного университета. – Воронеж, 2006. – Вып. 11. – С. 146 – 160.

науки и как систематизированного знания было бы невозможно, если бы на интеллектуальной карте современного мира не появился национализм. Националистические движения, которые в качестве своей цели имели создание национального государства, конструировали нации, наделив их наряду с такими атрибутами как язык, культура и идентичность, историей.

Первые наброски национальной истории в национальных государствах писались не профессиональными историками, а политиками, которые были активными участниками националистического движения. Институционализация исторического знания привела к тому, что оно переместилось в университеты и академии, но и при этом история как наука не утратила связи с национализмом в какой бы форме тот не проявлялся – идеологии или националистического движения. Политические перемены XX века, появление различных форм тоталитаризма и авторитаризма, возникновение авторитарных и тоталитарных государств привели к значительной политизации исторического знания, укрепив связь истории с национализмом.

Историческое знание или представления об истории являются сферами доминирования и проявления национализма. История используется для институционализации идентичностей, для обоснования претензий на территории. Сфера применения истории в рамках националистического дискурса отличается значительным разнообразием. История в зависимости от ситуации может стать средством мобилизации масс в националистическом движении. История и национализм, таким образом, являются тесно связанными между собой. История национализма, как полагает британский исследователь Энтони Смит, это в такой же степени история

тех, кто о нем повествует².

Наука создала собственную историографию со своим предметом исследования и общепринятой исторической схемой. Усилиями историков-националистов формируется «интеллектуальное пространство»³. Создание национальной историографии, по словам украинского канадского историка З.Е. Когута⁴, играет определяющую роль в формировании современной идентичности. Именно поэтому развитие национальной историографии может быть важной составной частью эволюции современной идентичности⁵. Историки играли выдающуюся роль среди создателей и приверженцев национализма. Историки внесли весомый вклад в развитие национализма. В.А. Шнирельман указывает на то, что именно ученые (историки, археологи, этнологи) «снабжают нации желательной исторической глубиной»⁶. Без истории нация не является нацией и поэтому императив о написании истории очень важен для любых националистов.

Поэтому, история используется для легитимации государства, для борьбы за равноправие с другими народами. Американский исследователь Т. Эриксен в связи с этим

² Смит Э.Д. Национализм и историки / Э.Д. Смит // Нации и национализм. – М., 2002. – С. 236.

³ Когут З.Е. Історія як поле битви. Російсько-українські відносини та історична свідомість у сучасній Україні / З.Е. Когут // Когут З.Е. Коріння ідентичності. Студії в ранньомодерної та модерної історії України. – Київ, 2004. – С. 222.

⁴ Когут З.Е. Історичні дослідження в незалежній Україні. Тягар минулого: історіографія до здобуття незалежності / З.Е. Когут // Когут З.Е. Коріння ідентичності. Студії в ранньомодерної та модерної історії України. – Київ, 2004. – С. 294.

⁵ Когут З.Е. Розвиток української національної історіографії в Російській Імперії / З.Е. Когут // Когут З.Е. Коріння ідентичності. Студії в ранньомодерної та модерної історії України. – Київ, 2004. – С. 187.

⁶ Шнирельман В.А. Быть аланами. Интеллектуалы и политика на Северном Кавказе / В.А. Шнирельман. – М., 2006. – С. 9.

подчеркивает, что связь с прошлым в зависимости от ситуации может выступать в роли фактора, который гарантирует «политическую легитимность»⁷. История делает существование нации законным и легитимным. Проблема состоит в том, что эта единая история формируется не просто в результате деятельности интеллектуалов-националистов⁸, но в результате сознательного отказа от тех или иных концепций в пользу идей способных консолидировать нацию. Российский исследователь В.А. Шнирельман подчеркивает, что в зависимости от самых разных факторов «интеллектуалы выдвигают и отстаивают определенные

⁷ Eriksen E. Ethnicity and Nationalism / E/ Eriksen – L., 1993. – P. 71.

⁸ О роли националистически ориентированных интеллектуалов в формировании концепции истории и в процессах историописания см.: Кирчанов М.В. Германская Демократическая Республика: исторические нарративы в дискурсах написания национальной истории / М.В. Кирчанов // Германия: история и современность. Сборник статей памяти профессора В.А. Артемова / ред. М.В. Кирчанов. – Воронеж, 2006. – Часть. 2. Германия и мир: образы, взаимоотношения и идентичности. – С. 229 – 239; Кирчанов М.В. Земля, кровь и память: баварский идентитет, немецкая идентичность и исторические исследования в Баварии (1928-1944 гг.) / М.В. Кирчанов // Межвузовские научно-методические чтения памяти К.Ф. Калайдовича. Сборник материалов. – Елец, 2006. – Вып. 7. – С. 213 – 223; Кирчанов М.В. Идентичность и историописание (обобщающие исторические исследования в Чувашской АССР) / М.В. Кирчанов // Studia Türkologica. Воронежский тюркологический сборник. – Воронеж, 2007. – Вып. 3. – С. 6 – 27; Кирчанів М.В. Македонська історична пам'ять в СФРЮ: македонські інтелектуали і національна ідентичність / М.В. Кирчанів // Национализм в Большой Восточной Европе. Хрестоматия оригинальных текстов и исследований / сост. М.В. Кирчанов. – Воронеж, 2008. – С. 548 – 565.

версии прошлого, представляющие и оценивающие одни и те же события или процессы далеко не одинаково»⁹.

Американский исследователь Джонатан Фридмэн подчеркивает, что история историков может играть для них роль их собственной идентичности¹⁰. В наиболее классическом виде эту идею выразил один из патриархов националистических штудий Энтони Смит, который полагает, что история национализма - это в такой же степени история тех, кто о нем повествует. Но несмотря на то, что историки играют выдающуюся роль среди создателей и приверженцев национализма, роль националистически настроенных историков в пропаганде национализма до сих пор не стали предметом тщательного исследования¹¹. Дебаты по поводу прошлого обычно сопровождают формирование нации. В рамках подобных дискуссий для историков-националистов особую важность имеет выработка и создание своих собственных национальных символов.

Процесс создания истории – это утверждение одних исторических нарративов за счет маргинализации других. Это осознается большинством интеллектуалов в национальных и национализирующихся государствах. Поэтому именно историками был заложен моральный и интеллектуальный фундамент для национализма. Историки, наряду с филологами, самыми разными способами подготовили институционализацию наций, в создании которых они принимали участие. Применение истории не ограничивается изучением только прошлого. История может стать, в зависимости от ситуации, важным политическим фактором. Восприятие истории может стать причиной

⁹ Шнирельман В.А. Войны памяти. Мифы, идентичность и политика в Закавказье / В.А. Шнирельман. – М., 2003. – С. 15.

¹⁰ Friedman J. History, Political Identity and Myth / J. Friedman // Lietuvos etnologija. Lithuanian Ethnology. Studies in Social Anthropology and Ethnology. – 2001. – No 1. – P. 52.

¹¹ О позиции Энтони Смита см.: Смит Э.Д. Национализм и историки / Э.Д. Смит // Нации и национализм. – М., 2002. – С. 236, 260.

мобилизации, легитимации, политизации национальной идентичности¹².

В подобных ситуациях формирование идентичности протекает в рамках интерпретации и реинтерпретации исторических событий. В эпоху национализма, как полагает В.А. Шнирельман, главными «субъектами истории становятся нации, а так как примордиалистский подход наделяет их чрезвычайно устойчивыми культурными характеристиками, то нации вольно или невольно начинают отождествляться с этническими группами, корни которых теряются в незапамятной древности». В такой ситуации интеллектуалы-националисты могут намеренно навязывать «современную этничность глубокой древности»¹³.

Именно в силу этого обстоятельства история используется националистами ради конструирования национальных и, как результат, исторических идентичностей с целью предложения их тому или иному сообществу, что в перспективе может гарантировать его трансформацию в виде национализации и выработки новых идентичностей и лояльностей. В недемократических режимах, тоталитарных и авторитарных, историческое знание подверглось институционализации, что диктовалось желанием властей создать эффективный механизм контроля и управления историческими исследованиями. В недемократических обществах существуют «концептуальные противоречия» между националистически настроенной интеллигенцией, с одной стороны, и сторонниками коммунистической доктрины, с другой.

Националистически настроенная интеллектуальная элита в условиях существования подобных режимов, как полагает П. Варнавский, была вынуждена адаптировать «специфику

¹² Об этой роли исторической науки и исторического знания см.: *Umkämpfte Vergangenheit. Geschichtsbilder, Erinnerungen and Vergangenheitspolitik im internationalen Vergleich* / hrsg. P. Bock, E. Wolfrum. – Göttingen, 1999.

¹³ Шнирельман В.А. Войны памяти. Мифы, идентичность и политика в Закавказье / В.А. Шнирельман. – М., 2003. – С. 18.

националистической риторики к требованиям советского идеологического текста». Это повлияло на то, что «дискурс национальности из сферы политики переместился в дискурс культуры»¹⁴. Новые институты, созданные по инициативе властей, в различной степени были вовлечены в процесс формирования исторического знания – от собственно политической истории до истории языка, культуры и литературы. В рамках институционализированных академических и университетских структур дискурс национальной памяти было гораздо легче контролировать и направлять чем в том случае, если такие структуры отсутствовали. С другой стороны, «в представлениях о прошлом отражается современное состояние группы»¹⁵.

История особо тесно связана с национализмом в национализирующихся государствах. Если страна представляет собой национализирующееся (со)общество, то для местных интеллектуалов история являлась не только представлением о прошлом, но и идеей о прошлом, «тесно связанной с выработкой идентичности в настоящий момент»¹⁶. Написание / описание истории самым тесным образом связано с внешними условиями, в которых существует интеллектуальное сообщество, играющее роль основного носителя идеологии национализма. Объективно история пишется как определенный концепт самости, который основывается на радикальном отделении от какой-либо другой идентичности. Написание истории, как полагает

¹⁴ См.: Варнавский П. Границы советской бурятской нации: национально-культурное строительство в 1926 – 1929 гг. в проектах национальной интеллигенции и национал-большевиков / П. Варнавский // *Ab Imperio*. – 2003. – No 1. – С. 150, 157.

¹⁵ Thompson D. Must History stay Nationalistic? The Prison of Closed Intellectuals *Frontiers* / D. Thompson // *Encounter*. – 1968. – Vol. 30. – No 6. – P. 27.

¹⁶ Friedman J. Myth, History, and Political Identity / J. Friedman // *Cultural Anthropology*. – 1992. – Vol. VII. – P. 195.

Джонатан Фридмэн, является и результатом социальных позиций¹⁷.

Эти социальные позиции формируют условия существования идентичности, которая служит для проявления самости. Политические изменения влекут за собой и изменения исторического знания, а так же смену стратегий, которые используются при написании / описании истории. В некоторых случаях историческое знание может подвергаться деимпериализации. Деимпериализация, как полагает З.Е. Когут, представляет собой приспособление исторических схем и интеллектуальных концепций к факту распада империи¹⁸. До распада империй и / или многонациональных авторитарных государств могли существовать альтернативные формы и варианты интерпретации прошлого, в первую очередь – в национальных регионах.

За пределами официального дискурса могли возникать неформальные объединения и попытки объяснения прошлого. Они влияли на написание и изучение истории, но в авторитарном обществе альтернативные нарративы не могли «поколебать силу официального дискурса»¹⁹. С другой стороны, историки в транзитных обществах вынуждены заново выстраивать историческое знание, будучи вовлеченными в «поиск новых парадигм для написания истории»²⁰. Подобные искания чрезвычайно редко приводят к «концептуальному прорыву»²¹: их результаты, как правило, оказываются более скромными, проявляясь в разрушении старого научного дискурса. Вместе с тем, во внимание

¹⁷ Friedman J. History, Political Identity and Myth. – P. 42.

¹⁸ Когут З.Е. Історія як поле битви. – С. 218.

¹⁹ См. подробнее: Цвиклински С. Татаризм vs булгаризм: «первый спор» в татарской историографии / С. Цвиклински // Ab Imperio. – 2003. – No 2. – С. 365.

²⁰ Об этом процесс см. подробнее: Hrytsak Y. On Sails and Gales, and Ships sailing in various Direction: Post-Soviet Ukraine / Y. Hrytsak // Ab Imperio. – 2004. – No 1. – P. 229 - 254.

²¹ Когут З.Е. Історія як поле битви. – С. 221.

следует принимать и то, что благодаря независимости на первый план выходят новые исторические темы, которые, по мнению националистически ориентированных историков, стимулируют и укрепляют идентичность.

С другой стороны, заинтересованность в тех или иных исторических темах, как полагает Зенон Евген Когут²², зависит от региона и потенциально может скорее разъединить, чем объединить и сформировать единое историческое видение. Атмосфера свободного поиска ведет не только к попыткам выстраивания истории в категориях научного знания. Она создает условия для переписывания национальной истории. В этой ситуации новый исторический дискурс «нередко призван показать политическую независимость как возвращение к истокам»²³.

В этом контексте восприятие истории нередко может подвергаться сознательной мифологизации²⁴. Поэтому,

²² Когут З.Е. Історія як поле битви. – С. 231, 235.

²³ См. подробнее: Ларюэль М., Пейруз С. Русские на Алтае: историческая память и национальное самосознание в Казахстане / М. Ларюэль, С. Пейруз // *Ab Imperio*. – 2004. – No 1. – С. 439.

²⁴ О роли национальных мифов и их влиянии на историописание см.: Agičić D. Bosna ja naša! Mitovi i stereotipi o državnosti, nacionalnom i vjerskom identitetu te pripadnosti u novijim udžbenicima povijesti / D. Agičić // *Historijski mitovi na Balkanu* / red. H. Kamberović. Sarajevo, 2003. – С. 139 – 160; Aleksov B. Poturica Gori i turčina: srpski istoričari o verskim preobraćenjima / B. Aleksov // *Ibid.* – С. 225 – 258; Goldstein I. Granica na Drini – značenje i razvoj mitologema / I. Goldstein // *Ibid.* – С. 109 – 138; Kolstø P. Procjena uloge historijskih mitova u modernim društvima / P. Kolstø // *Ibid.* – С. 11 – 38; Antić A. Evolicija i uloga tri kompleksa istorijskih mitova u srpskom akademskom i javnom mnjenju u poslednih deset godina // *Ibid.* – С. 259 – 290; Brunnbauer U. Drevna nacionalnost i vjekovna borba za državnost: historiografski mitovi u Republici Makedoniji // *Ibid.* – С. 291 – 305; Džaja S.M. Bosanska povijesna stvarnost i njezini mitološki odrazi // *Ibid.* – С. 39 – 66; Kamberović H. “Turci” i “kmetovi” – mit o vlasnicima Bosanske zemlje // *Ibid.* – С. 67

история – конструкция в значительной степени мифическая в том смысле, что она являет собой представление о прошлом связанное с утверждением идентичности в настоящем²⁵. Джонатан Фридмэн подчеркивает, что дискурс истории, подобно мифу, представляет собой и дискурс идентичности²⁶. Комментируя роль националистов в написании и описании истории К. Калхун указывает на то, что у национализма очень непростые отношения с историей при том, что именно национализм поддерживает создание исторических описаний нации, а современная историческая наука сформирована традицией создания национальных историй, призванных наделять читателей коллективной идентичностью²⁷.

В этом контексте историческое знание в руках интеллектуалов-националистов обладает значительной интегративной функцией, связанной с преодолением региональных и социальных памятей, которые интегрируются в национальный контекст. Комментируя подобные тенденции в развитии националистического дискурса французский историк Пьер Нора указывает на то, что история в понимании интеллектуалов противостоит «спонтанной памяти». По мнению П. Нора²⁸, националисты стремятся искоренить память, заменив ее систематизированным и стандартизированным нарративом, который определяет то, как и какими средствами следует писать / описывать историю.

– 84; Kværne J. Da lije Bosni i Hercegovini potrebno stvaranje novih povijesnih mitova? // Ibid. – S. 85 – 108; Perica V. Uloga crkava u konstrukciji državotvornih mitova Hrvatske i Srbije // Ibid. – S. 203 – 224; Žanić I. Simbolični identitet hrvatske u trokutu Raskrižje-Predziđe-Most // Ibid. – S. 161 – 202.

²⁵ Friedman J. History, Political Identity and Myth. – P. 43.

²⁶ Friedman J. History, Political Identity and Myth. – P. 41.

²⁷ Калхун К. Национализм / К. Калхун. – М., 2006. – С. 113 – 120.

²⁸ См. подробнее: Nora P. Between Memory and History / P. Nora // Representations. – 1989. – Vol. XXVI. – P. 9.

Поэтому к XX веку историческая наука уже имела немалый опыт отношений с интеллектуалами-националистами, которые, в свою очередь, полагали возможным использовать немалый политический и мобилизационный потенциал исторического знания. История, как подчеркивают молдавские историки А. Куско и В. Таки, всегда использовалась для легитимации политических процессов и состояний²⁹. История для авторитарных и для национализирующихся режимов стала важным элементом различных национальных проектов, выполняя свои функции в создании идентичности. Восприятие истории в этом контексте было и остается основным «полем битвы за идентичность»³⁰.

Националисты почти всегда склонны писать истории под себя, что нередко оказывает негативное влияние на конечный результат. Какими бы мотивами не руководствовались интеллектуалы – верностью принципам национализма и / или требованиями политической лояльности – предложенная историческая схема может оказаться, как, например, произошло в СССР, по словам Ярослава Грыцака, «очень провинциальной, изолированной и сфокусированной на нескольких темах и концепциях»³¹. Подобные проблемы были характерны для большинства национальных историографий в СССР. В частности, Д. Усманова указывает на то, что татарская историография Татарской АССР в РСФСР «была частью советского интеллектуального

²⁹ Куско А., Таки В. «Кто мы?» Исторический выбор: румынская нация или молдавская государственность / А. Куско, В.Таки // *An Imperio*. – 2003. – № 1. – С. 485. См. так же: Мустеацэ С. Преподавание истории в Республике Молдова в последние десять лет // *Ab Imperio*. – 2003. – No 1. – С. 467 – 484; Troebst S. "We are Transnistrians". Post-Soviet Identity management in the Dniester Valley / S. Troebst // *Ab Imperio*. – 2003. – No 1. – P. 437 – 466.

³⁰ Когут З.Є. Історія як поле битви. – С. 219.

³¹ Грицак Я. Украинская историография. 1991 – 2001. Десятилетие перемен / Я. Грицак // *Ab Imperio*. – 2003. – No 2. – С. 427.

сообщества, ей были в равной мере присущи унифицированность исторического мышления и ограниченность методологического кругозора»³².

Составление линейных исторических повествований и утверждение примордиализма часто идут рука об руку. Обращение к истории и примордиальной этничности, как полагает К. Калхун, является ответом на проблемы современных притязаний на статус нации. В подобной ситуации националистическая версия истории является и проектом конструирования / создания нации. С другой стороны, не следует забывать, что история активно используется для формирования коллективных идентичностей и слома локального идентитета, отличного от тех концепций, что предлагаются националистическим большинством.

Поэтому, К. Калхун подчеркивает, что «написание истории – это не только вопрос памяти о каждом. Это также вопрос стирания тех разногласий, который способны ослабить нацию»³³. Подобные тенденции с особой силой проявляются в таком виде исторической продукции как учебники³⁴. Американские исследователи Л. Хэйн и М.

³² Усманова Д. Создавая национальную историю татар: историографические и интеллектуальные дебаты на рубеже веков / Д. Усманова // *Ab Imperio*. – 2003. – No 3. – С. 351.

³³ См. подробнее: Калхун К. Национализм. – С. 113 – 126.

³⁴ О проблеме влияния националистического дискурса на написание учебников по истории см.: Anagnostopoulou S. "Tyranny" and "Despotism" as National and Historical Terms in Greek Historiography / S. Anagnostopoulou // *Clio on the Balkans. The Politics of History Education* / ed. Ch. Koulouri. – Thessaloniki, 2002. – P. 81 – 90; Kalionski A. Ottoman Macedonia in Bulgarian History Textbooks for Secondary School / A. Kalionski // *Clio on the Balkans. The Politics of History Education* / ed. Ch. Koulouri. – Thessaloniki, 2002. – P. 276 – 280; Kalionski A., Kolev V. Multiethnic Empires, National Rivalry and Religion Bulgarian History Textbooks / A. Kalionski, V. Kolev // *Clio on the Balkans. The Politics of History*

Сэкдэн подчеркивают, что школы и учебники представляют собой важные звенья в той цепи, при помощи которой современные общества сохраняют идею гражданства, а, с другой, идеализируя свое прошлое, предлагают своему сообществу и будущее³⁵, нередко основанное на идее однородной в этническом плане нации. При написании национальной истории, по мнению Д. Усмановой, неизбежно «доминирует своеобразный этноцентризм»³⁶.

Национальные идеологии и националистические движения «в значительной степени опираются на этнические версии истории»³⁷. В подобной ситуации, как полагает В.А. Шнирельман, исторические концепции должны были придать уверенность доминировавшему большинству. Именно поэтому, конструируя прошлое, люди стремятся обеспечить «будущее, основанное на соответствующем образом интерпретированном или реинтерпретированном прошлом»³⁸. Написание учебников с позиций национализма

Education / ed. Ch. Koulouri. – Thessaloniki, 2002. – P. 117 – 132; Jordanovski N. Medieval and Modern Macedonia as Part of a National "Grand Narrative" / N. Jordanovski // *Clio on the Balkans. The Politics of History Education* / ed. Ch. Koulouri. – Thessaloniki, 2002. – P. 109 – 117.

³⁵ Hein L., Sekden M. The Lessons of War, Global Power and Social Change / L. Hein, M. Sekden // *Censoring History. Citizenship and Memory in Japan, Germany and the United States* / eds. L. Hein and M. Selden. – Armonk – NY. – L., 2000. – P. 3.

³⁶ Усманова Д. Создавая национальную историю татар: историографические и интеллектуальные дебаты на рубеже веков. – С. 337.

³⁷ Шнирельман В.А. Войны памяти. – С. 518.

³⁸ Шнирельман В.А. Войны памяти. – С. 11 – 12.

ведет к крайней политизации исторической продукции³⁹. Эта политизация очевидна в авторитарных и тоталитарных обществах, где, по терминологии А. Куско и В. Таки, существует феномен «монополизации историографического производства», который влечет за собой «высокую степень монополизации исторических дебатов»⁴⁰, если власти, конечно, позволяют ограниченную научную дискуссию. Вероятно, и монополизация, и политизация исторического знания формирует то, что Диляра Усманова определяет как «концептуальные изъяны историографии»⁴¹.

В.А. Шнирельман подчеркивает, что в СССР была создана достаточно эффективная система контроля над исторической продукцией⁴². Несмотря на это, националистически ориентированные интеллектуалы, среди которых были и авторы исторических учебников, искусственно и намеренно усиливали национальные моменты, занижая роль представителей других

³⁹ См. об этом подробнее: McCormack G. The Japanese Movement for "Correct History" / G. McCormack // *Censoring History. Citizenship and Memory in Japan, Germany and the United States* / eds. L. Hein and M. Selden. – Armonk – NY. – L., 2000. – P. 53 – 73; Gerow A. Consuming Asia, Consuming Japan: the New Neonationalistic Revisionism in Japan / A. Gerow // *Ibid.* – P. 74 – 95; Kazuhiko K. The Continuing Legacy of Japanese Colonialism: the Japan-South Korea Joint Study Group on History Textbooks / K. Kazuhiko // *Ibid.* – P. 203 – 225; Loewen J.W. Vietnam War in High School American History / J.W. Loewen // *Ibid.* – P. 150 – 172; Soysal Y.N. Identity and Transnationalization in German School Textbooks / Y.N. Soysal // *Ibid.* – P. 127 – 149; Yoshiko N., Hiromitsu I. Japanese Education, Nationalism and Ienago Saboro's Textbook Lawsuits / N. Yoshiko, I. Hiromitsu // *Ibid.* – P. 96 – 126.

⁴⁰ Куско А., Таки В. «Кто мы?» Исторический выбор: румынская нация или молдавская государственность. – С. 485, 491 – 492.

⁴¹ Усманова Д. Создавая национальную историю татар: историографические и интеллектуальные дебаты на рубеже веков. – С. 343.

⁴² Шнирельман В.А. Войны памяти. – С. 20.

национальных групп. Доминирование подобных интерпретаций способствовало тому, что в некоторых национальных союзных республиках «советская наука была не в состоянии вырваться из замкнутого круга примордиалистских концепций» несмотря на то, что в СССР «в эпоху интернационализма говорить о древней истории было нежелательно»⁴³.

В автономных республиках ситуация была несколько иной. Комментируя метаморфозы национальных историографий в РСФСР на примере татарской исторической науки Д. Усманова констатирует, что «провозглашенная денационализация истории, целенаправленное создание истории классов и классовой борьбы, жесткий идеологический пресс, тотальный контроль, отрицание историографического наследия прошлого – все это делало априорно невозможным дальнейшее развитие исторической науки в направлении создания национальной истории»⁴⁴. Поэтому, учебники целенаправленно навязывали учащимся идентичность, основанную на языке и территории, а обращение к прошлому было попыткой поиска «эффективных этнозащитных механизмов»⁴⁵.

Идея гражданства, гражданской нации и политической идентичности создается через написание национальной истории, которая пишется и / или воображается интеллектуалами и националистами «в определенном контексте и представляет собой проект определенного типа»⁴⁶. С другой стороны, не следует преувеличивать консолидирующую роль того исторического знания, которое предлагается через исторические учебники, в деле конструирования идентичностей. Это связано с тем, что национальные нарративы, которые предлагаются и

⁴³ Шнирельман В.А. Войны памяти. – С. 293.

⁴⁴ См. подробнее: Усманова Д. Создавая национальную историю татар: историографические и интеллектуальные дебаты на рубеже веков. – С. 350 - 351.

⁴⁵ Шнирельман В.А. Войны памяти. – С. 28, 37, 76, 89.

⁴⁶ Friedman J. History, Political Identity and Myth. – P. 41.

культивируются националистами-интеллектуалами, как и сами учебники, написанные теми же интеллектуалами-националистами, представляют собой далеко незаконченные проекты, которые «требуют постоянной ревизии и реинтерпретации»⁴⁷.

Следует принимать во внимание и то, что история подвержена мифологизации и идеологизации в виду того, что является систематизированным «представлением о прошлом связанным с утверждением идентичности в настоящем»⁴⁸. Мифологизация истории нередко оказывает негативное влияние на националистический дискурс, что выражается в деконструкции исторического мифотворчества⁴⁹. Это может быть вызвано различными факторами, среди которых и значительная политизация исторического знания, и незавершенность процессов формирования идентичности.

Вероятно, именно поэтому историческим исследованиям сложно избежать влияния со стороны националистического дискурса. Значительную роль в конструировании национальной идентичности традиционно играют обобщающие исторические исследования, которые представляют собой попытки выработать единую схему написания и интерпретации истории того или иного сообщества. Создавая их националисты интегрируют в контекст современного для них гуманитарного знания «унаследованные от прошлого популярные национальные стереотипы». Это вызвано тем, что интеллектуалам эпохи национального государства крайне сложно преодолеть идеи унаследованные от домодерной эпохи.

⁴⁷ Hein L., Sekden M. The Lessons of War, Global Power and Social Change / L. Hein, M. Sekden // *Censoring History. Citizenship and Memory in Japan, Germany and the United States* / eds. L. Hein and M. Selden. – Armonk – NY. – L., 2000. – P. 3.

⁴⁸ Friedman J. History, Political Identity and Myth. – P. 43.

⁴⁹ О подобных тенденциях см.: Куско А., Таки В. «Кто мы?» Исторический выбор: румынская нация или молдавская государственность. – С. 493 – 494.

Занятие историей несет печать популярного и официального национализма. С другой стороны, исследования в области академической истории нередко могут и не отличаться «пиететом к национальным святыням»⁵⁰. Это ведет к тому, что взаимоотношения профессиональных историков с теми обществами, в которых они трудятся неизбежно оказываются нелегкими. История – мощное средство национальной и политической мобилизации, которое используется для обоснования прав на независимость тех или иных национализирующихся территорий или для удержания периферийных регионов в составе гетерогенного государства, где «множественность идентичностей» может осложняться «присутствием сильных региональных традиций»⁵¹.

Именно поэтому любая национальная историография проявляет значительный национализм в описании и интерпретации прошлого. С другой стороны, интеллектуалы, создающие историю, как правило, являются примордиалистами. Это приводит к тому, что интеллектуальное историческое вынуждено существовать и функционировать в условиях почти безраздельного доминирования национальной парадигмы. Исторические исследования в подобной ситуации развиваются в условиях доминирования национального нарратива и этноцентризма, что обеспечивало преемственность в развитии исторических исследований и интерпретаций, выдержанных в национальных тонах.

⁵⁰ См.: Камерфорд В. Национальная идентичность и историческая наука в Ирландии / В. Камерфорд // Россия – Ирландия: коллективная память. Материалы конференции 11 – 12 ноября 2005 года, Москва, Всероссийская государственная библиотека иностранной литературы им. М.И. Рудомино / ред. Е.Ю. Гениева, Дж. Харман. – М., 2005. – С. 162 – 171.

⁵¹ Семенов А. От редакции: дилеммы написания истории империи и нации: украинская перспектива / А. Семенов // *Ab Imperio*. – 2003. – No 2. – С. 378.

ТЮРКИ: В ПОИСКАХ ВЕЛИКИХ ПРЕДКОВ

Антей ИЛИТВЕР

**ПРЕДЫСТОРИЯ ЧУВАШСКОГО НАРОДА.
ОПЫТ ВЫЯВЛЕНИЯ ГЕНЕАЛОГИЧЕСКОЙ
ЛИНИИ ЭТНОСА
(фрагменты)**

[...] Ввиду того, что ареал обитания чувашского народа, в течение последних тысячелетий, постепенно перемещался из Центрально-Азиатского региона в Волго-Уральский регион России, рассмотрим общую историко-этническую периодизацию процесса, приведшего, в конечном счете, к формированию, а затем и к современному состоянию чувашского народа – в Волго-Камской историко-этнографической области. В рамках этой периодизации выделим следующие пять главных этапов:

1. Вероятно, предки чувашей первоначально проживали в Северо-Западном Китае, являясь в течение длительного времени ближайшими соседями китайцев в Центрально-Азиатском регионе.

2. Следующий этап, охватывающий II и I тысячелетия до н. э., связан со смешением финно-угорских племен с индоиранскими и пратюркскими племенами, с тенденцией к сложению обширной культурно-исторической зоны, включавшей: Южную Сибирь, Приуралье, Поволжье и Северный Кавказ.

3. Третий этап (от середины I-го тысячелетия нашей эры до начала XIII-го века) характеризуется постепенным изживанием первобытнообщинных отношений и становлением феодализма, взаимодействием финно-угорского населения с раннетюркским, а также возникновением болгарского феодального государства.

4. Предпоследний этап (XIII первая половина XVI-го века) наполнен событиями и процессами, связанными с

позднетюркской иммиграцией.

5. Последний этап (с середины XVI-го века по настоящее время) связан с широкой русской миграцией, существенно изменившей этнический состав населения и этнокультурную ситуацию в Волго-Уральской историко-этнографической области.

Постепенно разбираясь с вышеприведенными историко-этническими процессами при формировании чувашского народа и с возникшими при этом разночтениями исторических фактов нашего прошлого, так разбросанных по разным изданиям, что головы у читателей все равно остаются замороженными множеством гипотез происхождения чувашского народа и, убедившись в правильности многих предположений профессора В. И. Шахмайкина, я принял решение попытаться восстановить в памяти три первых этапа становления предков чувашей и вынести их на суд наших читателей, основываясь на версии профессора Самаркандского университета Василия Ильича Шахмайкина. При этом, естественно, я вовсе не считаю свою точку зрения по поднятым в книге вопросам единственно правильной [...]

[...] Естественный отбор и борьба за существование в трудных условиях лесной зоны сильно усложняли поведение предков кроманьонцев и играли более заметную роль в эволюции кроманьонцев, чем у ранних неандертальцев, которые лишь следовали, аналогично хищникам, за кочующими стадами диких животных, затрачивая минимум усилий для добывания себе пищи. Легкость добычи пищи не способствовала эволюции ранних неандертальцев. Эта монголоидная ветвь людей, одна из ветвей «китайского человека», по мере продвижения из центрально-азиатских степей на запад постепенно деградировала. Их примитивный образ жизни стал сравнимым с образом жизни хищных животных. Деграция синантропа, одной из ветвей «китайского человека», в неандертальца подтверждается тем, что в результате археологических раскопок установлены существенные различия между ранними и поздними

неандертальцами. Ранние неандертальцы были более близки к «китайскому человеку», чем поздние неандертальцы [...]

[...] Язык ранних неандертальцев, как и язык современных китайцев, формировался на основе языка «китайского человека» (синантропа), но в результате деградации ранних неандертальцев их язык был упрощён поздними неандертальцами до предела. В общении друг с другом поздним неандертальцам были достаточны около трех десятков слов, составленных из одного, двух, в крайнем случае, из трех звуков, доставшихся им от потомков «китайского человека». Более мощные и высокорослые кроманьонцы, обладавшие более высоким интеллектом, в конкурентной борьбе истребляли и даже поедали поздних неандертальцев, потому что в этот период среди людей существовало еще явление каннибализма. В результате чего, около 40 тысяч лет тому назад, поздние неандертальцы были уже повсеместно истреблены, перемешаны с кроманьонцами или же вытеснены из степей Европы обратно в степи Центральной Азии, передвигающимися на восток кроманьонцами [...]

[...] Под натиском ледника и арктического холода люди стали вновь покидать Европейский континент. Причем кроманьонцы Западной Европы через обнажившийся во время похолодания Апеннинский перешеек возвратились на север Африканского континента, а кроманьонцы Восточной Европы, спасаясь от холода, двумя потоками ушли в юго-восточном направлении, потому что продвижению их в теплые южные края препятствовало Срединное море. Основная группа восточноевропейских кроманьонцев, спустившись вдоль Днепра, в его южные лесные массивы, практически не смешиваясь с поздними неандертальцами, ушла на восток, заселив в неолитическую эпоху лесные просторы: Среднего Поволжья, Урала и Западной Сибири, положив начало формированию там «лесных людей» - динлинов, которые в условиях длительного проживания в лесной зоне превратились в светловолосых и синеглазых людей лесной зоны; сформировавшись здесь постепенно в одну из основных ветвей людей белой расы, в том

числе и в одного из наших белокурых предков, савиров, или северян.

Другая же группа восточноевропейских кроманьонцев, спустившись вдоль Дуная, попала в причерноморские степи, где, постепенно приспосабливаясь к проживанию в непривычных для них степных условиях, сформировались в «степных кроманьонцев» - треров. При дальнейшем похолодании треры из низовьев Днепра и Дуная двинулись еще дальше на восток, частично смешиваясь с поздними неандертальцами, вытесняя остальные их племена за пределы Европы. Часть треров, приспособившихся к проживанию в степных условиях, осталась в степях Восточной Европы, расселившись вдоль северной границы Срединного моря, сложившись здесь впоследствии в «степных людей» (киммерийцев).

Вытесняемые же из степных пространств Восточной Европы поздние неандертальцы тоже уходили на восток. Причем одна из их ветвей уходила в степи Южной Сибири, вслед за уходящими от холода на восток стадами диких животных. Другая же их ветвь, частично смешавшаяся со «степными кроманьонцами» (трерами), ушла в пустующие степи Северо-Западного Китая, сформировавшись там в одного из предков тюркских народов - синов, поселившись по соседству с предками китайцев, проживавшими в долине реки Хань (притоке Хуанхэ) [...]

[...] В результате непрекращающегося дрейфа Гренландии и разрушения его огромного ледникового панциря восстановившимся Гольфстримом, около 40 тысяч лет тому назад, началось новое потепление Европы. В то время, как по просторам Азии еще продолжалось продвижение потомков кроманьонцев и поздних неандертальцев, уходящих от холода на восток, освободившаяся от ледников около 35 тысяч лет тому назад Западная Европа стала вновь заселяться через Апеннинский перешеек жителями Северной Африки, положив начало формированию в Западной Европе кельтских племен, сложившихся в Северной Африке на основе западноевропейских кроманьонцев, ушедших туда в начале днепровского (средне-

плейстоценового) оледенения Европы.

Восточноевропейские же кроманьонцы (приспособившиеся к проживанию, как в лесной, так и лесостепной зоне Европы) в этот период ушли далеко на восток, вытеснив из степных пространств Западной и Восточной Сибири потомков поздних неандертальцев за пределы Евразийского суперконтинента или же смешивались с ними, образуя метисные (смешанные) племена и народы. По внешним морфологическим признакам представители этих метисных племен, в результате смешения их со степными кроманьонцами (трерами), стали напоминать современных казахов. Вытесняемые с Азиатского континента потомки этих ранних и поздних неандертальцев, спасаясь от уничтожения и даже «поедания» кроманьонцами, ушли около 35 тысяч лет тому назад через «Берингов мост» на Североамериканский континент, унеся туда и некоторый словарный запас своего примитивного языка, сформировавшегося как и пратюркские языки, на базе языка «китайского человека».

Небольшая часть далеких потомков неандертальцев, побоявшись трудностей преодоления «Берингового моста», ушла вдоль береговой линии Северного Ледовитого океана на запад и вновь вернулась в Европу, формируя по мере своего продвижения на запад самодийские народности Крайнего Севера. Лесные просторы Среднего Поволжья, Урала и Западной Сибири ещё в неолитическую эпоху были заселены пришедшими из Приднепровья восточноевропейскими кроманьонцами, положив начало формированию там предков «лесных людей» - динлинов, общих предков финно-угорских и большинства европейских народов белой расы [...]

[...] Похолодание в Европе наступило не сразу, а постепенно, поэтому перемещение метисных потомков кроманьонцев и поздних неандертальцев на восток шло в течение жизни нескольких их поколений, не раз сближая или разъединяя эти две расы людей. Более сильные и обладавшие большим интеллектом степные кроманьонцы (треры) не только теснили и истребляли потомков поздних неандертальцев, но и смешивались

с ними, постепенно растворяясь в более многочисленной среде людей монголоидного физического типа, в процессе их продвижения из южных степных пространств Европы в степи Северо-Западного Китая.

Сложившиеся на основе смешения потомков кроманьонцев и поздних неандертальцев эти метисные племена сохранили свой материнский язык, в основе которого были слова, доставшиеся им от их дальнего родственника - «китайского человека». Язык этих метисных племен мы будем именовать в дальнейшем - пратюркским языком, а их самих - пратюркскими племенами, которые, будучи типичными степняками, заняли пустующие до них степи и нагорья Северо-Западного Китая, где в упорной борьбе с местным земледельческим населением (китайцами), не пропускавшими их дальше на восток, закрепились в непригодных для земледелия степях этого региона, сложившись здесь впоследствии в тюркоязычные племена под самоназванием - сины.

К моменту прихода в Северо-Западный Китай потомки кроманьонцев практически растворились в тюркоязычной среде потомков поздних неандертальцев, сохраняя свои европеоидные морфологические признаки лишь в немногочисленной среде их племенной знати – людей европеоидного физического типа. Приход в Северо-Западный Китай вместе с пратюрками - потомков кроманьонцев подтверждается тем, что в костных останках шандидунского человека, обнаруженного на территории Китая, отчетливо прослеживаются кроманьонидные черты, хотя до этого традиционный кроманьонский тип всегда связывался только с Европой и не предполагалось пребывания его в азиатской части суперконтинента.

Особенностью формирования древнейших языков, к которым относится и китайский язык, является краткость их слов. Многие слова китайского языка, сохраняя особенности формирования древнейших языков, составлялись на стадии своего изначального формирования из одного, двух или трех звуков. И так как зачатки речи предков поздних неандертальцев и

современных китайцев зарождались на основе примитивного языка синантропа, то эта их закономерность, то есть краткость и схожесть древнейших слов китайского языка и изначальные слова пратюркского языка, сохраняются и по настоящее время, что хорошо прослеживается в сравнении современных китайских слов, с одним из древнейших тюркских языков – чувашским [...]

[...] До прихода в Северо-Западный Китай монголоидные предки пратюркских племен были в основной своей массе народом примитивным, не знающим земледелия, лишенным государственной организации и не имевшим ещё даже потребности в ней. В своём развитии они находились ещё на стадии такого общественного строя, при котором богатство и знатность человека не играли решающей роли, а в человеке ценились его рост и сила, в результате чего во главе их родов в большинстве случаев оказывались потомки кроманьонцев, обладавшие, в сравнении с пратюрками, большим интеллектом, высоким ростом (до 180 см.) и необычайной силой. Господство физической силы постепенно превратилось в обычаи и традиции пратюркских племен, сохранившиеся в течение последующих периодов их становления. В целях культивирования силы и роста пратюрки, согласно своим традициям и обычаям, ежегодно весной устраивали турниры и игрища (курултаи), где выявлялись в каждом роду самые сильные и рослые мужчины, которых именовали «паттър», то есть батыр (богатырь) [...]

[...] Оказавшись, около 3000 лет до н. э., в Средней Азии и Северо- Западном Китае потомки выходцев из Месопотамии покорили местные пратюркские племена, сложившись здесь в метисные тюрко-ираноязычные племена - серов. С глубокой древности у их предков –«ассиров», «самаритян», «сумаров» (шумеров) на время войны советом старейшин избирался военный правитель (полководец), которого они именовали словом - «лугаль». Согласно сохранившейся своей такой традиции, вновь сформировавшиеся здесь метисные тюрко-ираноязычные племена серов, в случае войны тоже избирали своего военачальника, титул которого стали именовать теперь

уже не словом «лугаль», а тюркским словом «гун» (хун), ставшим означать в пратюркских языках то же самое, что и «лугаль», то есть князь или полководец.

Кроме того, пришедшие в Среднюю Азию «ассиры» (самаритяне) считали, что их предки тоже были «великанами», поэтому-то новое название «улу-батыров» – «гун», прочно закрепилось в их языке, не противореча мировоззрениям пратюрков, так и их завоевателей – «ассиров» (самаритян). Таким образом, с приходом в Среднюю Азию индоиранских племен, прежнее название племенного вождя пратюркских племен – «улу-батыр» было заменено на слово «гун», что значило «князь военного времени». Сей титул не передавался по наследству и действовал только в случае войны. Впоследствии же (в степях Южной Сибири) термин «гунны» был распространен и на название части этого метисного тюрко-ираноязычного народа [...]

[...] Вторгшиеся в Северо-Западный Китай пратюркские племена, растерявшие уже к этому периоду большинство своих европеоидных морфологических признаков, доставшихся им после смешения со степными кроманьонцами (трерами), представляли собой племена, состоящие в основной своей массе из людей монголоидного физического типа. Пратюрки до прихода на территорию современного Северо-Западного Китая были ещё в достаточной степени, как мы уже отметили выше, людьми примитивными. В своем развитии они находились ещё только на стадии формирования первобытнообщинного строя, при котором у них не было ещё ни института «отцовства», ни прочных семейных связей. Хотя они и ассимилировали в своей многочисленной среде потомков кроманьонцев, но всё же по пропорциям тела и строению головы продолжали сохранять свои монголоидные признаки, то есть во внешнем своем облике они продолжали ещё сохранять многие особенности «китайского человека» (синантропа).

Пришедшие из холодных мест пратюрки, защищая свои тела от холода, научились пользоваться одеждой, сшитой из овечьих шкур. Одежда из овечьих свежесделанных шкур, сшитая мехом

наружу и обладавшая в таком виде бактерицидными свойствами, защищала их тела не только от холода, но и от различных кожных заболеваний. Такое одеяние пришельцев выглядело странным и непонятным для местных жителей теплого Китая. Такая одежда делала их сходными с обезьянами, за что предки китайцев, проживавшие в долине реки Хань, стали именовать их «дикими людьми» (еженями) или ещё обиднее - «хоуженями», то есть «обезьяньим народом», а их племенных вождей (улубатыров) они стали именовать, не иначе, как «царями обезьян». В некоторых старинных китайских сказках и сказаниях упоминаются даже имена царей этого «обезьяньего народа», к примеру, имя такого «царя обезьян», как Су-хоу, где слово «хоу» и значит обезьяна.

Интересно отметить, что своим самоназванием «ханьжень», перево дящимся на русский язык, как «люди с реки Хань», китайцы всячески подчеркивали перед пришлым «обезьяньим народом» свое человеческое происхождение. В течение ещё многих последующих столетий местное оседлое население этих пришельцев (кочевников) продолжало считать неполноценными людьми, придумывая им всякие обидные прозвища. Китай в древности был окружен необразованными народами, и китайцы полагали, что и все другие народы, обитавшие дальше их диких соседей, находились в подобном же невежестве, поэтому из презрения к ним они давали им прозвища, заключавших в своем смысле какую-либо насмешку. Пратюрки не мирились со столь обидными для них китайскими прозвищами. Точно так же, как китайцы именовали себя «людьми», вернее «людьми с реки Хань», так и пратюрки стали себя именовать то же «людьми», что на их языке звучало, как слово «ын», которое в индоиранской транскрипции звучало, как «чин», или «sin», закрепившись и в их языках, как самоназвание этих тюркоязычных племен. Из вышеизложенного можно констатировать, что изначальное самоназвание пратюрков - это «ын», или «sin», которое подтверждается тем, что античный астроном и географ Птолемей на своей карте древнего Мира помещает на территории

современного Северо-Западного Китая народ под названием «sin», или «сины» [...]

[...] Отгороженные от ближневосточной цивилизации древние китайцы даже не предполагали, что на свете могут быть люди отличающиеся своей внешностью от китайцев. Разобравшись (наконец-то) с внешностью пратюрков, поняв, что их волосяной покров это лишь их одежда, они стали впоследствии все же признавать, что пратюрки по своим внешним признакам чем-то схожи даже с самими китайцами. Пришедшие же в степи Северо-Западного Китая, во главе пратюркских племен, светловолосые и голубоглазые потомки кроманьонцев так резко отличались своей внешностью и ростом от черноволосых и низкорослых китайцев, что ввергли их в замешательство, заставив китайцев воспринять этих людей в качестве «духов», то есть, как «людей потустороннего мира».

Неопознанные существа, чем-то напоминающие своей внешностью людей, у многих народов древности зачастую олицетворялись в их языческих мировоззрениях с образами: демона, черта, дьявола, или джинна. Так, например, в русских сказках и сказаниях эти существа олицетворялись в образе демона, или чертей, а в восточных сказках и сказаниях в образе джинна [...] Если пратюркских простолюдинов китайцы именовали «дикими людьми» или «обезьяньим народом», то их племенную знать, светловолосых и голубоглазых людей, резко отличавшихся своей внешностью от китайцев, они также (как и другие народы в вышеприведенных примерах) стали именовать «дьяволами», вернее «дьяволами пришедшими из холодных мест», что в древнекитайском языке соответствовало слову «динлэн». Где, слово «ди» или «дин», означает «дьявол» (дьяволы), а слово «лэн» (лэн дэ) «холод» (холодный). В переносном смысле слово «динлэн» можно перевести, как - «холодные или северные дьяволы» [...]

[...] Пратюркские племена сформировались путем постепенной деградации «китайского человека» (синантропа) – в позднего неандертальца. Вследствие этого пратюркский язык

первоначально был, как мы уже подметили выше, сходным с языком «китайского человека», в котором, как и в современном китайском языке, отсутствовал звук «р». Так как в языках китайцев и пратюрков отсутствовал звук «р», то китайцы при произношении чуждых им слов, меняли звук «р» на звук «л». Это пристрастие китайского языка, к замене звука «р» на «л», сохраняется и по настоящее время. Пратюрки же при произношении чуждых им слов меняли звук «р» на звук «з», кроме того, они меняли звук «у» на звук «а», звук «х» на «к». Такая замена звуков одного языка на звуки другого называется ротацизмом. К примеру, если в современных тюрко-огурских языках слово бык – «огур» (вӑкӑр), то в тюрко-огузских языках оно меняется на – огуз. Слово хёр (девушка) превращается в – кыз, слово хур (гусь) – в слово каз, слово «хуран» (котёл) – в казан, а слово хурах (разбойник) превращается уже в слово – казак и т. д.

Пратюркский язык синов, который впоследствии стал именоваться огузским и смешанный тюрко-иранский язык киданей, или тюрков который получил название – огурский, стали отличаться друг от друга лишь изменениями труднопроизносимых звуков в их словах. К примеру, в огузских языках слово бык «огуз», а в огурских языках оно уже превращается в «огур», поэтому-то и делят тюркоязычные племена на «огуров» и «огузов». В середине III-го тысячелетия до н. э. серы вторглись на исторические земли китайцев. Здесь они во главе высокорослых и мощных людей европеоидного физического типа, владевших многими достижениями цивилизации того периода, стали захватывать и подчинять разрозненные племена оседлых китайцев, постепенно заняв главенствующее положение и среди китайцев, превратившись впоследствии в их царскую династию «Ся», правившую Китаем, согласно китайским легендам, примерно с 2600 года до н. э [...]

ПРЕДЫСТОРИЯ ЧУВАШСКОГО НАРОДА

Существует разные версии происхождения чувашского народа... одни из предков чувашей начали свое формирование в Турфанском оазисе Центральной Азии, путем смешения ираноязычных и тюркоязычных племен. Пришедшие в Центральную Азию из Ближнего Востока ираноязычные предки самаркандских таджиков (ассиры) смешались здесь с пратюркскими племенами «синов» (одними из предков тюркоязычных казахов). Результатом такого смешения (ираноязычных племен с тюркоязычными племенами) и стали метисные тюрко-ираноязычные турфанские хунны или гунны, именуемые китайцами «жунами».

В XIV веке до нашей эры, ввиду затопления Турфанской впадины, здешние хунны или жуны были вынуждены покинуть Турфанский оазис, разделившись на четыре части. Одна из этих частей, ставшая именоваться «усунями», спаслась в здешних горах Наньшаня (хребет Пржевальского), сложившись впоследствии в одних из предков узбеков. Другая же их часть, именуемая в дальнейшем «сизжунами», то есть «западными жунами» или «западными хуннами», ушла в верховья Иртыша, где и смешалась с местными угроязычными племенами (предками венгров), сложившись здесь в обособленную алтайскую семью тюрко-ирано-угроязычных племен.

Эти метисные племена, сложившиеся в результате смешения «сизжунов» (наших тюрко-ираноязычных турфанских предков) с уграми, китайцы стали именовать «жуно-уграми» или «джунгарцами», в составе которых и формировались метисные алтайские наши предки – «савиры» и предки болгар – «пулэйцы». Таким образом, предки болгар и чувашей (входившие в состав алтайской семьи тюрко-ирано-угроязычных) народов были

родственными племенами, говорившими на одном и том же смешанном протоболгарском или проточувашском языке, и отличались они друг от друга лишь по роду своей хозяйственной деятельности.

«Жуно-угры» или «джунгарцы», ставшие заниматься на Алтае земледелием, превратились впоследствии в савиров (предков чувашей), а продолжавшие вести кочевой (скотоводческий) образ жизни превратились в пулэйцев (предков болгар). Следует отметить, что после ухода предков болгар и чувашей с Алтая, основная часть оставшихся на Алтае джунгарцев была истреблена или ассимилирована, пришедшими с востока монголоязычными племенами, коренным образом сменив их европеоидные физиологические признаки – на монголоидные. Пример тому их потомки – калмыки, совсем непохожие теперь (как по физиологическим, так и по морфологическим признакам) ни на болгар, ни на чувашей.

Оставшаяся же небольшая часть джунгарцев, чудом избежавшая уничтожения монголами (как говорят народные предания) «возродились из пепла», сложившись здесь в родственных нам кашгарцев, отличительным племенным знаком или тотемом которых стал – «волк» (кашкър). О том, что «кашгарцы» и «джунгарцы» были родственными нам племенами подтверждается тем, что они и наши предки именовали волка словом – «кашкър», в других же тюркских языках (не входящих в состав алтайской семьи тюркских языков) волка именуют словами – «бўре» или «корт». Например, у башкир волк – «корт», а у татар – «бўре».

Если с течением времени потомки «джунгарцев» и «кашгарцев» исчезли с исторической арены, растворившись среди других народов Центральной Азии, то потомки «савиров» и «пулэйцев» (вернувшись в Турфанский оазис) продолжили здесь свое дальнейшее формирование в чувашскую и болгарскую народности. Причем та часть савиров ушедших с Алтая, образовала в Турфанском оазисе свое савирское княжество (под китайским названием «Чеши»), в состав которого вошло и

подвластное савиро-чешистам протоболгарское племя «Пулэй». Оставшиеся же на Алтае савиры (под натиском монголов) во II-ом веке, вместе с предками венгров, ушли в Поволжье, где они (в бассейнах рек Большая Утка и Малый Черемшан) тоже образовали свое савирское княжество, ставшее известным европейцам под названием «Сувар».

Подытожим процесс формирования наших предков, в упрощенном варианте, на примере современных народов, следующим образом. Ираноязычные предки таджиков, смешавшись с тюркоязычными предками казахов, сложились в тюрко-ираноязычных предков узбеков, в том числе и в наших Турфанских предков (сизунов), которые (в свою очередь) смешавшись на Алтае с предками венгров и положили начало формирования на Алтае тюрко-ирано-угроязычных предков джунгарцев, кашгарцев, болгар и чувашей. Вот таковы причины и обстоятельства формирования наших предков...

...разберемся с некоторыми терминами и понятиями... Начнем с «синантропов». Это первобытные люди, предки современных китайцев и пратюрков, люди монголоидного физического типа, кочевавшие в древности в степях Центральной Азии. Слово «синантроп» в переводе означает – «китайский человек». Следующее понятие в его версии – «десятиплеменные угры». Это союз десяти угорских племен. Их именуют также «уногурами», «вӑнгурами» или венграми, где слова «ун» и «вӑн» означают число – десять. «Десятиплеменные угры» это потомки «лесных людей» (динлинов), проживавших еще с доисторических времен в лесостепной зоне Урала и Южной Сибири. Люди европеоидного физического типа.

Термин – «халха», так именовались жители древней Монголии. Следующий термин – «жуны», так китайцы именовали турфанских гуннов, по ниже перечисленным причинам. Священным животным китайцев того периода была – корова, поэтому они не употребляли в пищу молоко. Священным же животным гуннов был – бык, поэтому употребление ими в пищу молока, не считалось у них (в отличие от китайцев) –

святотатством. Разница этнических черт китайцев и гуннов была такова, что внешность, привычки и обычай употреблять в пищу молоко вызывало у китайцев физические отвращения и насмешку. Поэтому-то китайцы, презиравшие за это своих северных соседей, и стали именовать их «жунами», то есть – «варварами».

Следующий термин - Турфанский оазис. Это небольшая область на северо-западе Китая. Расположен Турфанский оазис ниже уровня Мирового океана, поэтому именуют его также Турфанской впадиной или Люкчунской котловиной. С соседними Зеравшанской и Илийской долинами он связан через «Джунгарские ворота». Это прародина гуннов. И, наконец, термин или понятие – «долина реки Хань». Эта долина находится на северо-западе Китая, в верховьях реки Хуанхэ. Долину реки Хань китайцы издревле считают своей прародиной. Самоназвание китайцев – «ханьжень», что в переводе и означает – «люди с реки Хань». Итак, разобравшись с некоторыми терминами и понятиями встречающиеся в среднеазиатской версии происхождения чувашей, приступим к изложению основной части этой версии.

Начнем с того, что 6000-5000 лет до н.э. на Ближнем Востоке (в районе Плодородного Полумесяца, который располагался на территории современных: Ирака, Сирии, Израиля и части Турции) проживали наследники шумерской цивилизации – рыжеволосые люди восточно-средиземноморского или брахикранного физического типа. А в Центральной Азии (в этот же период) обитали потомки синантропа, предки современных китайцев и пратюрков – узкоглазые и черноголовые люди монголоидного физического типа.

В лесостепной же зоне Алтая и в Южной Сибири кочевали «десятиплеменные угры» – светловолосые и голубоглазые люди европеоидного физического типа. Все вышеперечисленные народы (из различных рас людей), в той или иной мере участвовали в формировании чувашского народа, передав нашим предкам разнообразие своих расовых признаков. Поэтому-то

среди чувашей встречаются: светловолосые и голубоглазые европеоиды (20%), узкоглазые и черноголовые монголоиды (10%) и рыжеволосые брахикраны (около 1%). Остальные чуваша относятся к смешанным расовым типам. Очередность формирования наших предков, из вышеперечисленных различных рас людей, мы начнем с истории части жителей районов Плодородного Полумесяца, которые не позднее V-го тысячелетия до н.э. (во времена одного из великих переселений народов) двинулись на восток, в сторону Иранского нагорья.

После прохождения Иранского нагорья, выходцы из районов Плодородного Полумесяца, именуемые в дальнейшем индоиранскими племенами или индоевропейцами, разделились на две группы племен. Одна из этих групп ушла на Индостанский полуостров и Тибетское нагорье, другая же их группа повернула на северо-восток и ушла на территорию современной Средней и Центральной Азии. До их прихода на эти земли, здесь уже проживали два родственных по происхождению народа. Это предки современных китайцев с самоназванием «ханьжень», что значит – люди с реки Хань и пратюрки с самоназванием «зин» или «сины», что означало, как и у китайцев – человек или люди.

Пратюрки, как и китайцы, имели общего своего предка – синантропа, то есть те и другие были людьми монголоидного физического типа, унаследовавшие не только внешность, но и речь первобытного «китайского человека», слова которого состояли из двух-трех звуков не более. Краткость слов, как известно, была характерной чертой или особенностью древних

языков, в том числе пратюркского и древнекитайского. Потомки синантропа, перешедшие на оседлый земледельческий образ жизни, превратились впоследствии в предков современных китайцев, а продолжавшие вести примитивный кочевой образ жизни превратились в пратюрков, в одного из наших тюркоязычных предков по материнской линии.

Следует отметить, что от общего своего предка (синантропа) пратюрки и современные китайцы сохранили не только свои внешние монголоидные физиологические признаки и краткость

их слов, но и отсутствие в их языках – звука «р». Так как в их языках отсутствовал звук «р», то китайцы при произношении чуждых им слов, меняли звук «р» на звук «л». К примеру, русское слово работа в устах китайцев звучало бы, как «ла-бо-да». Такое пристрастие китайского языка к замене звука «р» на «л» сохраняется и по настоящее время. В этом легко убедиться, взглянув на карту современного Китая, на которой практически нет ни одного их географического термина со звуком «р».

Пратюрки же, наши предки по материнской линии, будучи (как и китайцы) потомками синантропа, при произношении чуждых им слов, в отличие от китайцев, меняли звук «р» на звук «з». Кроме того, они меняли звук «у» на «а», звук «х» на «к». Такая замена звуков одного языка на звуки другого называется – ротацизмом. Например, если наши предки (огуры) произносили слово – «хуран» (котел), то у пратюрков (огузов) оно, согласно законам ротацизма, превращалось уже в слово – «казан», слово – «хур» (гусь) менялось на – «каз», а слово – «хурах» (разбойник), превращалось уже в слово – «казак» и т.д.

На рубеже III-II тысячелетий до н.э. часть пратюркских племен была завоевана пришедшими из Ближнего Востока «р»-язычными индоиранскими (семитскими) племенами «ассириров». Их потомков на Ближнем Востоке именовали ассирийцами (сирийцами), а дошедших до Средней Азии именовали, как ассирийцами, так и серами, которые (пережившись на женщинах из пратюркских племен) и стали нашими ираноязычными предками по отцовской генеалогической линии. Китайцы же, как мы уже упоминали выше, имевшие пристрастие к укорочению чуждых им слов и отсутствия в их языке звука «р» стали именовать среднеазиатских ассирийцев или серов, удалив в их имени звук «р», народом «сэ», а в пекинском произношении – народом «ся».

Таким образом, мы выяснили, что ассирийцы, сирийцы, серы или «ся», были родственными племена из одной и той же индоиранской (семитской) ветви ближневосточных народов. В результате этнического смешения части ираноязычных

пришельцев с некоторыми пратюркскими племенами синов, в Средней Азии сложился смешанный тюрко-иранский (огурский) язык наших предков, в котором присутствовали уже как звук «з», так и звук «р».

По физиологическим же своим признакам, сложившиеся здесь метисные племена (ираноязычных серов с тюркоязычными синами) напоминали усуней (одних из предков узбеков), в том числе и наших предков – «сичунов», во внешности которых присутствовали уже, как арийские, так и монголоидные (пратюркские) компоненты. Другие же пратюркские племена синов (огузы), не подвергшиеся кровосмешению с пришлыми индоиранскими племенами, продолжали кочевать по просторам Казахского мелкосопочника и напоминали современных казахов, в наибольшей степени сохранившие, по сравнению с нашими метисными предками «огурами», монголоидные признаки «китайского человека» и характерные особенности их пратюркского языка, связанного с отсутствием в их речи – звука «р».

Из всего вышеизложенного можем констатировать, что наши предки по отцовской линии были ираноязычными. По материнской же линии наши предки были тюркоязычными. Материнский (пратюркский) язык которых, в конечном счете, и одержал верх над отцовским языком наших ираноязычных предков, потому что материнский язык в смешанных (метисных) семьях, в большинстве случаев оказывается сильнее отцовского, так как матери (в отличие от отцов) в большей степени общаются со своими детьми, особенно в их младенческом возрасте. Яркий пример тому, бывшие тюркоязычными, дунайские болгары, перенявшие на завоеванных ими землях, материнский язык южных славян, пережившись на женщинах из этих южнославянских племен. Хотя материнский язык наших тюркоязычных предков и одержал верх над отцовским языком, но все же в чувашском языке сохранилось довольно большое количество и отцовских слов, индоиранского происхождения. Вот поэтому-то в чувашском языке и сохранились шумерские,

аккадские, хеттские, еврейские, индийские, арабские и персидские слова народов, заселявших в древности районы Плодородного Полумесяца.

Цивилизация пришедших в Центральную Азию индоиранских племен была на порядок выше, чем у китайцев того периода, тем более чем у отсталых кочевых пратюркских племен, которых серы и подчинили своему влиянию. На завоеванных у синов землях в Зеравшанской и Илийской долинах, а также в оазисах Турфана и Алтая, среднеазиатские ассирийцы или серы начали создавать города-государства, по подобию своих прежних шумерских городов-государств в Месопотамии. Причем городские жители этих государств были – ираноязычными, а сельские жители в окружении этих же городов-государств были – тюркоязычными или угроязычными.

В 2824 году до н.э. города-государства среднеазиатских ассирийцев или серов, с центром в Зеравшанской долине, объединились в мощное государственное образование под названием Среднеазиатская Ассирия или Серикия. Эта же дата (2824 год до н.э.) была принята началом их летосчисления, в том числе и древнего болгаро-чувашского (гуннского) календаря, по которому сейчас идет 4829 год. Он древнее китайского календаря на 187 лет, так как летосчисление древнекитайского календаря (скопированного с календаря серов) начинается лишь с 2637 года до н.э., с момента завоевания части Китая ираноязычными зеравшанскими серами и образования ими там первой царской династии Китая, под названием «Ся».

О том, что пришедшая из Средней Азии династия «Ся» была чужеродна китайцам, подтверждается тем, что первые цари этой династии были людьми не монголоидного, а восточно-средиземноморского (брахикранного) физического типа, то есть они были – рыжеголовыми, в отличие от черноголовых китайцев. Китайцы были недовольны засильем чужеземных завоевателей и именовали их в простонародье, не иначе чем как, «рыжебородыми дьяволами». После ниспровержения (в 1764 году до н.э.) этой чужеродной китайцам династии, начинается

распад государства серов и в Средней Азии. На обломках Серикии в Зеравшанской долине возникает – Согдиана, во главе с ираноязычной племенной знатью.

Ираноязычные турфанские и илийские серы, оказавшиеся (после распада Серикии) на окраинах (периферии) Согдианы, интенсивно смешивались с окружавшими их многочисленными пратюркскими племенами и постепенно отуречивались, становясь второсортными в государственном устройстве Согдианы. Продвижение по службе для метисных турфанских и илийских серов становилось бесперспективным, так как все высшие должности у согдийцев получали лишь чистокровные арийцы, то есть ираноязычные зеравшанские серы. Оказавшись по службе на второстепенных ролях, отуречившиеся турфанские и илийские серы перестали подчиняться ираноязычным согдийцам и создали свое собственное племенное объединение, с центром орды в Турфанском оазисе. В случае войны, метисные турфанские и илийские серы (по законам военной демократии) избирали общего для них временного вождя, которого они именовали словом «гун» или «хун», что значило – «князь военного времени».

Этот титул не передавался по наследству и действовал только в случае войны. С течением времени слово «хун» или «гун» было перенесено на название жителей Турфана, которые в дальнейшем так и именовались – «гуннами» или «хуннами», а их племенная знать и само племенное объединение получило название – «Хунну». Если в случае войны, отуречившиеся турфанские серы или гунны, жили по законам военной демократии, то в мирное время они жили по законам общинно родового строя, что подтверждается данными исторических хроник, говорящих об отсутствии у них, в этот исторический период, прочных семейных традиций и резким ослаблением их родственных связей. Дети у них в этот период были общими. Воспитанием их занимался весь род.

Создав свою орду, отуречившиеся турфанские и илийские серы окончательно отделяются от ираноязычных зеравшанских

серов, сложившись здесь в обособленную «р»-язычную ветвь тюрко-ираноязычных племен. Можно сказать, что среднеазиатские наши предки разделись здесь на ираноязычных согдийцев и на метисных тюрко-ираноязычных турфанских серов или гуннов, которых мы и будем считать нашими предками в последующих их поколениях. Отцовскую же ираноязычную генеалогическую линию наших предков, не являющуюся целью наших изысканий, мы не рассматриваем. Это прерогатива сторонников скифской версии происхождения чувашей, потому что отуречившиеся турфанские серы или гунны к этому времени уже сильно отличались от ираноязычных согдийцев (предков среднеазиатских скифов, самаркандских таджиков, бухарских евреев и саков), как по физиологическим, так и по морфологическим признакам.

Это уже был совсем другой народ, говоривший уже не на языке фарси (как современные таджики), а на смешанном тюрко-огурском (гуннском) языке наших исторических предков. Отметим, что до прихода в Центральную Азию индоиранских племен в здешних степях (на Тургайском плато и в Туранской низменности) паслись бесчисленные стада диких туров, дармовая шкура и мясо которых была основой жизнедеятельности пратюркских племен. Дикий бык «тур» считался у кочевых пратюркских племен – священным животным, по названию которого турфанские серы и стали именовать их – «турками». «З»-язычные турки занимали низшую ступень в общественном устройстве Турфанской орды гуннов и олицетворялись в понятиях их «р»-язычной (огурской) племенной знати, аналогично «смердам» древней Руси или «неприкасаемым» древней Индии, как – «темный, невежественный народ». Священным же животным турфанских серов был домашний бык «огур» (вăкър), по названию которого они и именовались – «огурами». С исчезновением дикого быка «тура» пратюрки тоже стали поклоняться домашнему быку – «огуру», но ввиду отсутствия в их языке звука «р» они переименовали слово «огур» на «огуз» и поэтому они именовались здесь также и – «турками».

огузами».

Вот с таких древнейших времен и произошло разделение тюркоязычных племен на «р»-язычных огузов (наших предков) и «з»-язычных огузов. Причем, «огуры» занимали высшую, а «огузы» низшую ступень в иерархической лестнице Турфанской орды гуннов. Это разделение тюркоязычных племен на огуров и огузов сохраняется и по настоящее время. Например, мы (чуваши) – огуры, а ближайшие наши тюркоязычные соседи татары и башкиры относятся к огузам, потому что одни из последних носителей этого языка: джунгарцы были ассимилированы монголами, кашгарцы растворились среди других народов Средней Азии, хазары давно исчезли из исторической арены, дунайские болгары (как мы уже упоминали) ославились, волжские болгары отатарились и лишь чувашам удалось сохранить огурскую (гуннскую) основу этого древнего тюркского языка. Если «з» язычные турки-огузы вели исключительно кочевой образ жизни, то турфанские серы (огуры) были земледельческими племенами, сохранившими многие элементы культуры пришлых индоиранских племен: их письменность и календарь; навыки и знания орошаемого земледелия; своды законов; секреты металлургии; обычаи и религиозные верования (зороастризм); умения создавать крупные общественные образования, такие, как селения, города и даже государства.

К XIII-му веку до н.э. Турфанский оазис, освоенный тюрко-ираноязычными серами или гуннами, стал процветающим уголком Центральной Азии. По утверждению Грумм-Гржимайло (исследователя Центральной Азии) Турфанским серам, а значит и нашим предкам, принадлежит слава создания в Средней Азии и на Алтае городов и храмов, которые и ныне пленяют, ведущих здесь археологические раскопки, учёных. В рассматриваемый нами исторический период, на северной окраине пустыни Гоби сохранялись ещё многочисленные водные остатки существовавшего когда-то здесь древнего моря, тянувшиеся (поясом морей и озёр, в продолжение Каспию, Аралу и Балхашу)

от Алтайских гор – на западе, до Большого Хингана – на востоке, и именовались они (обобщенно) – «Таёжным морем южной Сибири», а у китайцев – «Хань-хай морем».

В XIV-ом веке до н.э., в результате начавшегося бурного роста Гималаев и вследствие этого приподнятия дна здешних морей и озер, произошло смещение вод «Таёжного моря» на юго-запад. Северные области Китая и Турфанская впадина подверглись (в 1327 году до нашей эры) катастрофическому наводнению, отмеченные в китайских преданиях – как «Потоп». Население Турфанского оазиса в спешном порядке стало покидать, четырьмя потоками или частями, свои традиционные места обитания.

Первая их часть ушла на восток, на возвышенные (незатопленные) места Внутренней Монголии, где и смешалась с местными жителями Халхи, став их новой племенной знатью, первоначально под названием – «Кидань», а впоследствии под названием – Монгол. Китайцы именовали их – «дунху», то есть – «восточными варварами». Вторая основная их часть, во главе со своей племенной знатью, именуемая «хунну», ушла на северные окраины пустыни Гоби, в предгорья Саян. Эта часть гуннов столкнулась в прибайкальских степях и в предгорьях Саян с кочевавшими здесь «десятиплеменными уграми» (вэнгурами или венграми).

Объединившись с угорской племенной знатью, пришедшие из Турфана гунны образовали здесь из хуннов и угров конфедерацию, под названием – «Хунугурия» или «Хунгария», жители которой и стали именоваться здесь – «хунно-уграми» ли просто – «хуннами». Третья часть жителей Турфана спаслась в горах Наньшаня (хребет Пржевальского), сложившись здесь в «усуней» (в одних из предков современных узбеков). Четвертая их часть, отпочковавшись от турфанских наших предков, по отрогам Монгольского Алтая ушла в верховья Иртыша. Китайцы именовали их – «сизунами», то есть – «западными жунами» или «западными варварами», которые и были теми поколениями наших предков, продолжившими на Алтае свой процесс

формирования, в чувашскую народность.

С тем, чтобы проследить дальнейший процесс формирования, теперь уже алтайских наших предков, необходимо иметь в виду то, что в те времена на юге Сибири, от Байкала до Алтая, проживали «десятиплеменные угры». Одно из этих угорских племен именовавшееся «савирами», кочевало здесь со своими стадами по южным и западным склонам Алтайских гор. Пришедшие в верховья Иртыша земледельческие племена потомков Турфанских серов не стали воевать или враждовать с этими местными угорскими племенами, а мирным путем вошли в состав их племенного объединения и смешались с ними.

Сложившиеся здесь метисные племена (из сижунгов и угров) китайцы стали именовать, в отличие от прибайкальских хунно угров, «жуно-уграми» или джунгарцами, в составе которых и формировались метисные алтайские наши предки – «савиры» и предки болгар – «пулэйцы» или «пулугуры», отличительным племенным знаком которых была – «рыба» (пулă). Местная угорязычная племенная знать алтайских савиров первоначально благосклонно отнеслась к искусным пришлым земледельцам, потому что здешние кочевые племена нуждались в хлебе, а главное было еще в том, что пришельцы обладали секретами металлургии и были способны изготавливать из добываемого на Алтае железа – оружие.

В результате смешения тюрко-иранского языка потомков турфанских серов с угорскими языками, на Алтае сформировался сложный – тюрко-ирано-угорский язык джунгарцев (в том числе язык предков болгар и чувашей), в котором присутствовали уже слова как тюрко-иранского, так и угорского происхождения, подтверждающееся тем, что в этот исторический период в чувашский и болгарский языки проникло довольно большое количество угорских (венгерских) слов. У оставшихся же в Турфане, родственных нам усуней, не контактировавших с алтайскими савирами, влияние на их язык слов угорского происхождения – незначительно.

Кроме того, во внешности алтайских наших предков, в

отличие от усуней, появляются значительные европеоидные физиологические признаки, потому что местные угорские племена, будучи людьми европеоидного физического типа, передали нашим алтайским предкам не только некоторый словарный запас своего языка, но и часть своих европеоидных физиологических признаков. Поэтому-то чуваша и болгары и стали отличаться от остальных тюркских народов (например, от узбеков), как по физиологическим, так и по морфологическим признакам. Встретив в излучине Иртыша среди воинственных кочевников миролюбивые земледельческие племена савиров, пришедшие сюда (во II-ом веке до н.э.) среднеазиатские скифы (юэчжи), стали именовать этих миролюбивых земледельцев не

словом «савир», а сходным в их языке (метким к этому случаю) словом «сабир», что в их языке и означало миролюбивый (незловивый) характер человека.

Слово «сабир», (по мнению юэчжей) более соответствовало миролюбивому образу жизни наших алтайских предков, чем непонятное и незнакомое для них слово – «савир». Воинственных же пулэйцев или пулугуров, ираноязычные среднеазиатские скифы (юэчжи) стали именовать тоже по своему – «булугурами», то есть «возмутителями спокойствия». Местность же, где проживали «сабиры» (савиры), юэчжи стали именовать «Сабирией», то есть «Сибирью». С лёгкой руки юэчжей и другие соседи савиров, стали именовать их – «мирным племенем», или «мирными людьми», но уже на своих наречиях. Так, например, окружавшие савиров кочевые «з»-язычные тюркские племена, менявшие звук «р» на «з», а звук «а» на «у», стали именовать савиров – «сувазами».

Восточные «хунно-угры» (к примеру, предки тувинцев) именовали савиров словом – «чааш», кангюйцы (предки казахов), а в последствии и узбеки (из династии среднеазиатских Караханидов) стали именовать их словом – «шупаш», пулэйцы же (предки болгар) именовали этих миролюбивых своих соседей словом – «джууаш». Следует заметить, что все эти вышеперечисленные названия были лишь прозвищами савиров,

подразумевавшие по своей сути, лишь миролюбивый или дружелюбный характер наших алтайских предков. Сами же себя наши алтайские предки еще длительное время, вплоть до VIII-го века, именовали себя – савирами.

В 220 году до н.э. правителем хунно-угорской конфедерации стал Тумань (Кара-хан). При его правлении хунны потерпели ряд поражений от китайцев на юге, а от юэчжей – на западе. Главная зерновая житница хуннов в Турфанском оазисе оказалась в руках юэчжей. Потеря Турфана, больно ударила по Хунну, так как народ сразу же начал нуждаться в хлебе. В 209 году до н.э. в хунно-угорской конфедерации к власти пришел сын Туманя – Модэ (Огуз-хан). Он основал свою династию с наследственной властью и царскими полномочиями, создав к концу своего правления 24-х племенную «Великую Хунгарию» или «державу Хунну, в состав которой (на равных правах) входили и наши алтайские предки – савиры.

Перед смертью Модэ завещал своему сыну Лаошаню освободить Турфанский оазис от юэчжей, потому что хунны все еще продолжали ощущать острый недостаток в хлебе. Модэ умер в 174 году до н.э., достигнув огромных успехов в укреплении и расширении своей державы. Его дело просуществовало 300 лет, и ни один из его многочисленных потомков не мог сравниться с ним по способностям и таланту. Пришедший к власти, после смерти Модэ, его сын Лаошань незамедлительно приступил к выполнению завещания отца – освободить Турфанский оазис от юэчжей. Прогнав юэчжей из Турфана, Лаошань переселил туда часть алтайских савиров –искусных земледельцев и протоболгарское племя Пулэй, поселив их в Турфанском оазисе, в районе озера Баркуль.

С тем, чтобы искусные земледельцы не тратили время на другие цели, Лаошань обязал пулэйцев охранять их и поставлять им продукты скотоводства и рыболовства. Если восточные «хунно-угры» именовали савиров, по алтайскому их прозвищу – «чааш», то китайцы, имевшие пристрастие к изменению чуждых им слов, переложив слово «чааш» на свой язык, стали именовать

их здесь своим словом – «чеш» или «чеши». Начавшаяся после смерти Лаошаня распря хуннских князей привела, в конце концов, к раздробленности и ослаблению «Великой Хунгарии».

На востоке их державы начали усиливаться воинственные сяньбийцы, которые были одними из ответвлений монгольского племени дунху, то есть они были людьми монголоидного физического типа. Сяньбийцы в державе Хунну могли быть только рядовыми воинами или пастухами (аратами), и никем другим. Они были недовольны своим униженным положением и не раз выступали против своих правителей, князей и феодалов, людей европеоидного физического типа.

Возвышение сяньбийцев начинается при Таншихае, который родился в 141 году. Тансихай рос удивительно талантливым и храбрым ребёнком. В 156 году за храбрость и выдающиеся способности он в возрасте 15 лет был избран главой сяньбийского рода. За период, с 156 по 166 годы Тансихай разгромил «державу Хунну», обеспечив здесь монгольскому элементу преимущественное положение. Высокий нос, белокурые волосы и большие глаза стали считаться у сяньбийцев – уродством. Людей с такими «уродствами» Тансихай приказал всех перебить.

Сяньбийцы своей жестокостью посеяли панику среди гуннов, заставив их бежать со своих насиженных мест. Основная масса гуннов (в составе предков венгров и алтайских савиров), пораженная Тансихаем, снявшись с верховьев Черного Иртыша и склонов Южного Алтая, ушла в 160 годах, через Кулундинскую и Барабинскую степи, в Предуралье. В Предуралье предки венгров стали кочевать по территории современной Башкирии и Татарии. Алтайские же савиро-сувазы осели в низовьях реки Кама и стали известны европейцам под названием – «сувары». Здесь они, в бассейнах рек Большая Утка и Малый Черемшан, образовали свое княжество. Столицей их княжества стал укрепленный город Сувар, построенный на реке Утке.

В 770 годах в Среднее Поволжье, на много позже сувар и венгров, из Северного Кавказа переселились «серебряные

болгары», вытеснив отсюда предков венгров (мадьяр), образовав на освободившихся здесь землях свое царство под названием – Волжская Болгария. Если сувары пришли в Поволжье во II-ом веке прямиком с Алтая, то приход низовых чувашей в Поволжский регион более сложен. Их предки (часть тех же алтайских савиров) были переселены (как мы уже упоминали) сыном Модэ Лаошанем первоначально Турфанский оазис, где они и образовали в составе империи гуннов свое княжество, под китайским названием – Чеши, в состав которого вошло и подвластное ему протоболгарское скотоводческое племя Пулэй. Пулэйцы обязаны были поставлять савиро-чешисцам (искусным земледельцам) продукты скотоводства и рыболовства.

После разгрома империи гуннов сяньбийцами, савиро-чешисцы в 160 годах ушли вместе с пулэйцами (предками болгар) на Северный Кавказ, где и стали известными под первоначальным своим названием – савиры. Предки же болгар продолжали и здесь именовать савиров по их прежнему алтайскому прозвищу – «джууаш», то есть «мирным племенем» или «мирными людьми». В VIII веке савиры, после разгрома их арабами, переселились в Поволжье поближе к родственным суварам и «серебряным болгарам». Вошедшие в состав Булгарского царства, пришедшие из Кавказа савиры, постепенно утратили свое самоназвание – савиры и стали именоваться здесь болгарским прозвищем – «джууаш».

Так, как болгарский аффикс «дж» в чувашском языке произносится, как «ч», то болгарское слово «джууаш» в чувашском языке и превратилось первоначально в слово «чууаш», а затем в слово – «чăваш», став самоназванием низовых чувашей. Причем в Болгарском царстве сувары и болгары занимали левобережье Волги, а савиро-чувашаи (анатри) расселились по правому берегу Волги. В 922 году основной религией «серебряных болгар» стал ислам. Суварский князь отказался поклоняться чуждой суварам религии и увел своих соплеменников на правый берег реки Волги, к родственным «низовым чувашам».

Непокорного (мятежного) суварского князя (часть его подданных) болгарский царь Алмуш, в беседе с арабскими путешественниками, обозвал «вором и разбойником» (вӑрӑ, хурӑх). Ругательные болгарские слова (вӑрӑ, хурӑх), арабы посчитали, что это имя суварского князя и записали его как – Вӑрӑх, которое с арабского наши современники и прочитали, как – Вырыг. Подлинное имя суварского князя история для нас не сохранила. Вырыг на правой стороне Волги построил крепость, которую в честь своей прежней левобережной столицы назвал – «Веде-Сувар», то есть – «Малым Суваром». О том, что сувары перенесли свою столицу из левобережья Волги на правый её берег, подтверждается тем, что арабский географ XII века Эндриси, месторасположение города Суvara указывает уже не на левом, а на правом берегу Волги, вблизи современных Чебоксар. Это подтверждается и тем, что на карте португальского путешественника Фра-Мауро 1459 года, территория современной Чувашии названа Амазонией, и на которой, на месте современных Чебоксар, изображен город с названием Веде-Суар.

В Золотоордынский период крепость Сувар был переименован золотоордынским ханом по имени Узбек (из династии среднеазиатских Караханидов), в город под названием – Шупашкар. Если бы Сувар сохранил свое первоначальное название, то ему в этом году исполнилось бы 1083 года. Таким образом, после более 900 лет проживания, разделенные Лаошанем потомки алтайских савиров, вновь благополучно воссоединились в Поволжье.

В XIII веке, после разгрома Волжской Болгарии монголами, к ним еще присоединилась и часть левобережных болгар, бежавшая, от уничтожения монголами, в северные области Чувашского края. Булгары, смешавшиеся на правом берегу Волги с мари́йцами, стали именоваться – горными мари́йцами, а смешавшиеся с суvarами стали именоваться – верховыми (ви́рьял) чувашами.

В заключение мы должны сказать, что мы проследили судьбу наших далеких предков от глубоких истоков их

зарождения и закончили ее возрождением их на новой земле, в составе низовых, верховых чувашей и сувар, уже как современный чувашский народ.

ЭТРУСКИ И ТЮРКИ*

Римляне не скрывали, что обязаны этрускам своей государственностью, религией и даже письменностью – латиница является немного измененным этрусским алфавитом. Рим перенял структуру армии и флота, вооружение и тактику, знаки власти. Этруски оказали сильнейшее влияние в архитектуре и прикладных искусствах, мифологии и ритуалах. Римляне переняли бои гладиаторов как развлечение, но у этрусков это было частью погребального обряда. Римская империя переняла этрусскую систему геодезии и деления земли на квадраты стороной 710 м.

Ювелирная техника филигрانی и зерни, имеющая явные восточные корни, позволяла этрускам создавать произведения искусства, непревзойденные и сегодня [1]. Этруские ювелиры научили римлян делать тонкие золотые зубные коронки и мосты. Этрусская кожаная обувь с острым загнутым носком считалась роскошью у римлян – сегодня такую обувь называли бы азиатской [2]. Конусообразные головные уборы этрусков также аналогичны уборам тюрков и скифов. Этруски называли себя расна (расенна), римляне звали их тусками (откуда название Тосканы), а греки – тирренами (их море – Тирренским). Этрусский порт Адрия дал имя Адриатическому морю.

Этрусский флот господствовал в западной части Средиземного моря, обеспечивая связь с дальними странами. Этрусам принадлежит изобретение тарана в носовой части корабля [3]. Исследователь М. К. Цели выдвинул гипотезу о том, что этруски достигали Америки, а европейцы «открывшие» ее, пользовались их картами. Порты этрусков из стратегических соображений были построены в некотором удалении от моря, как позже и Рим. Многие города, основанные этрусками, существуют

* Публикуется по: <http://kitap.net.ru/mingazov/etruski.php>

и сегодня - Флоренция, Пиза, Сиена, Перуджа, Ливорно, Тарквиний и др. Об этрусках много написано историками Геродотом (I, 94), Тацитом («Анналы», IV, 55), Страбоном, Титом Ливием, Плинием старшим и другими, большинство из которых утверждало, что этруски – пришельцы с востока. Версия о восточном происхождении является основной даже в западноевропейской науке [4]. Сенеке принадлежит фраза: «Tuscos Asia sibi vindicat» - «Азия считает, что она породила тусков». Но где в Азии искать родину этрусков?

В последнее время получила развитие гипотеза, в соответствии с которой этруски являлись представителями древней шумерской цивилизации [5]. В XXIV в. до н.э. Шумер был завоеван аккадским (семитским) царем Саргоном Древним, после чего началась семитизация и миграция частей прежнего шумерского населения в разные стороны. Этруски могли быть потомками одной из частей шумерского народа, ушедшей в Европу. Другая часть носителей шумерской культуры мигрировала в Центральную Азию, где после контактов с местными этносами стала основой тюркской цивилизации. В языке этрусков и тюрков обнаружено множество идентичных слов, большинство из которых, естественно, претерпели изменения, но многие совпадают и сегодня.

Возможно, этруски сложились в процессе смешения местных латинских и иных народов с прибывшим этносом – осколком древней цивилизации. С прибытием азиатов - носителей государственности и прогрессивной культуры начинается резкое развитие общества. Этрусские города продолжили археологическую культуру виланованских поселений [6]. К VII в. до н.э. этруски уже имели много городов-государств, подобных греческим полисам. Возникла Этрурия - конфедерация двенадцати городов (Вейи, Тарквиний, Цере (совр.Черветери), Вольсинии (возм. совр. Орвието), Ветулония, Вольтерра и др.)

В эпоху наивысшего могущества (VII-V вв. до н.э.) Этрурия распространила свое влияние на значительную часть Апеннинского полуострова - от подножий Альп на севере и до

окрестностей Неаполя на юге, где им принадлежали Помпеи, Сорренто, Геркуланум и залив Салерно. На это время и приходится первые упоминания о Риме. Земля, на которой он был основан, входила во владения этрусков в VII-VI в. до н.э. По легенде, Рим был основан в 754-753 гг. до н.э. Ремом и Ромулом недалеко от крупного города Этрурии - Вейи. Ромул, по преданию, был внуком этрусского царя. Расцвет Рима пришелся на время правления этрусской династии Тарквиниев, правившей городом с 616 по 509 гг. до н. э. Они были создателями римской государственности. Первым царем династии стал Луций Тарквиний Приск – житель этрусского города Тарквиния [7].

«До этрусков Рим был скорее объединением деревень, чем настоящим городом. Этруски превратили его в город, сопоставимый с царскими столицами южной Этрурии. В этот период вокруг семи холмов была построена внешняя стена из местного туфа, обеспечившая их оборону» [8].

Именно Тарквиниями была построена знаменитая римская канализация Большая клоака, позволившая осушить болотистую равнину Форума, ставшую местом народных собраний. Символ Рима – известная статуя капитолийской волчицы, была создана в конце VI в до н.э. этрускими мастерами г.Вейи. Кстати, рисунок такой же волчицы, был обнаружен при раскопках дворца царей в столице азиатского государства Уструшаны – городе Бунджикате [9]. В начале XX века на Форуме Рима археолог Бони раскопал множество погребальных урн этрусков с кремационным пеплом. Урны изготавливались в форме реальных жилищ, позволяющих представить дома первых обитателей римских холмов [10]. Эти дома очень похожи на юрты, распространенные до сих пор в Азии у многих народов.

Захоронения же без кремации совершались этрусками в курганы, подобные реальным жилищам, также по форме напоминающие юрты. Самый большой курганный некрополь открыт у г.Цере (совр. г. Черветери). При Тарквиниях Рим смог войти в плеяду других этрусских городов – вряд ли тогда кто-то предполагал, что усилия этрусской династии приведут к

усилению Рима и подчинению остальных полисов Этрурии.

После правления последнего царя - Тарквиния Гордого (509 до н. э.), в Риме была установлена республика, просуществовавшая полтысячелетия до времен Цезаря. Рим стал усиливаться и захватывать соседние территории. В итоге многочисленных войн были последовательно завоеваны многие города этрусков: 396 г. до н.э. – Вейи, 358 г. до н.э. – Цере, 308 год – Тарквиний. К 283 году практически вся Этрурия оказалась под властью Римской республики, в составе которой этрусские города сохранили некоторые автономные права. Римляне старались сохранить древние знания, Сенат принимал меры к сохранению «Этрусского учения», свитки этрусков активно переводились на латынь [11]. Этрусские мастерские продолжали работать вплоть до н.э.

Римляне в центре городов своих колоний строили Капитолийский храм – копию храма этрусков, возведенного при Тарквиниях на Капитолийском холме Рима. Впечатляющий фундамент этого сооружения и сегодня виден в подвале Дворца консерваторов. По этрусской религии храм был посвящен Тину, Уни и Менерве, которых римляне стали называть Капитолийской Троицей - Юпитером, Юноной и Минервой [12]. Пантеон этрусских святых схож с пантеоном тенгрианства – древней религией тюрков. Причем главный Бог неба один и тот же: по-этрусски - Тин, по-шумерски - Тенгир (Денгир), а по-тюркски – Тенгре. Этим древним словом современные татары и сегодня иногда называют Всевышнего. Сравнительный анализ религий шумер, тюрков (тенгрианства) и этрусков пока не проведен, но его результаты могут стать еще одним мощным блоком гипотезы принадлежности этрусков к той же древней цивилизации, от которой произошли и тюрки.

Религиозные обряды этрусков, поддерживаемые жрецами-гаруспиками, проводились до крушения Римской империи (V в н.э.), как проводились и ежегодные религиозные собрания представителей этрусских городов (*concilium Etruriae*) у святилища Вольтумны (*Fanum Voltumnae*) [13]. Предсказания

гаруспиков были важны для римлян. Даже в христианские времена римляне продолжали почитать Солнце и Юпитера (Тина), справлять обряды в честь Юноны (Уни) и слушать этрусских гаруспиков, несмотря на то, что гаруспии были запрещены декретом Констанция в 357 году н.э. [14]. Известно, что в 410 г. гаруспики призывали молнии для защиты Рима от войск готов Алариха, изгнанных из Восточной Европы тюркоязычными гуннами [15].

В V в.н.э. гунны покорили почти всю Европу, став основной движущей силой Великого переселения народов. Правитель гуннов Атила захватил северную часть современной Италии в 452 году, а Восточную и Западную Римские империи одновременно сделал своими данниками. После распада империи гуннов, тюркоязычные авары и болгары продолжали играть важную геополитическую роль – Аварский каганат просуществовал в центре Европы два с половиной столетия. Если будет установлено, что часть этрусов действительно смогла уберечь язык и традиции до V века н.э., не слившись с римлянами, то историческая встреча представителей двух ветвей древней цивилизации (этрусов и тюрков) теоретически могла состояться.

Историк Прокопий даже в VI веке н.э. жителей Этрурии называет этрусками: «Константин без всякого труда подчинил своей власти Сполитион (Сполетто), Перузию (Перуджу) и другие маленькие укрепления: этруски добровольно принимали его в свои города. Поставив гарнизон в Сполитии, он сам с остальным войском остался в Перузии, бывшей главным городом Этрурии, и спокойно выжидал» [16]. Традиции этрусских предсказаний по молниям, по печени и внутренностям жертвенных животных имеют прямую связь с аналогичными ритуалами Шумера, Вавилона и тюрков [17].

Шумерский язык и в Вавилонском государстве оставался до самого I в. до н.э. языком науки и религии, что говорит о превосходстве шумер по уровню развития над соседними народами, в том числе и семитскими. Еще в 1915 году лингвист

Ф.Хоммель обнаружил около 200 шумерских слов, совпадающих с тюркскими [18]. Последующие работы ученых увеличили это количество [19]. В 1924 году у г. Виши во Франции были найдены так называемые «Глозельские надписи», датированные примерно XXV в. до н.э. Европейские лингвисты несколько десятилетий безуспешно пытались их расшифровать, используя все известные им индоевропейские языки. Случайно на тюркские слова надписи обратил внимание парижский пианист Х.Тарджан, пославший их турецкому специалисту по древним языкам К. Миршану.

К.Миршану удалось расшифровать текст Глозельских надписей используя тюркские языки, о чем он и сделал доклад на конференции в Сорбонском университете в 1993 году [20]. Оказалось, что этрусское письмо, возможно, происходит от письма Глозельских текстов. В 1885 году французские ученые – Ж.Кузен и Ф.Дюррбак сделали сенсационное открытие на острове Лемнос в Эгейском море - была найдена стела с надписями на языке догреческого населения острова. Язык оказался близким языку этрусков (тирренов) и был разговорным до эллинизации острова после подчинения Афинам в 510 г. до н.э. Это догреческое население, этнически близкое этрускам (тирренам), Геродот (Herod. VI,136), Гомер («Илиада»), Фукидид («История», IV) и Плутарх называют пеласгами [21].

Знаменитого Пифагора Диоген Лаэртский (Diog.Laert. VIII, 1) называл тирреном с одного из этих присоединенных островов. Пифагор передал европейцам теорему, известную шумерам в Азии за тысячу лет до этого. Сына Пифагора звали Аримнест, как и царя тирренов, а аримами назывался народ, соседний с троянцами. Интересно, что в составе скифов также указывается народ арим-аспы («одноглазые»). Изучение связей этрусков (тирренов, пеласгов) с древними кочевниками скифами и киммерийцами перспективно. Не зря Гомер называл этрусков киммерийцами. Сходство катакомбных традиций этрусков и киммерийцев стало объектом изучения ученых [22].

Нельзя исключать возможность миграции через Кавказ в

Северное Причерноморье частей шумерского народа, где они могли оказать влияние или даже стать основой некоторых скифских народов. Часть скифов имеет установленные этнические, культурные и языковые связи с тюркской цивилизацией. Может оказаться, что тюркоязычный компонент скифского конгломерата был образован не тюрками Центральной Азии, а еще ранее – мигрантами из Шумера.

Вопросов добавило обнаружение множества тюркских слов в языках американских народов майя, инков, ацтеков, а также кочевых индейских племен чероки, сиу и др. Пока необъяснимым остается полное фонетическое и лексическое совпадение этих слов со словами в современных тюркских языках [23]. Неясным остается путь возможной миграции - через Берингов перешеек, Атлантику или Тихий океан. Интересно, что ритуальные бани народа майя, которые автору удалось увидеть в Мексике, имеют форму юрт.

Таким образом, в мире обнаружено несколько культурных очагов, возможно принадлежащих одной древней цивилизации (некоторые даже отождествляют ее с Атлантидой), но ученые пока не могут четко установить их связи и последовательность возникновения. Накопление информации продолжается.

Язык этрусков долгое время оставался загадкой. Лингвисты, пытавшиеся его расшифровать с помощью индоевропейских языков, ощутимых результатов не добились. Этрусскому языку посвятила свои работы дочь выдающегося татарского государственного деятеля Садри Максуди - Адиле Аида, бывшая послом Турции в Италии [24]. По мнению академика М.З.Закиева, язык этрусков под воздействием индоевропейских языков сильнее отошел от основного строя тюркских языков, чем чувашский или якутский, но сохранил многие элементы, присущие тюркским языкам [25].

Существует несколько десятков вариантов расшифровок слов этрусского языка. Прорыв был совершен тридцать лет назад уфимским ученым Ф.Р.Латыповым, который на основании фоноэволюционной пратюркской гипотезы и метода ПЭКФОС

успешно расшифровал многие этрусские тексты, в том числе и текст на стеле с острова Лемнос [26]. Некоторые древние слова, унесенные этрусками в Европу, а пратюрками в Азию прошли интересную параллельную эволюцию. Из языка этрусков они попали в латинский язык, оттуда в европейские и даже в славянские. Например, этрусское слово «*clan*» -«сын», перешло в латинский, европейские и даже в русский язык в форме «клан». Иную эволюцию это слово прошло в тюркских языках и дошло до нас в формах «оглан», «улан», «оглы», но в том же значении, как и у этрусков - «сын».

Возможность случайного совпадения значений и фонетики исключает многочисленность таких параллелей, которые современная лингвистика уже не может игнорировать. Сравнительный анализ языков этрусков и тюрков – перспективное направление будущих исследований, а подтверждение гипотезы происхождения этрусков и тюрков из одной древней цивилизации может изменить многие взгляды на всю историю человечества.

Примечания:

- 1 Блок Р. *Этрусски. Предсказатели будущего/ Пер. с англ. Л.А.Игоревского. – М.: ЗАО Центрполиграф, 2004. – 189 с. (Далее - Блок Р. Этрусски) - С.175.*
2. Блок Р. *Этрусски. - С.118,122.*
3. Макнамара Э. *Этрусски. Быт, религия, культура/ Пер. с англ. Т.Е.Любовской. – М.: ЗАО Центрполиграф, 2006. – 192 с. (Далее – Макнамара Э. Этрусски). – С. 136.*
4. Блок Р. *Этрусски. - С. 54.*
5. Шумер (Сумер, Субар) – древнее государство в Южном Двуречье рек Тигр и Евфрат, на территории современного южного Ирака. Шумеры составляли основное население Двуречья с 5-го до конца 3-го тыс. до н. э. и по антропологии принадлежали к средиземноморской и балкано-кавказской расам европеоидной большой расы. Сторонники теории четвертой (красной) расы отнесли бы шумер к ней. Государство у шумер начало складываться около 3000 лет до.н.э. Примерно 2700-2300 лет до н.э. появилась клинописная письменность. Еще в IV тысячелетии до н.э. шумеры начали воздвигать пирамиды-зиккураты, достигавшие высоты 90 м На территории Шумера позже возникло Вавилонское государство.
6. Эта археологическая культура X-VI вв. до н.э. названа по городищу у Вилланова (*Villanova*) близ Болоньи.
7. Династия названа по родному городу царей - Тарквинию, бывшему крупным центром этрусской цивилизации. Некоторые лингвисты усматривают общую этимологию слов *Turk* и *Tarch*, легшего в основу этого топонима и часто встречающегося и в Азии.

8. Блок Р. Этруски. - С. 91.
9. Воронина В.Л., Негматов Н.Н. Открытие Уструшаны. // Сквозь века. К истокам культуры народов СССР. Вып. 2 - М.: Знание, 1986. Бунджикат находился недалеко от современного Шахристана в Таджикистане, почти на границе с Узбекистаном.
10. Блок Р. Этруски. - С. 75.
11. Макнамара Э. Этруски. - С. 153.
12. Блок Р. Этруски. - С. 49, 142-143.
13. Там же. - С. 9, 105-106.
14. Там же. - С. 9.
15. Макнамара Э. Этруски. - С. 153.
16. Прокопий Кесарийский. Война с готами. Кн. V (I), 16.
17. Робер Ж.-Н. Этруски. - М.: Вече, 2007. - 368 с.: ил. (Далее – Робер Ж.-Н. Этруски.) – С. 204; Блок Р. Этруски. - С. 50-51.
18. Мингазов Ш.Р. Доисторические тюрки. В энциклопедии Википедия. Тема «Тюрки». Режим доступа: ru.wikipedia.org или Татарская электронная библиотека. Режим доступа: kitap.net.ru/mingazov/1.php
19. Сулейменов О. Аз и Я: Книга благонамеренного читателя. – Алма-Ата, 1975. - С. 230-242; Hommel Fr. Zweihundert sumeroturkische Wortgleichenden. Munchen. 1915; Osman Nedim Tuna. Sumer ve Turk Dillerinin Tarihi ilgisi ile Turk Dili'nin Yasi Meselesi. Ankara, 1990. - С. 49. (Ссылки по кн: Закиев М.З. Происхождение тюрков и татар. - М.: ИНСАН, 2003. - С. 85-86).
20. Закиев М.З. Происхождение тюрков и татар. - М.: ИНСАН, 2003, 496 с. (Далее – Закиев М.З. Происхождение тюрков и татар) - С. 114-124.
21. Среди возможных родственных шумерам и пратюркам народов указываются также халдеи, гиксосы, туареги. Возможно, этнонимы «туарег» и «тюрк» имеют общую этимологию.
22. Латыпов Ф.Р. Комплексный лингвистический анализ восточнотирренской надписи на памятнике воинской славы с острова Лемнос. – Уфа: Полиграфсервис, 2008. - С. 13.
23. Каримуллин А. Прототюрки и индейцы Америки. - М.: ИНСАН, РФК, 1995. – 80 с. Рахматиде Д. Дети Атлантиды. (Очерки по истории древнейших тюрков). – Казань: Там. кн. изд., 1999.
24. Книги Адиле Ауда: Etruskler turk mu idi? Ankara: Ayyildiz Matbaasi, 1974. 91 p.; Les Etrusques etaient des Turcs (preuves) (Этруски были тюрками). Ankara: Ayyildiz Matbaasi, 1985. 390 p.; Etruskler (Tursakalar) Turk idiler (Ilmi deliller). (Этруски-Турсака — были тюрками). Ankara: Ayyildiz Matbaasi, 1992. 382 p.
25. Закиев М.З. Происхождение тюрков и татар. - С. 114-124.
26. Latypov F. R. 1988. Discovery of the tensor of phonetic development of the Turkic languages sound system on experimental data obtained from investigation of the cerebral mechanisms of speech signals processing by native speakers of the Kazan-turkic language Programme of the 41 st Meeting of the PIAC (section A) Majvik, (Engl.); Латыпов Ф.Р. Исследование древних языков Средиземноморья на основе фоноэволюционной гипотезы и комбинаторно-частотных методов. – Уфа: Гилем, 2003. – 164 с.: ил., табл

ДОИСТОРИЧЕСКИЕ ТЮРКИ*

Вопрос о прародине тюркских народов столетия оставался и остается открытым. Не прошло всего и ста лет, как под давлением неоспоримых фактов историческая наука признала гуннов (хунну) тюркоязычными, а ведь кем только их до этого не называли – и германцами, и уграми, и иранцами и даже славянами... Между тем, гуннские народы, вернувшиеся из Европы в Северное Причерноморье после распада государства Аттилы и ведомые его сыновьями, стали этнической основой болгарского этноса, который позже стал этнической основой современных татар. Если смотреть дальше в глубь веков в поисках первых хунну, то обнаружим китайские исторические данные о событиях в центре Евразии середины III тысячелетия до нашей эры. Что же было еще ранее?

Современная историческая наука ранее исходила из того, что впервые тюркоязычные народы появились в центре Евразии и уже оттуда 20-30 тыс. лет назад часть их мигрировала в Северную Америку, вероятно, через перешеек на месте Берингова пролива или морем, где приняла участие в этногенезе народов майя, инков, ацтеков и некоторых индейских племен, как, например, сиу и чероки. Позже и территория современной Новой Зеландии была заселена жителями Южной Америки. Новозеландский народ маори – потомки тех мигрантов. Не противоречит этому и теория Э.Мулдашева, исследовавшего изменения биометрических показателей глаз людей разных континентов [1]. Недавние открытия, однако, дополняют представление о прародине тюркоязычных народов. Сравнительно недавно тюркские слова были обнаружены в древнем языке шумер [2].

Время заселения шумерами Двуречья точно не установлено,

* Печатается по: <http://kitap.net.ru/mingazov/1.php>

но с 5-го до конца 3-го тыс. до н. э. они составляли основное население Двуречья. Шумеры антропологически принадлежали к средиземноморской и балкано-кавказской расам европеоидной большой расы. Государство у шумер начало складываться около 3000 лет до н.э. Примерно 2700-2300 лет до н.э. появилась клинописная письменность. Шумерские пирамиды-зиккураты достигали высоты 90 м и начали воздвигаться еще в IV тысячелетии до н.э. То, что шумерский язык в Двуречье оставался до самого 1 в. до н.э. языком науки и религии говорит о том, что по уровню развития шумеры превосходили все соседние народы, в том числе и семитские. Еще в 1915 году лингвист Ф.Хоммель обнаружил около 200 шумерских слов, совпадающих с тюркскими [3].

Советский лингвист И.М.Дьяконов, не владеющий тюркским языком, не нашел ни одного случая совпадения языка шумер с известными ему индоевропейскими [4]. Однако, только в книге И.М.Дьяконова Олжас Сулейменов обнаружил 60 тюркских слов [5]. Современный татарин без труда поймет эти шумерские слова: ада «отец», ама «мать», ту «родить», ере «муж», «рядовой воин», угу «стрела», таг «прицепи», заг «сторона», бильга «мудрый, предок», ме «я», зе «ты», ане «вот», гуд «бык», гаш «птица», кир «грязь», «земля», уш «три», у «десять», кен «широкий», узук «длинный», туш «спуститься», уд «огонь», удун «дерево», «дрова», дингир «бог», «небо», тенгир «бог», «небо» и др.

Д.Рахмати также обнаружил несколько слов: «сангира» - оглушенный, по татарски – «сангырау», «сан» - голова, по татарски это часть тела и т.д. [6]. Является ли просто хронологическим совпадением, но как раз в 24 веке до н.э., то есть времени ранних упоминаний о хуннах в древних китайских источниках, Шумер был завоеван аккадским (семитским) царем Саргоном Древним. Началась семитизация Шумера и миграция частей прежнего шумерского населения в разные стороны. Вполне допустимо, что часть шумер, мигрировавших на восток, достигла центра Евразии, став там основой азиатских

тюркоязычных народов.

Неясен вопрос о том была ли эта волна миграции первой, давшей жизнь тюркоязычным народам, либо в Центральной Азии уже были представители тюркоговорящих этносов, дружески принявшие новых беженцев из Шумера. Тем более, что шумеры не являлись автохтонным (коренным) населением Двуречья. Возможно, что миграция была и в обратном направлении – с Гималаев в Двуречье. Северным направлением миграции шумер мог быть Кавказ. Это относительно близко. Сегодня в Иране существует тюркоязычный народ халаж, возможный участник той миграции. Поэтому полностью исключать возможность миграции из Шумера тюркоязычных народов в Поволжье и Северном Причерноморье через Кавказ ранее миграции хуннов из Азии во 2 веке нашей эры также нельзя.

Турецкий лингвист Осман Недим Туна пришел к выводу, что шумерский и пратюркский язык оказали друг на друга огромное влияние. Механизм и хронология этого влияния не установлена, тем более, что за 2000 лет шумерский язык подвергся сильной семитизации [7]. Сенсацией стало обнаружение тюркских слов в языке этрусков [8]. Об этрусках много написано греческими и римскими историками Геродотом, Страбоном, Титом Ливием Плинием старшим и др., утверждающими, что этруски – пришельцы с востока. В 7 в. до н.э. этруски уже имели многочисленные города-крепости, которые вместе с прилегающими территориями образовывали города-государства, напоминавшие греческие полисы. Вероятно, уже в то время возникла конфедерация двенадцати городов-государств (Вейи, Тарквинии, Цере, Вольсинии и др.). Этруская династия Тарквиниев правила с 616 по 509 до н. э. в Риме. В итоге многочисленных войн Риму удалось подчинить города этрусков (396 г. до н.э. – город Вейи, 358 г. до н.э. – город Цере, 308 год – город Тарквиний) [9].

К 283 году практически вся Этрурия оказалась под властью Рима – зарождалась Римская империя. От этрусков римляне приняли особенности государственного строительства, структуру

и вооружение армии, знаки власти. Этруски оказали сильнейшее культурное влияние на Рим, особенно в архитектуре и прикладных искусствах, мифологии, религии и письменности. Традицию боев гладиаторов римляне переняли у этрусков. Знаменитая статуя капитолийской волчицы также была создана этрусками. Кстати, рисунок точно такой же волчицы, выкармливающей двух младенцев, был обнаружен при раскопках дворца царей в столице азиатского государства Уструшаны – городе Бунджикате. Бунджикат находился недалеко от современного Шахристана в Таджикистане, почти на границе с Узбекистаном [10].

Возможно, Европа - еще одно направление миграции шумер или иных тюркоязычных народов, пока неизвестных истории. Также сенсацией стала расшифровка так называемых «Глозельских надписей», обнаруженных в 1924 году у г. Виши во Франции и датированных примерно 25 в. до н.э. (снова совпадение даты падения первого Шумерского государства). Европейские лингвисты несколько десятилетий безуспешно пытались расшифровать эти надписи, используя все известные им европейские языки. Пока на надписи не обратил внимание парижский пианист Халук Тарджан, турок, пославший их затем турецкому ученому - специалисту по древним надписям Казыму Миршану.

К.Миршану удалось расшифровать текст Глозельских надписей используя тюркские языки, о чем он и сделал доклад на конференции в Сорбонском университете в 1993 году. Оказалось, что этруское письмо происходит от письма, использованного в Глозельских текстах. В то же время буквы этрусского письма стали основой для латиницы [11]. На основании фоноэволюционной пратюркской гипотезы и метода ПЭКФОС ученым Латыповым Ф.Р. еще в 1981 г. были прочтены крупнейшие этрусские тексты V-III вв. до н. э., в том числе и текст в 1150 слов на бинтах Загребской мумии [12]. Таким образом, связь языка этрусков – основателей римской цивилизации, с тюркскими языками не является фантастикой. Но

эти открытия ставят также ряд вопросов, ответы на которые пока не найдены.

Вероятно, этруски и авторы глзельских надписей могли быть частью шумерского этноса, мигрировавшего в Западную Европу, или народами, ассимилировавшими пратюрок. Изучение глзельских надписей и языка этрусков является интересной задачей для тюркологов в будущем. Интересным является то, что у шумер одним из самоназваний был Субар. Нам же хорошо известен тюркоязычный этнос сувар (савир, север), долгое время описываемый на Северном Кавказе и входивший в болгарский союз. Л.Н.Гумилев первым увидел связь сувар с севераами, которых русские летописи называли северянами. На месте археологических северских находок обнаружены остатки юрт [13]. Это факт. Вероятно, во главе северского союза были тюркоязычные северы (сувары), давшие свой этноним всему союзу, как это было с болгарами хана Аспаруха, давшими свой тюркский этноним славянскому ныне народу. Можно предположить, что северы составляли в союзе меньшинство и позже были ассимилированы славянским большинством, как и болгары хана Аспаруха. История этногенеза савир (северян, сувар) также большая отдельная тема для исследования.

Часть тюркоязычных сувар позже мигрировала в Прикамье в составе болгарского союза. В состав Волжской Болгарии входило Суварское княжество со столицей - городом Суваром, которое археологам удалось обнаружить. Суварское городище находится у с. Кузнечиха Спасского района Татарстана были изучены археологами Г.Н.Ахмаровым (1893г.), А.П.Смирновым (1933-1937 гг.) и Т.А.Хлебниковой (1970 годы). В Государственном музее Татарстана хранится археологическая коллекция, собранная в Суваре В.Ф.Смолиным [14]. Если в перспективе будет определена тождественность шумер-субар и тюркоязычных сувар-савир, живших на Северном Кавказе и Причерноморье, то это будет означать, что тюркские народы могли появиться в Восточной Европе гораздо ранее гуннов и быть в составе древних народов, имевших общее название скифы.

Этногенез и этнический состав скифов - также огромная и пока не исследованная проблема. Данных о присутствии в среде скифов тюркоязычных народов также достаточно и у историков, и у археологов. Приведу только один пример. Всемирно известный центр древней цивилизации Аркаим был основан предположительно скифами - представителями андроновской археологической культуры. Историки всегда считали андроновцев ираноязычными, как, впрочем, ранее и гуннов. Когда же краниологи [15] изучили черепы современных тюркоязычных хакасов-койбалов [16] обнаружилась небольшая сенсация: «Наибольшее сходство они (койбалы – прим.авт.) проявляют с андроновцами верхней Оби. Интересно, что группа гуннского времени из Аймырлыга очень сходна с сагайцами и кумандинцами. В составе последних до настоящего времени сохранился сеок со, происхождение которого Л. П. Потапов (1969) связывает с племенами сянбийцев, представлявших собой этнический конгломерат, составной частью которого были гунны» [17].

Таким образом, получены краниологические доказательства того, что предками тюркоязычных хакасов являются в том числе и скифы-андроновцы. Таких данных немало, пока же они просто не объединены в стройную теорию. Шумерская версия пока находится в самом начале разработки. Среди возможных пратюркских и родственных шумерам и тюркам народов указываются халдеи, гиксосы [18], этруски [19], пеласги [20], туареги. Возможно, этимологически этнонимы туарег и тюрк близки. Еще в 1638 г. Дж. Джосселин обнаружил близкие или идентичные тюркским слова в языке некоторых племен североамериканских индейцев. О. Рериг в 19 веке указал такие слова в языке индейцев сиу [21]. Современный шведский ученый С.Викандер написал ряд монографий о связи языков алтайской группы и языка майя. Знаменитый ученый и путешественник Тур Хейердал также занимался этим вопросом. Необъяснимой остается полная фонетическая и лексическая тождественность слов из языка майя, инков и ацтеков словам из современных

тюркских языков. Установлена также тождественность некоторых языковых правил, например, образование множественного числа. Лягушачий залив в Мексиканском заливе на языке майя называется Бакалар. Образование множественного числа в языке майя в данном случае идентично образованию множественного числа татарского языка.

20-30 тысяч лет являются достаточным сроком для практически полной трансформации языков, чего не произошло. Возможно, это объясняется агглютинативностью тюркских языков. Удивляет и то, что современник, владеющий, например, татарским языком, понимает многие слова шумер, майя, инков и ацтеков. В этом автору данной статьи пришлось лично убедиться в Мексике, когда ему не составило труда найти современных представителей народа майя, владеющих родным языком. Нашим туристам, посещающим Мексику, интересно будет знать, что тюркское слово иль(эль, аль) – страна, также часто встречается в топонимах майя, например Косумель, Ишиль (внутренняя сторона). Также есть топонимы, заканчивающиеся окончанием -ица (иче) – то есть «внутри» по-тюркски, обозначающие укрепления. Например, легендарный древний город Чичен-ица, ставший важным туристическим пунктом [22]. Сегодня мы имеем неоспоримые факты присутствия тюркских слов в разных языках древнего мира. Не будем останавливаться на конкретном анализе слов в языке шумер, этрусков, майя, инков и ацтеков – таблицы, содержащие слова, имеющие тождественное лексическое и фонетическое значение из этих языков приведены в работах А.Г. Каримуллина [23], М.З. Закиева [24], Д. Рахмат [25]. Были публикации на эту тему и в нашей газете [26].

Таким образом, носители тюркского языка оставили материальные и культурные следы в древности почти на всех континентах. Вопрос о происхождении тюркских народов, направлений их миграций, соотношении друг с другом – тема будущих исследований. В данной статье обозначены лишь направления, по каждому из них уже собран огромный материал. Возможно, в недалеком будущем мы получим новые данные по

времени заселения нашими тюркоязычными предками берегов р. Идель. Пока же история и археология обладают неопровержимыми доказательствами обитания тюркоязычных народов на р. Идели (р. Волге) со 2 в.н.э., то есть со времени прихода гуннов из Азии и ставших прямыми предками современных татар и других народов [27].

Литература

1. МУЛДАШЕВ Э. "От кого мы произошли?", М., 2000., "АиФ-Принт".
2. Шумер (Сумер, Субар) – древнее государство в Южном Двуречье рек Тигр и Евфрат, на территории современного южного Ирака. На территории Шумера позже возник Вавилон.
3. HOMMEL Fr. *Zweihundert sumerotürkische Wortgleichenden*. München. 1915. Ссылка по книге ЗАКИЕВ М.З. Происхождение тюрков и татар. - М.: ИНСАН, 2003, 496 с. С.85.
4. ДЪЯКОНОВ И.М. Языки древней Передней Азии. - М. 1967. Ссылка по книге ЗАКИЕВ М.З. Происхождение тюрков и татар. - М.: ИНСАН, 2003, 496 с. С.85.
5. СУЛЕЙМЕНОВ О. *Аз и Я: Книга благонамеренного читателя*. – Алма-Ата, 1975, с. 230-242.
6. РАХМАТИ Д. *Дети Атлантиды. (Очерки по истории древнейших тюрков)*. – Казань: Татар. книж. изд-во. 1999. с. 24-25.
7. Osman Nedim TUNA. *Sumer ve Türk Dillerinin Tarihi ilgisi ile Türk Dili'nin Yasi Meselesi*. Ankara, 1990. с. 49. Ссылка по книге ЗАКИЕВ М.З. Происхождение тюрков и татар. - М.: ИНСАН, 2003, 496 с. С. 85-86.
8. Этруски - (лат. *Etrusci, Tusci*, греч. *Tyrsen*, самоназвание — *rasna*), народы, населявшие в 1-м тыс. до н. э. северо-запад Апеннинского полуострова - Этрурию (современная Тоскана в Италии), и создавшие развитую цивилизацию, предшествовавшую римской.
9. Некоторые лингвисты в уже самом топониме ТАРКвиний усматривали тюркскую этимологию.
10. КУАНГАНОВ Ш.Т. *Арий-гунн сквозь века и пространство: свидетельства и топонимы*. - 2-е изд., перераб. и доп. – Астана: «Фолиант», 2001 г. с. 86.
11. ЗАКИЕВ М.З. *Происхождение тюрков и татар*. - М.: ИНСАН, 2003, 496 с. С. 116-117.
12. ЛАТЫПОВ Ф. Р. 1983, *Пратюркские черты этрусского языка в связи с ностратической теорией* //Кратк тез. Древние культуры Евразии и античная цивилизация.
- ЛАТЫПОВ Ф. Р. 1990 *Загребская мумия — возможный свидетель апофеоза этрусского обряда человеческого жертвоприношения (результаты обследования тел мумии в августе 1988 г в сопоставлении с пратюркским чтением текста пелены в 1981 г)*//Тезисы докл. Межд. коллоквиума: Этруски в их связях с

- народами Средиземноморья. Миф. Религия. Искусство. М.
- ЛАТЫПОВ Ф. Р. 1992. Исследование реального пратюркского языка методом ПЭКФОС// Некоторые итоги и задачи изучения татарского литературного языка. Казань.
- LATYPOV F. R. 1988. Discovery of the tensor of phonetic development of the Turkic languages sound system on experimental data obtained from investigation of the cerebral mechanisms of speech signals processing by native speakers of the Kazan-turkic language Programme of the 41 st Meeting of the PIAC (section A) Majvik, (Engl).
13. ГРИГОРЬЕВ А.В. Северская земля в VIII - начале XI века по археологическим данным. – Тула: «Гриф и К», 2000, - (Труды ТАЭ; Вып.2) с. 175.
14. СУВАР. Изд. Уч. совета Болгарского гос. Ист-архитектурного заповедника. Болгар. 1999.
15. Краниология – раздел анатомии, изучающий строение черепа человека и животных.
16. Койбалы и сагайцы, как и качинцы, бельтиры, и кызыльцы – родоплеменные группы хакасов (минусинские или абаканские татары).
17. МОИСЕЕВ В.Г. Происхождение уралоязычных народов по данным краниологии. СПб, «Наука», 1999. С.100.
18. РАХМАТИ Д. Дети Атлантиды. (Очерки по истории древнейших тюрков). – Казань: Татар.книж.изд-во.1999.
19. АЙДА Адиле «Les Etrusques etaient – ils des Turcs?» «Были ли этруски — тюрками?» 1971, и «Les Etrusques etaient des Turcs (preuves)» «Этруски были тюрками» 1985. « Etruskler (Tursakalar) Turk idiler. Ilmi deliller» («Этруски-Турсака — были тюрками. Научные доводы») 1992. Адиле Айда – дочь известного татарского мыслителя Садри Максуди – прим.авт.
20. ТАБОВ И. Закат старой Болгарии (Новая хронология Балкан).М.:КРАФТ+, 2000. с.191-194.
21. КАРИМУЛЛИН А. Г. О возможном родстве отдельных индейских языков с тюркскими // Сб. «Вопросы тюркского языкознания», — Казань, КГПИ, 1976.
22. Дизго де ЛАНДА. Сообщение о делах в Юкатане 1566 / перевод сос староиспанского. Введение, статья и примечания Ю.В.Кнорозова. - М.Л, 1955, с.12, 14, 15, 21, 24, 25, 30. Ссылка по книге ЗАКИЕВ М.З. Происхождение тюрков и татар. - М.: ИНСАН, 2003, 496 с. С.80-83. В связи с эти ждем объяснения происхождения названия центральной провинции Франции – Иль-де-Франс.
23. КАРИМУЛЛИН А. Прототюрки и индейцы Америки. М., 1995.
24. ЗАКИЕВ М.З. Происхождение тюрков и татар. - М.: ИНСАН, 2003, 496 с. С.116-117.
25. РАХМАТИ Д. Дети Атлантиды. (Очерки по истории древнейших тюрков). – Казань: Татар.книж.изд-во.1999.с.
26. БАУТДИНОВ Г. Инки из Татарии (научные гипотезы). Татарские Новости № 1-2 (69-70), 2000.
27. Из поездок по Мексике и Новой Зеландии автор статьи привез подробные словари языки кечуа, науатель (ацтеков) и маори, которые готов передать научным работникам для проведения сравнительного исследования с татарским языком.

II

БОЛЬШАЯ ВОСТОЧНАЯ ЕВРОПА: НАЦИОНАЛИЗМ И КЛАССИЧЕСКОЕ ИСТОРИОНАПИСАНИЕ

ЗВИЧАЙНА СХЕМА "РУССКОЇ" ІСТОРІЇ Й СПРАВА РАЦІОНАЛЬНОГО УКЛАДУ ІСТОРІЇ СХІДНОГО СЛОВ'ЯНСТВА

Поставлена організаційним з'їздом російських філологів справа раціонального укладу історії слов'янства в задуманій Слов'янській Енциклопедії⁵² дає мені нагоду порушити справу схеми історії східного слов'янства. Я не раз порушував уже справу нераціональностей в звичайній схемі "русскої" історії⁵³, тепер хотів би обговорити се питання трохи повніше.

Звичайно, прийнята схема "русскої" історії всім звісна. Вона починається з передісторії Східної Європи, звичайно про неслов'янську колонізацію, потім іде мова про розселення слов'ян, про сформування Київської держави; історія її доводиться до другої половини XII в., потім переходять до В[еликого] кн[язівства] Володимирського, від нього — в XIV віці — до кн[язівства] Московського, слідиться історія Московської держави, потім Імперії, а з історії українсько-руських і білоруських земель, що лишалися поза границями Московської держави, часом беруться деякі важніші епізоди (як держава Данила, сформування В[еликого] кн[язівства] Литовського і унія з Польщею, церковна унія, війни Хмельницького), часом не

⁵² Писано з нагоди плану слов'янської історії, виробленого історичною підсекцією з'їзду.

⁵³ Напр., в "Записках Наукового товариства імені Шевченка", т. XIII, XXXVII і XXXIX, бібліографія, оцінки праць Мілюкова, Сторожева, Загоскіна, Володимирського-Буданова (завважу, що з моїх заміток до книги д. Мілюкова "Очерки по истории русской культуры" зробив ужиток проф. Філевич в своїй рецензії праці д. Мілюкова в час[описі] "Новое время", покликуючись на них на попертя своїх гадок, зовсім протилежних тим, якими подиктовані були мої замітки). Також в приготованім до друку "Очерке истории украинского народа".

беруться зовсім, а в кождім разі з прилученням до Російської держави сі землі перестають бути предметом сеї історії.

Схема ся стара, вона має свій початок в історіографічній схемі московських книжників, і в основі її лежить ідея генеалогічна — генеалогія московської династії. З початком наукової історіографії в Росії сю схему положено в основу історії "Российского государства". Потім, коли головна вага перенесена була на історію народу, суспільності, культури, й "русская история" стала зближатися до того, щоб стати історією великоруського народу й його культурного життя, задержано ту ж схему в її головних моментах, тільки стали відлітати епізоди що далі, то більше. Ту ж схему, в простішій формі, прийняла наука "истории русского права", складаючися з трьох відділів — права Київської держави, московського й імперського.

Через таку традиційність, через таке довге уживання до сеї схеми привикли й її невігоди, нераціональності не вражають прикро, хоч вона повна таких нераціональностей, і то дуже великих. Я вкажу деякі, не маючи претензії вичислити їх всі.

Передовсім дуже нераціональне сполучування старої історії полудневих племен, Київської держави, з її суспільно-політичним укладом, правом і культурою, з Володимиро-Московським князівством XIII — XIV вв., так, наче се останнє було його продовженням. Се можна було московським книжникам — для них досить було генеалогічного преемства, але сучасна наука шукає генетичної зв'язі і не має права зв'язувати "київський період" з "володимирським періодом", як їх невідповідно називають, як стадії того самого політичного й культурного процесу. Ми знаємо, що Київська держава, право, культура були утвором одної народності, українсько-руської, Володимиро-Московська — другої, великоруської⁵⁴.

⁵⁴ Ся свідомість починає потрохи проходити в науку. Досить ясно, напр., висловлює сю думку укладчик "Русской истории с древнейших времен", виданої московським кружком помочі самоосвіті (Москва, 1898), д. Сторожев; він з натиском підносить, що "Русь Дніпровська і Русь північно-східна — два зовсім відмінні явища; історію їх творять неоднаково дві осібні часті руської народності". Ліпше сказати — дві народності, аби оминути баламутств, зв'язаних з теорією "единства русской народности".

Сю різницю хотіла була затерти Погодінська теорія, населивши Подніпров'я X — XII вв. великоросами й казавши їм потім, в XIII — XIV вв., відси виемігрувати, але я сумніваюся, що хто-небудь схоче тепер боронити стару історичну схему сею ризиковною, всіма майже полишеною теорією. Київський період перейшов не у володимиро-московський, а в галицько-волинський XIII в., потім литовсько-польський XIV — XVI вв. Володимиро-Московська держава не була ані спадкоємницею, ані наступницею Київської, вона виросла на своїм корені, і відносини до неї Київської можна б скорше прирівняти, напр., до відносин Римської держави до її галльських провінцій, а не преемства двох періодів в політичній і культурній житті Франції. Київське правительство пересадило в великоруські землі форми суспільно-політичного устрою, право, культуру, вироблені історичним життям Києва, але на сій підставі ще не можна включати Київської держави в історію великоруської народності. Етнографічна і історична близькість народності українсько-руської до великоруської не повинна служити причиною до їх перемішувань — вони жили своїм життям поза своїми історичними стичностями і стрічами.

Тим часом наслідком пришивання Київської держави на початок державного й культурного життя великоруського народу що бачимо? Історія великоруської народності зістається, властиво, без початку. Історія сформування великоруської народності досі зістається невиясненою, через те що її історію починають слідити від середини XII в.⁵⁵, і за київським початком сей свійський початок зовсім неясно представляється людям, що вчилися "русской історії". Не слідиться докладно за процесом рецепції й модифікації на великоруській ґрунті київських суспільно-політичних форм, права, культури; в таких формах, які мали вони в Києві, на Україні, їх попросту включають в інвентар великоруського народу, "Русского государства". Фікція "київського періоду" не дає можності відповідно представити історії великоруської народності.

Тому що "київський період" прилучається до державної й

⁵⁵ Гарні початки, зроблені, напр., книжкою Корсакова "Меря и Ростовское княжение", не були потім розвинені успішно.

культурної історії великоруського народу, зістається без початку й історія українсько-руської народності. Підтримується старе представлення, що історія України, "малорусского народа" починається доперва з XIV — XV віком, а що перед тим — то історія "общерусская". Ся знов "общерусская история" свідомо і несвідомо на кождім кроці підмінюється поняттям історії державної і культурної великоруського народу, і в результаті українсько-руська народність виходить на арену історії в XIV — XVI вв. як би щось нове, мовби її перед тим там не було або вона історичного життя не мала.

Зрештою історія українсько-руської народності зістається не тільки без початку, а і в виді якихось кавалків, *disjecta membra*, не пов'язаних між собою органічно, розділених прогалинами. Одинокий момент, що вирізняється й може лишитися ясно в пам'яті, — се козаччина XVII в., але дуже сумніваюся, щоб хтось, хто вчився "руської історії" по звичайній схемі, потрапив зв'язати її в своїм представленні з ранішими і пізнішими стадіями історії української народності, мислив би сю історію в її органічній цілості.

Ще гірше виходить на сій схемі народність білоруська — вона пропадає зовсім за історією держави Київської, Володимиро-Московської, ба навіть і за В[еликим] кн[язівством] Литовським. Тим часом, хоч вона не виступає в історії ніде виразно як елемент творчий, але роля її немаловажна, — вкажу хоч би на значіння її в сформуванні великоруської народності або в історії В[еликого] кн[язівства] Литовського, де передовсім їй, з-поміж слов'янської людності сеї держави, належала культурна роля супроти далеко нижче розвинених литовських племен.

Заведенням до "руської історії" В[еликого] кн[язівства] Литовського хотіли поправити односторонність і неповноту традиційної її схеми. В історії, здається, перший сю гадку з натиском підніс Устрялов, а Іловайський, Бестужев-Рюмін і ін[ші] пробували викладати паралельно історію "Руси западной", себто В[еликого] кн[язівства] Литовського, й "Руси восточной", себто Московської держави. В науці історії права потребу

включення В[еликого] кн[язівства] Литовського пропагує школа проф. Владимирського-Буданова, хоч не дала ще ані загального курсу "истории русского права", де було б включене В[елике] кн[язівство] Литовське, ані осібного курсу права сього останнього.

Се поправка, але вона сама потребує різних поправок. В[елике] кн[язівство] Литовське було тілом дуже гетерогенним, неоднотайним. В новішій науці легковажиться, навіть зовсім ігнорується значіння литовської стихії. Слідження преємства права староруського з правом В[еликого] кн[язівства] Литовського, значіння слов'янського елементу в процесі творення й розвою В[еликого] кн[язівства] Литовського привело сучасних дослідників внутрішнього устрою сеї держави до крайності, що вони зовсім ігнорують елемент литовський — навіть не ставлять питання про його впливи, хоч, безперечно, ми мусимо числитися з такими впливами в праві й устрої В[еликого] кн[язівства] Литовського (от хоч би — вкажу лише *exempli gratia* — інститут "койминців"). Потім, лишаючи литовський, — сам слов'янський елемент В[еликого] кн[язівства] Литовського неоднотайний: маємо тут дві народності — українсько-руську й білоруську. Українсько-руські землі, з виїмком Побужжя й Пинщини, були досить механічно зв'язані з В[еликим] кн[язівством] Литовським, стояли осторонь у нім, жили своїм місцевим життям, і з Люблінською унією перейшли безпосередньо в склад Польщі. Противно, білоруські землі дуже тісно були зв'язані з В[еликим] кн[язівством] Литовським, мали на нього величезний вплив — в суспільно-політичній укладі, праві й культурі (як, з другого боку, самі підпали дуже сильному впливу суспільно-політичного й культурного процесу В[еликого] кн[язівства] Литовського) й зісталися в складі його до кінця. Таким чином історія В[еликого] кн[язівства] Литовського далеко тісніше зв'язана з історією білоруської народності, ніж українсько-руської, що чимало підпала впливу його історії, але дуже небагато мала на нього впливу (тільки посередньо — оскільки білоруська народність передавала право й культуру,

насаджені Київською державою, але так само посередньо, через політику литовського правительства, українсько-руська народність приймала не одно, що йшло від білоруської, — напр., білоруські елементи актової мови, прийнятої литовським правительством).

Отже, включення історії В[еликого] кн[язівства] Литовського в руску історію" не заступить прагматичного представлення історії народностей українсько-руської й білоруської. Для історичного представлення суспільного й культурного процесу українсько-руської народності вистане зазначення тих кількох моментів з історії В[еликого] кн[язівства] Литовського, що мали для неї безпосереднє значіння⁵⁶. Більше з неї увійшло б у історію білоруської народності, але в цілості включати історію В[еликого] кн[язівства] Литовського в "руску історію" нема причини, коли се має бути не "історія Росії", себто історія всього того, що коли-небудь діялося на території її, і всіх народностей і племен, що її залюднюють (так її програму, здається, тепер ніхто не ставить, хоч ставити також можна), а історія народностей руських, або східнослов'янських⁵⁷ (уживаю часом сього терміна, аби обминути неясності й баламутства, які випливають з неоднакового уживання слова "русский").

Взагалі історія державних організацій грає все ще забагато ролі в представленні "русської історії" чи історії східного слов'янства. В теорії признається давно, що головна вага повинна бути перенесена з історії держави на історію народу, суспільності. Політичне, державне життя, розуміється, чинник

⁵⁶ В такім дусі старався я використати історію В[еликого] кн[язівства] Литовського в IV т. моєї "Історії України-Руси", що обіймає часи від половини XIV в. до 1569 р.

⁵⁷ Один з визначніших сучасних систематиків — проф. В[ладимирський]-Буданов — ставить задачею науки історії "русского права", історію права "русского народа", не Російської держави, тому виключає з неї національні права неруських народностей Росії, а вважає інтегральною частию право руських народностей, які не входили в склад Російської держави. Такий погляд бачимо і у інших дослідників, хоч він так само не переводиться консеквентно у них, як і у самого В[ладимирського]-Буданова (див. мою рецензію його курсу в XXXIX т. "Записок Н[аукового] тов[ариства імені] Шевченка", бібл[іографія], с. 4).

важний, але поруч нього існують інші чинники — економічний, культурний, що мають часом менше, часом більше значіння від політичного, але в кождім разі не повинні лишатися в тіні поза ним. З руських чи східнослов'янських племен держава найбільше значіння мала, найтісніше зв'язана була з життям народу у народності великоруської (хоч і тут поза межами національної, Володимиро-Московської держави бачимо такі сильні явища, як вічеве життя новгородсько-псковське). Українсько-руська народність ряд століть живе без національної держави, під впливами різних державних організацій — сі впливи на її національне життя повинні бути визначені, але політичний фактор сходить в її історії в сих бездержавних століттях на підрядну роль попри факторах економічних, культурних, національних. Те саме треба сказати про народність білоруську. Для сеї останньої великоруська національна держава стає історичним фактором, властиво, тільки від 1772 р. На історію України вона починає впливати століттям скорше, але тільки одним краєм. Те виїмкове, виключне значіння, яке має історія великоруської держави в сучасній схемі "руської" історії, має вона, властиво, наслідком підміни поняття історії "русского народа" (в значінні руських, східнослов'янських народностей) поняттям історії великоруського народу.

Взагалі в тім, що зветься "русскою історією", я бачу комбінацію, чи, властиво, — конкуренцію кількох понять: історія Російської держави (сформування й розвою державної організації й її території), історія Росії, себто того, що було на її території, історія "русских народностей", і, нарешті, — історія великоруського народу (його державного й культурного життя). Кожде з сих понять, в консеквентнім переведенні, може бути вповні оправданим предметом наукового представлення, але при таким комбінуванні різних понять повного представлення, консеквентного переведення не дістає ані одно з них. Найбільше входить в схему "руської історії" з понять історія Російської держави і великоруського народу. З розмірно невеликими перемінами й купюрами вона може бути перемінена на

консеквентно й повно переведену історію великоруського народу. "Честь и место" історії сеї найбільшої з слов'янських народностей, але поважання до її першенства й важної історичної ролі не виключає потреби такого ж повного й консеквентного представлення історії інших східнослов'янських народностей — українсько-руської й білоруської. Історії східного слов'янства таки не заступить історія великоруського народу, його державного й культурного життя, і ніякі мотиви не дадуть права зігнорувати історію білоруської і ще менше — українсько-руської народності, або заступити їх повириваними з них і попришиваними до історії великоруського народу клаптиками, як то практикується тепер. Зрештою, як тільки "русская история" буде щиро і консеквентно зреформована в історію великоруського народу, його державного й культурного життя, так історія українсько-руської і білоруської народності, я певний, вийдуть самі собою на чергу й займуть відповідне місце побіч великоруської. Але для сього наперед треба попрощатися з фікцією, що "русска історія", підмінювана на кождім кроці великоруською, — то історія "общерусска".

Такий погляд сидить іще досить твердо, хоч, на мій погляд, він, оскільки не стоїть на услугах політики, являється пережитком старомосковської історіографічної схеми — пережитком, дещо приладженим до новіших історіографічних вимог, але в основі своїй таки нераціональним. Історія великоруська (такою стає ся "русска історія" від XII — XIII вв.) з українсько-руським (київським) початком, пришитим до неї — се тільки калікувата, неприродна комбінація, а не якась "общерусска" історія. Зрештою, "общерусської" історії й не може бути, як нема "общерусської" народності. Може бути історія всіх "русских народностей", кому охота їх так називати, або історія східного слов'янства. Вона й повинна стати на місце теперішньої руської історії".

В деталях я не маю заміру викладати схему такої нової конструкції Історії східного слов'янства. П'ятнадцять літ я спеціально працюю над історією українсько-руської народності й

виробляю її схему як у загальних курсах, так і спеціальніших працях. По сій схемі укладаю я свою історію України-Русі, і в таким же виді представляю собі історію "руських" народностей. Не бачу трудностей, аби була зроблена подібним способом історія білоруської народності, хоч би вона випала менше багато, ніж історія українсько-руська. Історія великоруської народності майже готова — треба тільки обробити її початок, замість пришитого до неї тепер київського початку, та вичистити від різних епізодів з історії України й Білорусі — се вже й так майже зроблене істориками великоруського народу й суспільності.

Найбільше раціональне здається мені представлення історії кожної народності зокрема, в її генетичнім преемстві від початків аж донині. Се не виключає можливості представлення синхроністичного, подібно як укладаються історії всесвітні, в інтересах перегляду з педагогічних, щоб так сказати, мотивів.

Се деталі, й вони мене інтересують мало. Головні принципи: треба б усунути теперішній еклектичний характер "русскої історії", зшивання до купи епізодів з історії різних народностей, консеквентно перевести історію східнослов'янських народностей і поставити історію державного життя на відповідне місце з іншими історичними факторами. Думаю, що й прихильники нинішньої історичної схеми "русскої історії" признають, що вона не бездоганна і що в своїх спостереженнях я виходив від правдивих її хиб. Чи сподобаються їм ті принципи, які я хотів би положити в основу її реконструкції, — се вже інша справа.

Милко КОС

ИСТОРИЈА (фрагменти)*

Аварско-словеначко доба. Преци садашњих Словенаца, као северозападни део Јужних Словена, населили су се на подручју од Панонске до Фурланске низије, продрли су у долине великих источно алпских река са притокама (Сава, Драва, Мура), те заузели од прилике и десну обалу Дунава до реке Трауне. Могуће је, да су се појавиле на том широком терену поједине групе Словена већ у првим вековима наше ере, али велике словенске масе населиле су га, у главном правцу од истока према западу, у другој половини VI века, нарочито откада су 668. год. Лангобарди напустили Панонску низију и суседне источно алпске долине. Пре Словена живела су на том широком подручју различита романизирана келтска и друга, већ покрштена, племена. Дошљаци Словени делимично су ова племена уништили, делимично апсорбирали, а постојећа њихова насеља, цркве и т. д. разорили.

Границу најшире, иако не свуда интензивне словеначке колонизације, чинио је на северу од прилике Дунав, даље на западу линија од прилике од Линца на Дахштајн, затим Ниске и Високе Туре, онда развође између Драве и горњо талијанских река, а према Фурланској граница беше линија између низине и брда. Правац колонизацији давале су реке и постојећи стари путеви; прилике за више мање интензивну колонизацију нудиле су природа самога терена и већ од пре постојеће насеобине.

Али Словенци нису ове пределе населили сами. Пре свога одласка у Италију позвао је лангобардски краљ, који је онда са својим народом био у Панонији, народ Авара против народа Гепида. Авари су се одазвали, помогли су потући Гепиде и запосели су истовремено са Словенима подручје Лангобарда,

* Печатається по: Словеначка. Зборник. – Београд: Српска књижевна задруга, Штампарија «Златибор», 1927.

када су ови 568. год. отишли у Италију. У панонским и источно алпским пределима живели су Авари помешано са Словенцима, у неким крајевима су их потчини́ли, а у другима опет ратовали са Словенцима као савезницима. Око 600. год. појавише се Словенци и Авари на баварској и италској граници. Већ 595. год. потукао је баварски војвода Тасило Словенце у њиховој покрајини, а већ идуће године потукли су Словенци помоћу Авара Баварце. Од 600. год. даље упадају Словенци у Италију, а око 611. год. победили су они опет Баварце негде код данашњег Лиенца у Тиролу. Авари су у тим освајачким ратовима били често војнички заповедници не само својих људи, него и Словенаца. Али не свуда и не сваки пут. Било је и ратова и крајева, где Словенци нису били потчињени Аварима или где је била аварска врховна власт веома незнатна (на пр. у данашњој Корушкој). Више пута ударили су Словенци на своју руку, без аварских заповедника, на непријатељске суседе: Лангобарде и Баварце.

Словенци су потпуно свргли аварски суверенитет у својој главној покрајини Карантанији и у Подунављу, када је кнез Само (623.—658.) ослободио један део северозападних Словена од Авара и проширио своју власт до источно алпских Словена, те створио контуре једне велике словенске савезне државе од Полапских Словена, преко савезничких Словенаца, све до лангобардских граница (око 623. до 629.). Око две стотине година владају затим Словенцима војводе домаће крви. Први, познат по имену, био је Валук, савременик и савезник кнеза Сама. Док је владао кнез Само, Словенци су и са Аварима, Баварцима и Лангобардима живели у главном у миру, али када се, после Самове смрти, распао његов западно словенски државни савез, почели су опет ратови, већином офанзивног карактера, од стране Словенаца. Тим су ратовима Словенци јачали своју слободну државу против Лангобарда, Бавараца и Авара. Ова офанзивна снага младе словеначке карантанске војводине траје скоро сто година; од смрти Самове па до средине VIII века. Карантанска држава морала је у то време бити доста јака, јер су јој се обраћали

за помоћ Баварци, кад су око 743. год ратовали са Францима. Пружена помоћ постала је за Словенце судбоносна. Баварци су били тада побеђени и њихов војвода морао је признати франачку врховну власт. Ова врло важна чињеница изменила је знатно и политички положај словеначке Карантаније.

Мало затим, охрабрени можда због словеначко баварског неуспеха против Франака, почели су Авари опет узнемиравати карантанске Словенце. Словеначки војвода Борут, пошто је сам био сувише слаб да би отерао Аваре, обратио се Баварцима и од њих затражио помоћ. Ови су ускоро помогли Словенцима да истерају Аваре из земље, али су тражили за то скупу награду. Карантански Словенци и њихови суседи у данашњој средњој Штајерској морали су од средине VIII века признавати врховну власт Бавараца, односно Франака.

Ширење хришћанства и прелаз у франачки државни састав. Уже везе између Словенаца и Бавараца много су допринеле да су Словенци наскоро примили хришћанство. Била је у првом реду војводска породица и њена ужа околина, која је најпре примила, преко Бавараца, хришћанску веру. Син војводе Ворута, Горазд, када је око 750. год. постао војвода, био је већ хришћанин, као и његов наследник Хотимир. Немачки свештеници долазе све"више у земљу, носећи не само нову веру, него и немачки политички, друштвени и културни утицај. У средишту карантанских Словенаца, на Господетском Пољу, посвећена је ускоро једна од првих хришћанских цркава међу Словенцима: Госпа Света.

Немци су пустили испрва карантанским Словенцима њихове домаће војводе и нису, изгледа, још много дирали у њихове правне обичаје и друштвени састав. Војводе Горазда и Хотимира, а исто тако вероватно и њихове претходнике већ од војводе Валука, постављали су Словенци за своје војводе по старом обичају, посадивши их на војводску столицу на Господетском Пољу. Тај обичај се вршио и под војводама туђе крви, све до почетка XV века.

Против германофилске дворске странке Словенаца хришћана дигла се народна опозиција, "словеначка странка". која се држала

старе вере и мрзила туђинце у земљи. После смрти војводе Хотимира та је странка и успела. Побеђена хришћанска странка тражила је помоћ код Бавараца и 772. г. она је и нашла. Словенци-нехришћани били су побеђени, а хришћански мисионери и с њима појачани немачки утицај добили су превласт у земљи. Нови војвода Волкун постао је. несумњиво ;помоћу Бавараца и против воље словеначке народне странке, владар у Карантанији. Признавао је и даље баварски суверенитет, а откада је 788. год. Карло Велики потчинио опет Баварску својој власти, франачку врховну власт.

Освајањима словеначке земље примакла се франачка власт границама аварског хаганата и византиског царства. Сукоби на истоку између тих држава и франачке велевласти постали су неизбеживи. Најпре је плануо аварски рат (791.—796.). У бојевима са Аварима морали су карантански Словенци помагати Францима. У друштву с њима ослободили су од аварског ига тек тада своју браћу око горње Саве (око 795.). Ширењу хришћанства било је по свршетку аварских ратова отворено најшире поље, на југу од Драве од стране патријарха из Аквилеје, а на северу од стране баварских бискупија. Хришћанство се почело ширити и ван граница Карантаније, у Доњу Панонију. Салцбуршка бискупија, која постаје 798. год. надбискупија, добила је 811. год. као јужну границу своје архидијецезе реку Драву, док је на њеној десној обали дата црквена власт патријарсима из Аквилеје (или Оглеја).

Око 800. год. сви су Словенци били ослобођени од аварске власти и уједињени под франачким суверенитетом. Карло Велики им је оставио, из политичке увиђавности, војводе и кнежеве домаће крви. Добро организованом управом привукао је словеначку земљу ближе својој држави. Читаво подручје подељено је на два маркгрофовства : Фурланску Марку, која је обухватала Доњу Панонију северно од Драве, земљу око горње Саве и Фурланију, те Источну Марку, под коју је спадала Карантанија и Горња Панонија.

Други сукоб Карла Великог на истоку био је са Византијом.

Освајањем Фурланије (776.) примакли су се Франци византиској Истри. Год. 788. дошло је до франачко византиског рата и франачке чете освојиле су Истру. У доба тих непријатељских одношаја са Византијом дошли су под франачки суверенитет и далматински Хрвати. Ахенским миром 812. год. признат је дефинитивно франачки суверенитет над Истром и далматинско хрватском кнежевином.

За слабе владе Карловог наследника, Лудвика званог Побожног, почели су се јављати нереди у читавој држави. Особито на њеним границама избијају тежње за самосталношћу, као последице насилног поступања франачких управитеља. Устанци потчињених народа учесташе. И панонски кнез Људевит, чије је седиште било око Сиска, тражио је прилике да постане самосталан. Када није успео са тужбама против фурланског маркгрофа, дигао је 819. год. устанак против Франака и придобио је у току рата на своју страну Словенце у Крањској, један део карантанских Словенаца, и на истоку Тимочане. Јужни Словени од италске до бугарске границе устали су тада заједнички против туђинске власти. Тек у дугогодишњим и тешким борбама (819.—822.), у којима је Францима помогао и далматинско хрватски кнез Борна, а Словенима барем посредно Византија, могли су Франци донекле владати словенска племена. То није био обичан устанак, који је кренуо Људевит, него борба за слободу; а у позадини то беше борба и за политички утицај и власт двеју великих сила: франачке и византиске. За Словенце је било учествовање у Људевитовом устанку судбоносно. Тада су изгубили право да постављају војводе домаће крви.

Тежња да отклоне поновне сличне покрете, као што је био Људевитов, и бојазан пред влашћу Бугара, који су у трећем деценију IX века проширивали своје нападаје чак до Карантаније, принудиле су цара Лудвика да изведе административну реформу, која би била кадра боље сачувати интересе његове државе на источним границама. Год. 828 подељена је Фурланска Марка на четири грофовства : Фурланску, Истру, земљу на горњој Сави и Доњу Панонију. Прве две су остале у ужој политичкој вези са

Италијом, а друге две са Карантанијом и Источном Франачком. У овој за будућност словеначке земље веома важној вези и подели остају оне и када су, по Верденском Уговору 843. год., Истра и Фурланска потпале под цара Лотара, а Карантанија са маркама на Сави и у Панонији под краља Лудвика Немачког и његову државу.

После одбране од спољашњих и унутрашњих непријатеља и административног уређења, отворена су широка врата верској и политичкој пенетрацији Немаца, са којом је ишла и интензивна колонизација и германизација словеначке земље.

Ватреног помагача за своје политичке, верске и германизаторске тежње добили су Франци у кнезу Прибини, који је, прогнан из своје прве области Њитре, у данашњој Словачкој, после вишегодишњег лутања и политичке неодлучности, око 840. год. пристао коначно уз Франке, добио у феуд део Доње Паноније око Блатног Језера и створио ту себи доста јаку позицију. Сигурно је он Францима много користио бранећи те крајеве од Бугара, који су морали око 846. год. напустити источну Славонију и Срем. За своју помоћ у ширењу хришћанства и немачке колонизације, као и за одбрану земље, добио је Прибина 847. год. као властито имање све оно што је дотле имао од краља само као феуд (изузети су једино салцбуршки поседи). После тога је Прибина развио већу верску и колонизаторску ревност у служби Немаца. Прибина погранична кнежевина ширила се између Драве, Дунава, доње Рабе и граница Горње Паноније, Карантаније и Марке на горњој Сави. Средиште јој је било око Блатограда на Блатном Језеру.

Прибину је наследио (вероватно око 861. год.) његов син Коцељ. У почетку продужио је германофилски курс свога оца. Али ускоро (око 864. год.) почели су се, под утицајем мисионарског рада браће Константина (Ћирила) и Методија, из Моравске ширити словенски покрет и против немачка реакција. То је имало утицаја и на даље политичко држање кнеза Коцеља. Год. 867. примио је он са великом радошћу оба брата, Константина и Методија, када су преко његове државе пролазили

за Рим. Тада се и у Доњој Панонији почела уводити словенска литургија наместо латинске, и тад је почела замена немачких свештеника словенским. Ту се коначно организује Методијева панонска архидијеза (870.). Коцељев обрт у политици узбудио је Немце, у првом реду надбискупа салцбуршког, који је сматрао да су оштећена и повређена права његове цркве. Настадоше, због тога, политичке интриге, чија је жртва коначно постао кнез Коцељ. Око 873.—874. год. на Једанпут га је нестало, ваљда је постао жртва немачко моравског споразума, који је тада склопљен. Салцбуршка црква завлада опет у Доњој Панонији.

Доњо панонске словенске кнежевине нестало је. Панонију је добио 876. год., после смрти краља Лудвика Немачког, његов син Карлман, који је већ од пре управљао Источном Марком на Дунаву (од 856.), Карантанијом (од 861.) и Баварском (од 865.). Али Карлман није задржао Карантанију и Панонију сам, него је предао ове земље мало затим своме ванбрачном сину Арнулфу, који је обадвема покрајинама управљао до свога избора за краља (887.). Ратови, које је 892.—894. водио краљ Арнулф са моравским кнезом Светополком, довели су на политичку позорницу нов народ, Мађири, чија је појава на источним границама франачке државе од највећег значења и за даљу судбину словеначке земље.

Карантанија и њене марке. Инвазија угрофинских Мађара значи почетак новог поглавља у историји словенских племена у Подунављу и Источним Алпима. Освојењем великих равница на Тиси и Дунаву у последњим годинама IX века спречили су Мађари за увек територијалну везу између јужних и северних Словена. Откада их је краљ Арнулф позвао у помоћ против моравских Словена, постали су Мађари велика опасност и за запад. Најпре су потчинили словенска племена у Панонији, а онда је дошла на ред подунавска Источна Марка. Већ почетком X века упадају они у Карантанију. и правцем великих римских друмова иду њихове провале преко словеначке земље до у Италију. Наравно, да су у свима тим крајевима том приликом пропадале политичке и културне институције, а да је исто тако

прекинут и колонизаторско германизаторски рад Немаца. Једино полуострво Истра, са својим положајем удаљеним од главног пута за Италију, и централна словеначка покрајина Карантанија, опасана заштитним планинама, могле су и у првој половини X века продужити донекле свој ранији политички живот. Средишња државна власт, онда у највећем расулу, није била у стању да штити своје насељеничко подручје на истоку, а Словенцима у Панонији и око Саве као да није ни било много стало до тога што су једну страну власт заменили другом, која их је иначе "много подсећала на некадашњу аварску.

Јачање немачке државне власти за владара из саске династије, нарочито краља и цара Отона I, било је од већег значаја за мађарско питање и за даљу судбину словеначке земље. После битке код Аугсбурга (956.) почиње, пола века после прве, — друга етапа колонизације и германизације словеначке земље. Опет се спомињу имена грофова и маркгрофова у пограничним земљама. Немачке цркве, нарочито баварске, добивају велике комаде краљевске земље на читавом подручју од Дунава до Јадрана. Од доба Отона највећи део словеначке земље налазио се у политичком саставу "Светог Римског Царства."

Од Дунава до Јадрана основан је један венац пограничних марки за заштиту државе на истоку. Марке су с почетка биле још у вези са старом Карантанијом, око које се у главном нижу. Границе тих марки према истоку, које се полако развијају из пограничних територијалних пасова, имале су једну у географској структури мало утемељену линију, која је постала од највећег значаја за даљи индивидуални развитак Словенаца. Од севера према Југу иду: Источна Марка на Дунаву, Карантанска Марка на средњој Мури и горњој Раби, Птујска Марка на средњој Драви, Савињска Марка на Савињи, Крањска Марка на горњој Сави, и Истарска Марка. Читаво ово подручје марки на источној граници римске државе подељено је у грофовства, којима стоје на челу грофови са карактером војничких заповедника и великих државних чиновника.

Велика Карантанија са пограничним маркама у X и XI веку

често је мењала своје политичке границе и војводе, што све стоји у уској вези са политичким приликама у држави и са задацима, које су јој хтели дати владаоци као важној пограничној земљи између Немачке и Италије. Од 952. год. владао је у Карантанији, сједињеној са Веронском Марком и Истром, Хенрик, брат самога краља Отона I, а после њега његов син истог имена, који је већ од пре имао Баварску. У то доба тесних политичких веза са Баварском пада јако територијално повећање баварских цркава по словеначкој земљи. Стална политичка веза немачког подручја са словеначким убрзала би сигурно прво њихово спајање, а уједно и потпуну германизацију, да није државни резон приликом устанка војводе Хенрика (976.) опет разбио везу Баварске, Карантаније, Вероне и Истре. Карантанија—Верона—Истра чине од 976. год. нову војводину. Али и ова нова није могла доћи до оног значаја, који би јој припадао по обиму и природном положају на вратима Истока и Италије. Често мењаље војвода, њихове политичке завере против централне власти, не усредсређивање власти у рукама једне породице, и одељивање пограничних марки, све је то довело до расула Велике Карантаније.

Јак удар за распадање Велике Карантаније дао је устанак карантанског војводе Адалберона из породице Епенштајн, који је 1012. год. управљао ужом Карантанијом (Корушком), Веронском Марком, Истром и Карантанском Марком. Већ од ранијих година завађен са немачким краљем Копрадом II, устао је Адалберон 1035. год. поновно против свога владара, опирајући се на велику војничку снагу, коју му је пружала његова велика војводина, а тражећи помоћ чак и ван државних граница, у тада јакој хрватској држави. Али велеиздајнички покрет, који је онда не мало уплашио државну власт, био је ускоро угушен и Адалберон свргнут (1035). Карантанска Марка, то јест од прилике данашња Горња Штајерска, беше одељена од уже Карантаније и почела је да живи својим посебним животом. Све јаче цепање марки од уже Карантаније ускорило је и то, што на карантанском војводском престолу од 1039.—47. год. није било војводе, када владар, бојећи се поновног партикуларистичког покрета, није хтео дати ником

Карантанску Војводину. Војвода Велф и његови наследници управљали су само Карантанијом и Веронском Марком.

Даље расуло Велике Карантаније ускориле су у другој половини XI века брзе промене на војводском престолу уже Карантаније. Измењивање војвода из различитих породица стоји у уској вези са ондашњим династичким борбама у Немачкој, нарочито у саској династији. Карантанија се даје често као награда у тим борбама, али се догађало да неки од новопостављених војвода уопште нису дошли до власти у земљи. У таквим приликама разумљиво је постајање самосталних пермфериских марки и њихово цепање од уже Карантаније, односно, сада већ зване Корушке.

Посебним политичким животом почињу да живе у XI веку марке у јужном делу некадашње Велике Карантаније: Крањска и Истарска Марка. Њихова политичка судбина је већ од IX века даље често заједничка и више у вези са приликама фурланско италског запада него северозапада.

И Крањска је организована, после престанка мађарских најезда, као посебна марка. У XI веку обухватала је она подручје од Јулиских Алпа и Караванки на северозападу, до Снежника и Горјанаца на југу и истоку, а изгледа да је и марка на реци Савињи стајала у ужој вези са Крањском. Данашња Бела Крајина сачињавала је још део хрватског краљевства, а Випава и Постојна део Фурланске Марке. Познати су нам по имену неки крањски маркгрофови. Међу њима је најважнији Удалрик из породице Вајмар Орламинде, који је као унук истарског маркгрофа Вецелина после средине XI века наследио и Истарску Маркгрофију и владао тако Крањском и Истром до своје смрти.

Истра је сачињавала једно време део Фурланске Марке и Италског Краљевства. По свом географском положају остала је више мање сачувана од непријатељских инвазија и одржала је жив континуитет са римским, византиским и каролиншким добом, што је, као и њене везе са Италијом, дало овом полуострву, нарочито његовим романским градским општинама, нарочит положај у политичком, правном и културном погледу.

У самој ужој Карантанији или Корушкој проширио је, место стално отсутних војвода, своју власт син свргнутог војводе Адалберона по имену Марквард. Своје очинске поседе добио је натраг, а знајући искористити противности између круне и ондашњег карантанског војводе Вертолда, задобивао је све већу власт у земљи и спремао своме сину Лиутолду пут до карантанског војводског места. Доиста, краљ Хенрик IV 1077. год. дао је војводину Карантанију и управу Веронске Марке Лиутолду, сину Маркварда од породице Епенштајн. Ова промена на карантанском војводском престолу уветована је метежима за време борбе око инвеституре, која је нашла јак одјек и у словеначким покрајинама.

Краљ Хенрик IV није у својим најкритичнијим годинама дао Карантанију Лиутолду само зато, што је овај имао фактичну власт у земљи, него и зато, што се је могао ослонити на њега у својој великој борби са папама. Исто се је догодило 1077. год. и са Крањском, Истром и Фурланијом. Год. 1077., после понижења у Каноси и после избора против краља Рудолфа Швапског, дао је Хенрик, да би осигурао помоћ оглејског патријарха Сигехарда, његовој цркви грофовства Фурланију, Истру и Крањску. Тако је овим политичким променама дошао највећи део ондашње словеначке земље у руке присталица царске странке. Али ни овој није било тако лако доћи до власти. Не само папина странка, која је у салцбуршким надбискупима имала јак ослонац, него и онда моћне карантанске војводе из породице Епенштајн биле су против овакве поделе области, које су стварно припадале Карантанији. Оглејски патријарси могли су с почетка одржати само Фурланију. Тек кад је са Удалриком 1086. год. дошао на патријаршиску столицу један од породице Епенштајна, нашао се начин за споразум. Крањску је добио поновним владарским даром (1093.) патријарх, а Истром су управљали грофови из различитих породица [...]

[...] Словеначка земља око Постојне, Випаве, на Красу и на Сочи показује скоро кроз цео средњи век доста разбијену територијалну конфигурацију. Ни јединственог имена не знамо за

то подручје. Главни господари су у тој земљи оглејски патријарси и горички грофови. У рукама првих је у главном Толмин и прелазна земља за Крањску (Випава, Церкница, Лож). У рукама Горичких је Горица са ужом околином и велики део Краса и унутрашње Истре. Поседи у словеначкој земљи, уз оне фурланске, тиролске и корушке, дали су овој из тиролског Пустертала досељеној немачкој породици потребну базу за развој династичке власти. Али еволуција код Горичких је у том погледу много спорија него ли код династа у осталим словеначким земљама. Снага оглејског патријархата била је до средине XIII века сразмерно још довољно јака и није дозвољавала у својој непосредној близини развијање једног династичког подручја. Тек економско и политичко расуло патријархата за време романских патријарха слабића, даље распад оглејских посела у Истри и Крањској, те све јачи утицај Млетака у Фурланској и Истри, као и напредовање династичке власти и политичке прилике у суседним покрајинама, све је то заједно помогло, од друге половине XIII века, да се ојачају горички грофови и да им се припреми пут до династичке власти.

На самој обали Јадранског Мора живе романске градске комуне, Трст, Миље, Копар, Пиран, Пореч, Пуљ и остале, доста аутономним животом у оквиру свога елементима из античног, византиског и каролиншког доба прожетог устава и управе. Оглеј и Млеци боре се овде за политички утицај и за власт. До средине XIII века превлађује Оглеј, који је овде водио главну реч и у црквеним стварима, а од друге половине XIII века постаје млетачка политичка, економска и културна пенетрација све јача, док није, осим у Трсту, — на почетку XV века сасвим победила.

У самој средишњој словеначкој покрајини Корушкој стара се војводска породица из досељене породице Шпанхајм, која је наследила 1122. год. изумрле Епенштајне, да развије династичку власт у земљи. Развоју су сметали, као у Крањској, велики црквени поседи (Салцбург, Бамберг, Крка, Шт. Павел). Јаку основу својој династичкој власти у земљи положио је помоћу спретне територијалне политике војвода Бернард (1202.—1256.).

Чешко угарска владавина. Смрћу последњег војводе из племена Бабенберга (1246.) почиње нов период политичке и територијалне историје великог дела словеначке земље. Војводине Аустрија и Штајерска постале су као државни феуди 1246. год. слободне. Нови претенденти нису могли доћи до праве власти, читаву моћ у земљи задобили су све јачи министријали. Искоришћавајући прилике дошао је на позив некојих у земљу Пршемисловац Ошвар, син истоименог чешког краља, а од 1253. год. и сам краљ чешки. Упркос јакој опозицији у земљи и упркос претензијама угарског краља Беле IV, којему је успело да за неколико година (1254. до 1260.) придобије Штајерску, добио је Отокар 1262. Аустрију и Штајерску као државни феуд. Безвлашће у немачкој држави, која тада није имала правог владоца, а и потпора папинске курије, која је више волела расцепкану него ли јаку Немачку, омогућили су чешком краљу ове успехе. Али Отокар је ишао још даље. Са својим рођаком корушким војводом Улриком, који је по Бернардовој смрти завладао у Корушкој, а после изумрћа Бабенберговаца задобио највећу моћ и у Крањској, склопио је Отокар 1268. год. уговор, по којем би га он имао наследити ако би Улрик остао без деце. Када се то већ идуће године догодило, заузео је Отокар Корушку и Крањску и тако основао велику државу од Крконоша скоро до Јадрана, по територијалном обиму веома сличну некадашњој Оамовој држави. Словеначку земљу је Чех утолико ујединио, што је место три до четири династа иста добила сада само једног владоца. О каквом словенско националном карактеру ове чешко алпинске државе, наравно, нема говора [...]

[...] Врло опрезном политиком, пуном концесија цркви. властели и грађанству, знао је Рудолф осигурати некадашње Отокарове земље себи и својој кући, Али то му ипак није успело у Отокаровом обиму. На једанпут се појавио гроф Мајнхард горичко тиролски, који је учинио круни при враћању Корушке и Крањске највеће услуге, тражећи награду. Добио је Корушку, са њом војводску титулу и чин државног кнеза и непрекидну територијалну везу између својих горичко фурланских и

тиролских поседа (1286.). Аустрију, Штајерску, Крањску са Марком добили су синови самога краља као државни феуд (1282.), Тешкоће су избиле са Крањском, где су корушке војводе имале велике властите и феудалне поседе. Коначно је нађено решење тако, да је Мајнхард одржао Крањску и Марку као закуп.

Тако је дошло до другог територијалног уједињења највећег дела словеначке земље под једним земаљским господарем, уједињења, које се током XIV и XV века, присаједињењем још неких територија, употпунило. Од краја XIII века па све до ослобођења 1918. год. владају највећим делом словеначке земље аустриски Хабсбурговци. Наследници Рудолфови у словеначким земљама морали су се у почетку борити са великим тешкоћама. Јаку опозицију пре фаворизираних племића и клера морао је савладати нарочито војвода Албрехт, који је увео у земљи строг режим.

У XIV и XV век пада територијално развијање словеначке земље, која је постепено добила оне политичке границе појединих покрајина, које су постојале све до најновијег доба. Сам народ имао је најмање реч код политичких промена своје земље. Подела земаља између појединих линија владајуће хабсбуршке династије и присаједињавање нових територија старим хабсбуршким земљама догађало се без питања широких маса народа, који је у самој земљи становао.

Територијална политика Хабсбурговаца у словеначкој земљи XIV и XV века показује продужење оних тенденција, који је имао већ последњи Бабенберговац и за њим Пршемисл Отокар: постепено приближавање мору и Италији. Пут је водио преко словеначке земље. Ово хабсбуршко продирање према југу вршило се и извршило у више етапа. Најпре су Хабсбурговци 1311. године, припајањем Словењег Градеца и земље око реке Савиње Штајерској, добили у руке важне путеве за Крањску и Хрватску. Другу етапу означава добитак Корушке и Крањске, дате до оног доба у закуп горичко тиролским грофовима. Те су земље после смрти, без наследника умрлог, корушког војводе Хенрика (1335.) остале без господара. Овај успех Хабсбурговаца

плод је њихове веште тактике у ондашњој политичкој борби између њих, Луксенбурговаца и Вителсбаха.

И даља арондација хабсбуршких територија по словеначкој земљи био је успех спретних наследних уговора и мешања Хабсбурговаца у интересну игру великих и малих сила за власт око горњег Јадрана (Млеци, Оглеј, Угарске Хрватска, горички грофови). Оглејске патријархе потискују Хабсбурговци све даље са висина крашких прелаза у правцу према мору. Са друге стране притискује патријархат Венеција и одузима му коначно 1420. го. светску власт у Фурланији и Истри. У двострукој офанзиви млетачко хабсбуршкој нестало је некада тако моћног светског Оглеја. Хабсбурговци су господари већ и на неким местима морске обале. Год. 1374. добили су, по већ раније склопљеном уговору, поседе једне линије горичких грофова у унутрашњој Истри, Либурнији и долењској Крањској. Год. 1382. тражио је Трст. да би се ослободио политичког и економског утицаја Млетака, помоћ од суседних Хабсбурговаца и потчинио им се. Год. 1500. коначно су придобили Хабсбурговци, исто тако на основу већ раније склопљеног уговора, и поседе друге, онда изумрле, линије горичких грофова, то јест њихову земљу у Фурланској, Горици и Корушкој. Сада је било само питање кад ће доћи на Сочи, Краеу и Истри до сукоба између Хабсбурга и Млетака.

Реакција прошив власти Хабсбурговаца од стране Цељских грофова и сталежа. Док су Хабсбурговци овако спретн^{1/2}ом пенетрацијом ширили своју династичку власт преко словеначке земље, дигао се против њих опасан такмац из племићских кругова: Цељски грофови.

Преци доцнијих грофова Цељских били су слободни племићи, који се од прве половине XII века зваху или по реци Савињи или по граду Жовнеку код Цеља. Ка I је изумрла породица Вовбрских грофова, добио је њихов рођак Фридерик I њихова велика имања, а између осталог и град и варош Цеље. Истије Фридерик добио 1341. г. игрофовско достојанство. Његови синови узели су учешћа у ондашњој средње и

источноевропейској политици. Други, Херман I (| 1385.), имао је за жену Катарину, кћерку босанског бана и доцнијег краља Твртка I, што је Цељским касније отварало изгледе на босански престо. Моћ грофова Цељских основао је тек син Хермана I гроф Херман II (| 1435.). Уске политичке и породичне везе Хермана II са царем Сигмундом, коме је дао за жену своју кћерку Барбару, донеле су му многа имања и достојанства (од 1406. год. гроф цељски и загорски, бан далматински, хрватски и славонски). У ужој домовини добио је Херман 1422. год. велико наслеђе грофова Ортенбуршких са великим имањем у Корушкој и Крањској. Његов син и наследник Фридерик II (| 1454.) добио је заједно са својим сином Улриком II достојанство и чин државних кнежева (1436.). Напредак Цељских довео их до љутог непријатељства са Хабсбурговцима. Дошло је до многих ратова, у којима је нарочито много трпела словеначка земља. Хабсбурговци су се бојали, да би се могла на југу развити самостална држава Цељских грофова, која би им одузела њихове земље и спречила пут до мора. За време последњег мушког члана из породице Цељских, грофа Улрика II, који је био ожењен Катарином ћерком деспота Ђурђа Бранковића, постигла је породица своју највећу политичку снагу. Улрик II заплео се у велике свађе око угарског наследства, што је довело до дугих ратова између цељске и корвинске партије у Угарској, а онда и са Хабсбурговцима. Када је после смрти Јанка Хуњадија постао гроф Улрик краљев намесник у Угарској, побудило је ово код корвинске партије велико незадовољство, које је довело до убиства последњег Цељског грофа у београдској тврђави (1456.). Главни наследник огромног цељског имања у словеначким, хрватским и угарским земљама постали су, према једном 1443. год. склопљеном уговору, Хабсбурговци. Ради политичких, породичних и територијалних веза Цељских грофова са словеначким, хрватским и српским земљама говори се често о тенденцијама ове породице, да су наводно намеравали основати велику југословенску државу. Али о таквим националним тенденцијама ове немачке породице у оно доба уопште не може бити говора,

Цељски, ојачали у племићском партикуларизму против Хабсбурговаца, ширили су, са великим политичким талвнтом и праћени срећом, своју политичку и територијалну експанзију у правцу југа и истока. јер су политичке прилике онда тако тражиле. Снага и имања грофова Цељских на словенском југу могли су дати основу за једну државу на територији Срба, Хрвата и Словенаца, која би временом могла постати и народна, али о таквој држави у XV веку још нема говора. [...]

Колонизација и германизација. Дали смо кратку скицу политичке и територијалне историје словеначке земље у средњем веку, а народ, који је у њој живео, скоро да нисмо ни споменули. То је природно, јер носиоци политичког живота словеначке земље у средњем веку били су скоро сами странци. који су полако наметнули освојеној земљи своје политичко, економско и социјално уређење. Старословеначко друштвено устројство преплетало се је све више са немачким, нешто мало и са италским. Највише старог словеначког поретка задржало се међу широким масама сељачког народа. Историја овога је заправо историја Словенаца, откада су потпуно изгубили своју политичку слободу и дошли у друштвени и политички састав страних. држава.

Прелаз у немачки друштвени састав вршио се у првим вековима после Карла Великог још доста полако. Све до почетка XV века (последњи пут 1414. год.) вршен је старословеначки церемонијал устоличења корушких војвода на Господетском Пољу код Целовца. Још до XII века спомињу се у изворима словеначки кнежеви, племенити и слободни, и то у местима, која су данас сасвим немачка. Германизација словеначког племства извршила се је путем вишевековне мирне пенетрације. Али није само на слободно племство, већ је и на словеначке неслободне масе утицала у великој мери колонизација и германизација словеначке земље.

Када су Словенци дошли под франачку власт била је њихова земља још слабо насељена. Многа ненасељена места постала су франачка државна својина и франачки владоци могли су

слободно њима располагати. Од Карла Великог па до XII века све више добивају немачке и фурланске бискупије, цркве, манастири и световна господа веће или мање комплексе словеначке земље на подручју од Дунава до Јадрана. Само мађарске навале прекинуле су у покрајинама ван уже Карантаније за једно пола века велико немачко притицање. Од IX—XII века прокрчене су, путем великих поклона црквама (Оглејској, Салцбуршкој, Вамбершкој, Фрајзиншкој, Бриксеншкој и Крчкој), или мирској господијвелики, дотада још слабо или уопште ненасељени комплекси словеначке земље.

Страна колонизација довела је и до великих промена у социјалном погледу. Страни господари довели су у земљу своје колонисте, који се у социјалном и правном погледу у многим разликују од словеначких староседелаца. Бројна надмоћ придошлица апсорбирала је полако широке слојеве домаћег народа, који је постепено престајао да говори својим језиком. Тамо где су Словенци били у већем броју остале су још до XII—XIII века словеначке оазе у немачком мору. Уопште можемо казати, да се је у Штајерској у XIII веку приближавала словеначко немачка граница од прилике оној, која постоји још данас, а да су и долине северне и западне Корушке биле у исто доба већ јако германизиране. Подунавље је било у XIII веку већ сасвим немачко. У западној Угарској одржала су се словеначка села дуже, док се није и тамо словеначка територија коначно смањила на мали појас између Рабе и Муре. Словеначке енклаве у Фурланији. — постале уосталом у касније доба, — денационализоване су својом романском околином у другој половини средњег века. У Истру су се селили Словени кроз цео средњи век у споријем темпу све до пред зидине романских градских општина. Можемо казати, да се граница, компактне словеначке територије према компактној немачкој помакнула у XIII веку у главном на ону линију, коју познајемо из прве половине XIX века, а да је западна словеначка граница према компактном романском елементу остала кроз тринаест векова у главном иста.

Новe токове у колонизацију словеначке земље унели су манастири, који се иначе оснивају сразмерно доста касно, у XII и XIII веку. Као и на другим странама представљају манастири и код Словенаца локална економска и културна средишта. Нарочито у своје прво доба добивали су велика имања, било од оснивача самих, било од других лица. Купњом и заменом кушали су све више арондирати свој околни терен. [...]

Турска, социјална и верска криза. Словеначка земља, која стоји од цара Максимилијана I (I 1519.) скоро у своме целокупном територијалном обиму под владавином једне династија, преживљавала је од XV до XVII века три јаке кризе: турску, социјалну и верску. Прва се само дотакла словеначке земље и није јој донела штете у територијалном погледу. Друга се истућила у неколико великих сељачких буна. Трећа, верска, позната је под именима реформације и противреформације. Турски ратови, сељачке буне и верски покрет дају историји словеначке земље од краја XV па све до почетка XVII века њен главни садржај и карактер.

Турске најезде и ратови. Већ почетком XV века доживела је словеначка земља прве турске најезде пљачкашког карактера. Оне су се понављале у особито великом опсегу у другој половини XV века и досежу већ до Фурланске и Корушке.

Озбиљнија је постала турска опасност и за словеначку земљу. када је после битке код Мохача (1526.) Угарска престала бити главни бедем против Турака, те је њену улогу главног борца морала преузети Аустрија. Турска државна граница помакла се скоро до граница словеначке земље, која са остацима Хрватске, западно и северно од приближне линије Ђурђевац—Чазма—Сисак—Капела. постаде погранична територија, вазда изложена турским провалама, чије исходиште беше Босна. Против непријатељске опасности основан је од доба цара Фердинанда I, дуж фронта од Јадранског Мора до Ердеља, низ такозваних војних граница, нешто слично као што су биле, делимице на истом подручју, некадашње франачке марке. За одбрану хрватске и словеначке земље уређена је Славонска Граница између Драве

и Купе и Хрватска Граница између Купе и мора. Иста династија Хабсбурговаца у Хрватској (од 1527.) и словеначким земљама и заједничка турска опасност спајале су у XVI веку често интересе хрватских и словеначких земаља. Племићи из словеначких крајева ратују по Хрватској против Турака и заузимају важна места као заповедници и официри војнограничних генералата, а хрватско племство опет заузима често важне функције у словеначким земљама и долази ту и до територијалних поседа.

На самој војној граници и у њеном залеђу насељавају се од друге половине XV века бројни ускоци, то јест хришћанске избеглице испод турске власти у српскохрватским земљама. Ускоке су граничарски генерали нарочито радо узимали у војничку службу за одбрану против Турске (граничари). По читавој Словеначкој имамо бројне ускочке колоније, нарочито на Горјанцима, северној Истри, на Птујском Пољу и на Красу

И за словеначку земљу важан обрт у турским ратовима означава битка код Сиска 1593. год., где су Турци претрпели потпун пораз. Турска офанзивна снага почела је одонда да опада. Успеси великих ратова против Турака у XVII веку одбили су дефинитивно турску опасност од словеначке земље. [...]

[...] Дубоко веран словеначки сељак, који против турских најезда и других невоља није нашао помоћи код госпде, којој је из дана у дан служио, исто тако није нашао помоћи ни против госпде у цара. С тога је, огорчен, тражио коначно утеху и помоћ у цркви и код њених службеника. Али ни ту није налазио истинске помоћи, нити је могао" потпуно задовољити своје верске потребе, него је, напротив, сагледао необичне прилике у којима се црква налазила. Тако је могла наука новог верског покрета, који са дизао против нездравих прилика У цркви, а коју су словеначком сељаку проповедали и ширили списима на његовом језику, наћи одзива и међу простим народом, иако не сувише много. Пре, брже и интензивније ширила се нова верска наука међу грађанством и племством.

Најпре су се шириле реформаторско идеје међу интелигенцијом, вероватно просвећенијом, која је сазнала за нове

идеје из литературе, из студија на немачким универзитетима (Лајпциг, Витенберг, Тибинген) и по својим личним везама. У другој четврти XVI века проширио се реформаторски покрет и међу властелом и нашао је тамо јаку потпору; после је имао успеха и код грађанства. Словеначка протестантска црква, школа и књижевност нашли су у њима ревносне помагаче.

У почетку ово ширење нових идеја није имало карактер апостазије, него више реформације у оквиру католичке цркве. Тек постепено су се стварала и у словеначкој земљи два табора, "лутерски" и "папински". Из појединих локалних центара, из околине појединих новим идејама прожетих свештеника ширио се покрет у села и градове, у неке делове словеначке земље брже и интензивније, у друге опет спорије, према томе какво је било расположење територијалних господара према новим идејама, и какав је био социјални положај становништва и локалних црквених прилика. Главна средства, којима су "лутерански предиканти" постигли велике успехе међу Словенцима, била су: проповед на народном језику, штампане књиге и пре свега њихов велики верски идеализам.

Сталешка, доста аутономна, организација била је веома погодна за утврђивање, ширење и нарочито дуго одржавање реформације у круговима племића. Протестантски сталежи су са својим прагом дозвољавања и недозвољавања пореза католичким Хабсбурговцима дошли према њима у доста независан положај и могли су тим путем добити свакојаке верске концесије. Тако 1578. год. добише слободу верског исповедања. Са политичким противништвом између сталежа и Хабсбурговаца ишло је упоредо и верско. Од племића је најодличнији помагач словеначке реформације барон Иван Унгнад, земаљски поглавар у Штајерској. Од 1557. год. живи он у прогнанству у граду Ураку у Виртембершкој, где је основао штампарију за словеначке, хрватске и српске књиге, штампане латиницом, ћирилицом и глаголицом.

Најјаче противнике нашла је реформација у католичким Хабсбурговцима. Надвојвода за Унутрашњу Аустрију, Карло,

(1580—1590.) почео је под утицајем језуита иступати врло оштро против протестаната, и то најгоре против оних у градовима и селима. Из његова доба датирају први насилни покушаји преобраћања протестаната, прогони из земље и прве реформациске комисије за рекатолизацију словеначке земље. Карлов син, надвојвода Фердинанд Штајерски (од 1590.), изагнао је протестанске проповеднике и учитеље најпре из градова (1598.), а онда из господства властеле и присилио је између 1599—1604. грађане и сељаке, да постану католици или да напусте земљу. 1628. год., после Беле Горе и пада чешких сталеза, дошли су на ред и племићи у словеначкој земљи. У доба Фердинандово (1637.) победила је потпуно код нас противреформација. Фердинанд је нашао ревносне помагаче за своје настојање у језуитима, који се настањују од 1596. год. и у Љубљани, и у појединим високим црквеним достојанственицима, нарочито у љубљанском бискупу Томажу Хрену (1599—1630.), који је био председник комисије за рекатолизацију Крањске. За кратко доба постала је словеначка земља опет католичка. [...]

[...] Реформе Марије Терезије (1740—1780.) и њеног сина Јосифа II (1780—1790.), постале су под утицајем нових идејних оријентација, које се у праву и философији појављују већ у XVII веку, те се у доба такозваног просвећеног апсолутизма, — као реакције против деспотског, — примењују у држави, њеном уставу и управи. У настојању, да се створи од хабсбуршких земаља једна јака и централна држава, латише се, под утицајем савремених идеја просвећености, владе Марије Терезије и Јосифа II опширних и далекосежних рефорама на војничком, финансиском, управном, економском, школском, црквеном и социјалном подручју. За Словенце су биле најважније социјалне и школске реформе.

Држава просвећеног доба, руковођена мотивима повећања порезне снаге и броја становништва, и то под утицајем учења природног права о усређавању народа, сматрала је за своју прву дужност да побољша положај сељака. Зато је порезна реформа Марије Терезије одредила најпре тачно приносе сељачких и

властелинских имања, утврдила порезе које има да плаћа сељак и опорезала како црквену тако и племићску земљу (Терезијански катастар), а ову одделила тачно од сељачке. Управе појединих властелинстава ставила је под надзор нових окружних надлештава чија је дужност била да штите сељаке од самовоље госпoде.

Општом школском уредбом из 1774. год. предвиђене су у главним градовима нормалне, у већим главне, а на селу такозване тривијалне или основне школе. Ово ниже школство имало је и у словеначким крајевима немачки карактер. Похађање школе постало је обавезно. Аустриске провинције добиле су 1748. год. нову управну поделу у округе, који зависе од губернија. [...]

Илирија и Илиризам. Француска револуција и доба после ње утицали су у великој мери на територијално политичку и културну историју словеначке земље и Словенаца.

У територијално - политичком погледу дошло је до промена најпре после Кампоформиског Мира (1797.), кад су потпали под Аустрију млетачки делови Далмације, Истре и Фурланије. Али не за Дуго, јер су Пожунским Миром (1805.) припојене Истра и Далмација новој краљевини Италији. После рата, који је 1809. год. Аустрија изгубила према Наполеону, дошло је миром у Шенбурну (1809.) до нових важних промена у нашим земљама. Тирол и Коруска од Тоблаха до Бељака, Крањска Горица источно од Соче, Трст, Истра, Хрватска на десној обали Саве до Јасеновца и Далмација уједињене су у административну јединицу под именом Илирске Провинције (Provinces Illyriennes), које су имале нарочити положај и стајале непосредно под француским царством. Спајањем Илирских Провинција постигао је Наполеон везу преко копна са Далмацијом, затворио је Аустрији и манском Балкану пут на Јадран и створио у њима базу за економску експанзију у унутрашњост. У исти мах затворио је Енглеској важне јадранске луке.

Илирских провинција било је свега шест грађанских (Коруска, Крањска, Истра, цивилна Хрватска, Далмација, Дубровник са Котором) и војничка Хрватска. Цивилне

провинције подељене су у дистрикте, ови у кантоне, а кантони у општине. Средиште је Љубљана, где седи генерални гувернер који има под собом све административне војничке и полицијске послове. На челу сваке провинције стоји интендант. За финансије постављен је нарочити генерални « интендант, за правосуђе (правнички) комесар. Званични језик је француски, али се службено општило и на немачком, талијанском и "илирском" (т. ј. српскохрватском) језику. У Љубљани излази од 1810.—1813. год. званични лист "Telegraphe Officiel" на француском, а привремени у немачком и талијанском издању.

Многе реформе уведене су у судству, војништву, финансијама и школству. Порези су доста високи, нарочито су нови, до онда непознати, изазивали много нерасположења. Подижу се многе нове основне школе, у којима се учи и на народном језику, оснивају се средње школе (29 нижих гимназија, 9 лицеја) са француским, немачким, талијанским и словенским наставним језиком, у Љубљани и Задру централне школе или академије са факултетским карактером. Много се учинило за трговину и занате (нови друмови, стручне школе). Кметство Французи нису укинули, већ су само олакшали сељацима многа бремена.

Француска управа наишла је у словеначким и хрватским земљама на знатне тешкоће. Тешко је било ујединити по једном типу тако различите делове земље. Велика маса народа није још била зрела за нове реформе, а само поједини интелектуалци увидели су колико је велике добити донела нова влада у економском, политичком, просветном и уопште у културном погледу.

Наполеонови порази уништили су његову творевину у словеначкој и хрватској земљи. У јесен 1813. год. окупирали су "Илирске Провинције" опет Аустријанци и основали после конгреса у Бечу (1816.) нарочито Илирско краљевство, које је обухватало Крањску, Западну Корунску, Приморје са Чедадом и цивилну Хрватску са Роком (ову последњу само до 1822. год.). Аустриска Илирија постојала је по имену до 1849. год. Подељена

управно у љубљанску и тршћанску губернију није имала ни издалека оне важности као француска, иако су јој неки од њених оснивача хтели дати нарочито значење. Само неке, нарочито управне реформе, одржале су се и преко година револуције, 1848 - 1849.

Упркос реакцији у политичком и културном погледу, која је пре 1848. год. владала у Аустрији, није било више могуће задржати у другој половини XVIII века једном започети културно литерарни препород међу Словенцима. Идеје просвећеног апсолутизма, француског национализма и револуције, а од почетка XIX века немачке и онда словенске романтике утицале су све јаче на националне покрете. Пре 1848. год. има тај покрет код Словенаца у главном културно литерарни карактер, за разлику од суседног хрватског илирског покрета у коме се, у борби са Мађарима, развила уз културно-литерарну и јака политичка нота. Илиризам је утицао у почетку и на Словенце, нарочито на омладинце у Штајерској и Корушкој, од којих су многи тражили књижевно јединство са Хрватима и Јужним Словенима уопште. Свакако је илирска идеја много допринела општем националном буђењу Словенаца. Против илирског правца јавио се словеначки, који је био нарочито јак у Крањској. Ту је остала још од протестантског и рационалистичког доба снажна културно-литерарна традиција. Словеначка струја тражила је чување словеначког језика у књижевности. Најодличнији представници те словеначке струје јесу песник Фр. Прешерен и познати слависта Копитар, пријатељ Вука Караџића. Победио је крањско словеначки правац. Из крањске средине изашле су после Водникових Љубљанских Ношца (1797.—1800.) — друге словеначке новине Кметијске ин рокоделске Новице, у редакцији Јанеза Блајва са (1843.), које су као једине тадашње словеначке новине постале орган младог словеначког културног и књижевног покрета и имају највеће заслуге за национални препород и књижевно уједињење Словенаца. Преко Новица раширена је место старог протестантског писма "бохоричице" нова чешко илирска "гајица".

Почетак словеначког Политичког живота 1848. —1849. Нов политички живот донела је Словенцима тек 1848. год. са својим револуцијама. Нарочито је важна била бечка мартовска револуција. Политичка зрелост није могла бити, а није ни била онда још тако јака, да би помогла стварање једног изразитог и јединственог националног програма. Велико неразумевање догађаја и дисориентација обележава политичко националне тежње Словенаца у год. 1848.—1849. Најнапреднија је још била омладина, која је учила у Бечу и Грацу. Бечка је тражила преко свога политичког друштва "Словеније" на основу природног права: 1) Уједињену Словенију, то јест уједињење свих словеначких земаља у једну административну јединицу под именом Словенија, која би имала свој законодавни сабор у Љубљани, а за ствари, које су заједничке свима аустриским народима, државни сабор у Бечу; 2) равноправност словеначког језика у школама и канцеларијама и словеначки Университет у Љубљани ; 3) независност Аустрије од Франкфурта ; Словенија нека буде део аустрског а не немачког царства. За бечки програм Уједињене Словеније заузимало се у домовини политичко "Словенско Друштво" у Љубљани, а појединци у органу тога друштва Словенији и донекле Блајвајс, али правог одзива сав тај покрет није нашао. Корушки и штајерски земаљски сабори изјаснили су се, чак са пристанком Словенаца, за недељивост својих покрајина. Несагласност је владала и у погледу језичног питања у школама и канцеларијама и у погледу избора за народну скупштину у Франкфурту. За бечки политички програм Словенаца изјаснио се у главном и словенски конгрес у Прагу, коме су Словенци присуствовали у веома малом броју. Бечки је такозвани ужи словеначки политички програм из 1848. год. Поред њега имамо и шири, или илирски, који је тражио уједињење са Хрватима и Србима у једну политичку заједницу. Али и у погледу ширег програма владала је међу Словенцима, због недостатка националне свести и политичког васпитања, велика разлика у мишљењу. Неки су тражили уједињење из националних, географских, језичних, етничких и економских

разлога (тако А. Ајншпицер), други само за случај расула Аустрије, трећи опет најпре уједињену Словенију, па тек онда уједињене са "Илирима", четврти су опет били уопште против уједињења. Јелачићев сабор у Загребу, на коме је учествовао и Словенац Штефан Кочевар, тражио је исто тако ужу политичку везу између словеначких покрајина и Хрватске, Славоније, Далмације и Војводине.

Године 1848—1849. нису донеле Словенцима ни испуњење програма Уједињене Словеније, ни програма уједињења са Србима и Хрватима. Словеначки језик ушао је само у малој мери у школе и канцеларије. Словеначка предавања из правних и теолошких наука на факултетима држана су у Љубљани и Грацу само од 1849.—1865. Друштва и новине престали су скоро сви већ 1849. год. Једино је словеначки сељак дочекао укидање кметства и свију обавеза, које стоје с тим у вези — дакле своје потпуно социјално ослобођење.

Стварање политичких партија и програма после 1859. год.
— После година 1848—1849. апсолутистички је режим (1849—1859.) покушавао и код Словенаца да поништи све политичке и национално културне тековине и трагове револуционарног доба. Али једном започети политички и обновљени литерарно културни живот није се дао тако лако скршити. Деценија 1849—1859. испуњена је спремањем словеначке омладине за нови политичко културни рад, који је после пада апсолутизма доиста и започео.

Апсолутистички режим пао је због и после аустриских пораза на талијанским бојиштима, и ради економске кризе у држави. У монархији су почеле нове уставне борбе. У њима се истичу две велике партије, федералистичка која тражи аутономију и одржавање историско политичких покрајина са заједничким парламентом за заједничке послове, и немачко централистичка. Доба 1859—1867. испуњено је у аустриској политици борбом између централиста и федералиста. На страни ових других стоје уз остале словенске народе и Словенци, тражећи федерализацију државе у смислу октобарске дипломе из

1860. год. Али октобарска диплома није остварена. Место ње је издан 1861. год. централистички фебруарски патент; али ни у њему предвиђени устав није спроведен.

Гласова за уједињену аутономну Словенију било је у словеначкој политици после 1859. год. а о југословенском или илирском програму не расправља се скоро више ништа. Словенци, имајући у немачким народима који траже оживљавање историских покрајина са широким аутономијама природне савезнике, траже исто то и за себе и кушају донекле да доведу у склад историске провинције, у којима живе, са етнографским словеначким подручјем. Знак тога компромиса и одступања од програма Уједињење Словеније из 1848. год. представља програм, који су створили словеначки политичари 1865. год. у Марибору. По том програму имала би се образовати група Унутрашње Аустрије, која би обухватала Крањску проширену са источном Истром, Трстом, Красом и Горицом, затим Корушку и Штајерску, и која би имала за словеначке народне потребе заједнички сабор, састављен од словеначких посланика свију покрајинских сабора. Овај и сличне компромисне програме оборили су политички догађаји идућих година.

После аустриско - немачко - талијанског рата од 1866. год., који је у борби за немачку хегемонију донео победу Немачкој и Италији препустио млетачку област са око 40.000 Словенаца, дошло је до промена устава у монархији. Децембарски устав од 1867. год. поделио је монархију у две половине. Аустрију и Угарку. Створен је такозвани дуализам.

Словеначки политичари држали су се према дуализму веома чудновато. Док су код куће протествовали против владиних намера, гласала је ипак за њ већина словеначких посланика у бечком парламенту. Поступак словеначких посланика у Бечу изазвао је у домовини велико негодовање. Против словеначке официјелне политике, коју је водио Блајвајс (партија "старих"), створила се опозиција "младих", названих касније и младо словенци. Као орган "младих" почео је излазити у Марибору 1868. год. политички лист Словенски Народ, који се 1872. год.

преселио у Љубљану и постао 1873. год. први словеначки дневник. "Млади" су тражили уједињење Словенаца у једну административну јединицу на основу октобарске дипломе и уже везе са осталим Словенцима, особито са Хрватима и Србима. Међу "младе" спада и група младих књижевних и критичара (Левстик, Стритар, Јурчич), који су против Блајвајса и његове конзервативне околине заступали слободнија начела. Појављују се међу Словенцима контуре двеју партија, једне радикално слободоумније и друге конзервативне. Обадве су партије развијале словеначке политичке захтеве на "таборима", то јес на великим зборовима под ведрим небом, који су, одржавани између 1868—1871., много допринели политичком васпитању и националном буђењу широких маса. Средишта друштвеног и културног живота постају читаонице, које се у великом броју оснивају, нарочито у већим местима.

Дуализам, који је предао аустриске Словене Немцима, и победе Немаца из 18701. год. покренуле су словеначко политичко мишљење опет живље у националном правцу. Политичко и културно русофилство шири се после 1867. год. и међу Словенцима, али није имало и није могло имати накаквих конкретнијих успеха. Бојазан од немачке хегемоније, после великих победа Немаца над Французима, и од мађарске хегемоније, оживела је наново и југословенску политичку, економску и културну оријентацију. 1. дец. 1870. год. дошло је до састанка српских, хрватских и словеначких политичара у Љубљани и до формулације такозваног Љубљанског југословенског програма, У томе се програму даје изјава о јединству Јужних Словена према националном осећању и језику, и каже се да ће Словенци, Хрвати и Срби хабсбуршке монархије урадити све за јединство на књижевном, економском и политичком пољу, и да хоће да управе свој рад и на то, да потпомогну задовољити своју једнородну браћу преко границе, која имају исте потребе. Љубљански југословенски програм принципијелно је продужење "илирског" из 1848. год.

У седамдесетим годинама водила се у Словенији борба

између "младих" и "старих", како у политици тако и у књижевности. Први "либерални" Словенци имали су у Словенском Народу свој орган. У њему су се заузимали за национални програм а против немачког државноправног, за природно а не историско право, за национализам без шовинизма, за активнију политику у Бечу, за неутралност у верским питањима, за деполитизацију цркве и за морал у политици. Консервативни "стари" покренули су уз Новице 1873. год. нов политички лист Словенец.

Догађаји на Балкану седамдесетих година и окупација Босне и Херцеговине покренули су у словеначкој јавности поновно опширно расправљање о југословенском питању. У главном су биле словеначке новине за окупацију и покренуле су том приликом питање уједињења Срба, Хрвата и Словенаца, које, по њиховом мишљењу, мора спровести Аустрија, ако неће да је претече мала Србија. Једини Словенски Народ био је у почетку за то, да припане Босна Србији, а Херцеговина Црној Гори.

Седамдесете године значе за Словенце период јаке германизације од стране бечких влада. Да утврди свој положај и извуче бар неке користи, скупила се већина словеначких парламентарних посланика око аустриске државо правне странке и ушла је чак у федералистички клуб грофа Хоенварта, који је у самој Крањској изабран за бечки парламенат. Побољшање националног положаја Словенаца донела је тек влада грофа Тафеа (1879.— 1893.), уз коју су, уједињени са осталим Јужним Словенима и конзервативним Немцима, верно стајали словеначки посланици у Бечу и зато добили од владе нешто мало националних уступака. У то доба извојевали су Словенци 1879. год. већину крањских посланика за бечки парламенат, 1882. год. добили су већину на изборима за љубљанску градску општину, а 1883. год. у изборима за фањски земаљски сабор. Тафе је дао Крањској првог и јединог Словенца за покрајинског намесника, Винклера, уз кога је стајала нарочита словеначка владина партија са Шукљетом као вођом. Против ње дигла се радикална опозиција са Хрибаром и Тавчаром на челу.

Живљи покрет у словеначки политички и културни живот унела је појава Антона Махнича, професора богословије у Горици и доцнијег бискупа на Крку. У својој ревији Римски Католик (1888— 1896.) и другим списима иступао је он оштро против такозваног католичког либерализма, против свемоћне државе и апсолутне народности, претпостављајући свуда национализму верску идеју и католичко становиште. Махнич је нашао присталица особито међу млађим свештенством и појединим интелектуалцима и с њима је основао католичко-народну партију. Против ње су се организовали либерални Словенци у народну (напредну) партију. Велики успех Махничевог рада био је први словеначки католички збор у Љубљани 1892. год., који је Словенце трајно поделио у духовном погледу, а после неких заједничких епизода (свесловеначки састанак 1897., "справа" измира —1898.) и у партиском, најпре у Крањској, онда у бечком парламенту, те најзад и у Горичкој (1899.) и Штајерској (1906.). Само у Трсту и у Корушкој владала је у главном још политичка слога.

Најјача политичка партија у Словенији постала је почетком новог столећа Католичко народна или\од 1905. звана Словенска људска странка. Своје велике успехе има да захвали својој доброј организацији, те великој бризи за васпитање и социјално економски напредак широких маса народа, особито путем задругарства. Нарочито избори за бечки парламенат по новој изборној реформи са општим правом гласа, 1907. и 1911. год., дали су Словеначкој људској странци велику словеначку парламентарну већину. Године 1908. добила је та странка велику већину и у земаљском сабору војводине Крањске, којој је од 1912. гот. као поглавар био председник странке Иван Шуштершич. 1908—1918. Партије су ревидирале и формулирале у том правцу народно политичке програме. Југословенска социјално демократска партија донела је 1909. год. у Љубљани резолуцију, у којој каже, да аустроугарски Јужни Словени сматрају за коначни циљ својих народно политичких тежња потпуно национално политичко уједињење свих Јужних Словена

без обзира на разлике имена, вере, писма, дијалекта или језика. Словенска људска странка тражила је после анексије Босне и Херцеговине у бечком парламенту и крањском земаљском сабору уједињење Босне и Херцеговине са осталим југословенским покрајинама у једно државноправно тело, у оквиру Хабсбуршке Монархије. Сама странка је склопила 1912. год. савез са Хрватском странком права, те изјавила да Словенци и Хрвати чине једну народну целину и да хоће сложено да раде у духу и правцу програма странке права за јединство, права и слободан развитак хрватско - словеначког народа. Најзад је, већ под утицајима балканских ратова и победа, изјавила 1913. год. и Народно напредна странка, да види будућност словеначког народа у оквиру монархије, али у уједињењу Југословена у њеним границама.

Уз оваке аустриско југословенске програме и покрете почео се после анексије, а још више после балканских ратова, ширити други покрет, који је стајао изван службених партија а водила га је омладина; то је националистички покрет, који је тежио за уједињењем свих Јужних Словена, особито Срба, Хрвата и Словенаца, у властитој држави, изван оквира Аустро Угарске. Пропагирали су га, у колико је то допуштала цензура, — нарочито дневни листови Јутро, и Дан и омладински Препород. Уопште је. било публицистичко расправљање о Југословенству и Словенству уочи великог рата код Словенаца веома живо.

Дошао је Светски Рат с њим гоњење Словенаца, који су национално осећали, распуштање друштава, патње на бојиштима, тежак живот избеглица и политичких "злочинаца" у логорима и т. д. Политички је живот у првој половини рата застао сасвим. Општи је био само отпор против Италије, и то не ради Аустрије, него због љубави према рођеној груд. Неколико политичара и публициста емигрирало је и ступило у Југословенски Одбор (Грегорин, Вошњак, Жупанић), где су се одлично заузимали за ослобођење и уједињење. У Аустрији су настале осетне промене тек после смрти цара Фрање Јосифа и доласка на престо цара Карла (1916.). Даљи догађаји су у уској вези са светском

политиком и стањем на ратним пољима.

Крајем маја 1917. год. сазван је опет аустриски парламенат. У њему су словеначки, хрватски и српски посланици, удружени у Југословенском Клубу, дали 30. маја 1917. год. декларацију којом траже, на основу националног принципа и хрватског државног права, уједињење свих земаља монархије, у којима живе Словенци, Хрвати и Срби, у једно самостално државно тело, које би стајало под жезлом хабсбуршко лоренске династије, а које би било слободно од сваке националне премоћи туђинаца и основано на демократској бази. У овом адинималном програму националних захтева још се говори о хабсбуршкој монархији али та тачка је уметнута из тактичких разлога и доцније се све мање наглашавала. Само Иван Шуштершич и његова ужа околина гледали су још до краја рата спас Словенаца у аустриском оквиру. Ј. Крек (умро већ 8/X 1917.), кога можемо сматрати идејним оцем мајске декларације, па онда остали словеначки политичари и уз њих готово читав народ заузели су се свом енергијом за национално ослобођење и уједињење. Доба од средине 1917. па до краја 1918. год. свакако је најлепше по полету у читавој дотадашњој историји Словенаца.

Догађаји у домовини одјек су политичких и војничких прилика у широком свету. Августа 1918. год. основан је у Љубљани Народни Свет а почетком октобра у Загребу Народно Веће. 29 октобра прекинуте су у Загребу везе са монархијом и проглашена је државна самосталност, а 31. октобра добила је Словенија своју прву Народну Владу. Коначно је дошло 1. децембра 1918. год. до службеног објављивања уједињења Срба, Хрвата и Словенаца у јединствену краљевину под династијом Карађорђевића. Овим најважнијим датумом и уједно великим замахом почиње ново поглавље и у историји Словенаца.

III

ИСТОРИЯ И НАЦИОНАЛЬНОЕ ВООБРАЖЕНИЕ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ

Н.Д. КОДЗОЕВ

ПРОТОИНГУШСКИЕ ПЛЕМЕНА **(с древнейших времен до начала нашей эры)***

[...] Палеолит охватывает время от появления человека на земле (около 2,5 миллионов лет назад) до начала современной геологической истории (до 10 тысячелетия до н. э.).

В свою очередь палеолит делят на несколько эпох, соответствующих этапам развития человека и его материальной культуры. Это олдувейская и аббевильская эпохи, соответствующие начальному этапу истории человечества, ашельская (400-80 тыс. лет до н. э.), мустьерская (80-35 тыс. лет до н. э.) и верхнепалеолитическая (35-10 тыс. лет до н. э.).

Кавказ является одним из древнейших мест обитания человека. На территории Кавказа найдено значительное количество стоянок первобытных людей эпохи палеолита (древнекаменного века), а также остатки окаменевших костей различных животных, живших в те времена на земле: мамонтов, носорогов, пещерных медведей, бизонов, оленей и др. Имеются такие находки и на территории Ингушетии. В Ингушском государственном музее краеведения хранятся зубы мамонтов, найденные на территории Сунженского района. На водоразделе между реками Сунжей и Назранкой на территории Гамурзиевского муниципального округа города Назрань обнаружены ранние памятники среднего палеолита (эпоха мустье), изготовленные из камней местных пород. Ученые считают, что здесь в древности существовала мастерская по первичной обработке камня. Отдельные находки каменных орудий этого времени сделаны у селения Экажево и Насыркортского муниципального округа г. Назрань.

Мезолит. Между эпохой палеолита (когда человек занимался в основном охотой и собирательством) и эпохой неолита

* <http://www.ingushetia.org/history/book/10.html>

(возникло земледелие и скотоводство) находится промежуток времени, получивший название мезолита. Для Северного Кавказа это 10-6 тыс. лет до н. э.

В эту эпоху произошли заметные изменения в образе жизни людей и в характере их материальной культуры. Возможно, что уже в этот период начали применяться луки и стрелы, охота и собирательство стали более интенсивными. Рыболовство приобрело важное хозяйственное значение. Для этого периода характерны мелкие орудия из кремния - микролиты, которые вбивались в основу из дерева или кости и служили ножами, скреблами для обработки кож, дротиками. Чаще всего микролиты использовались как наконечники для стрел. Подобные орудия часто встречаются на территории Ингушетии. В целом же мезолит на территории Ингушетии почти не изучен. [...]

[...] Человек современного вида (человек разумный, как называют его ученые) появился на земле около 40 тысяч лет назад. На протяжении 30 тысяч лет люди с помощью изготовленных ими орудий труда умели получать только то, что давала природа, то есть у них был присваивающий тип хозяйствования. В этот период пищу добывали охотой, рыболовством и собирательством съедобных растений. Поэтому жизнь человека сильно зависела от природных и климатических условий. Продолжительность жизни была короткой. В результате численность людей на огромных пространствах Земли была очень невелика.

Жизнь человека изменилась, когда он научился производить пищу - сеять хлеб, обеспечивавший пищей круглый год, и разводить скот, дававший молоко, мясо, шкуры, шерсть. Таким образом, произошел переход от присваивающего к производящему ведению хозяйства. Этот переход в науке получил название неолитической революции.

Переход к производящему типу хозяйствования привел не только к усовершенствованию орудий труда, но и к появлению посуды (сначала плетеной, потом из глины), что позволило лучше готовить и хранить пищу. Повышение уровня жизни

людей способствовало и увеличению их численности.

[...] На протяжении эпохи неолита земледелие и скотоводство занимали ведущее положение в экономике северокавказских племен.

Развитие земледелия привело к существенным изменениям в форме орудий труда. С помощью каменного топора-тесла вырубались деревья и кустарники, расчищались участки земли для посевов, сооружались жилье и хозяйственные постройки, изгороди, изготавливались деревянные орудия труда. Топоры-тесла использовались также как наконечники для мотыг, с помощью которых рыхлили землю, рыли ямы, добывали глину и т.д. Известны были неолитическим племенам Северного Кавказа двусторонне обработанные орудия, служившие преимущественно наконечниками мотыг, а также терки и песты, предназначенные для размола растительной пищи.

Судя по находкам орудий труда, предназначенных для обработки дерева (долота и долотообразные орудия), обитатели неолитических поселений широко использовали в быту разнообразные деревянные поделки и утварь, которые не сохранились.

Обработка кости, шкур и кожи также занимала немаловажное место в хозяйстве неолитических племен. Однако в ту пору уже зарождалось ткачество, что подтверждается находками отпечатков плетения на глиняных изделиях. [...]

[...] Далекие предки ингушей входили в состав этнической общности, получившей в науке условное название синокавказской, т.е. китайско-кавказской (некоторые исследователи называют ее также палеоевразийской или карийской общностью).

Древние синокавказцы по данным лингвистики. Существование синокавказской общности и единого синокавказского языка исследователи относят к периоду между XX и X тысячелетиями до н. э. Прародина синокавказцев предположительно находилась в Восточном Средиземноморье и на прилегающих территориях (Апеннины, Балканы, Прикарпатье,

Причерноморье, Малая Азия, Передняя Азия, Кавказ).

Ученые давно отметили здесь множество топонимов (то есть названий местностей) с корнем, состоящим из двух согласных г (или к) и р, часто с разделяющими их гласными, а иногда и другими звуками (Крит, Кипр, Греция, Корсика, Кария, Картли и т.д.). Судя по таким этнонимам (названия народов, племен и других этнических групп), как карийцы, гаргареи, хурриты, эти топонимы явно происходят от какого-то древнего этнонима. В IX тысячелетии до н. э. происходит распад синокавказской общности и расселение древних синокавказцев на огромной территории: от Западной Европы до Китая и далее до Северной Америки.

Причины исхода синокавказцев со своей прародины и их расселение на больших пространствах, вероятно, кроются в каком-либо природном бедствии (землетрясении, наводнении, засухе, извержении вулкана и т.д.), которое обрушилось на их родину.

С течением времени единый язык преобразовался в новые языки, поскольку группы людей разошлись в разные стороны и перестали контактировать между собой. На новых территориях им нужно было общаться с другими народами, говорившими на совершенно иных языках.

Так возникли новые языки: прасеверокавказский, праенисейский, прасино-тибетский, прана-дене, прабаскский, прашумерский и, возможно, множество других языков, вымерших в глубокой древности.

Прасеверокавказский язык в V тысячелетии до н. э. распался на западнокавказский и восточнокавказский языки. Народы, говорившие на этих языках, в древности занимали более обширные территории, чем в настоящее время: Балканы, Прикарпатье, Причерноморье, Кавказ (Северный и Южный), Малая и Передняя Азия.

Западнокавказская семья языков состоит из трех групп: 1) абхазская (абхазский, абазинский языки), 2) убыхская (убыхский язык), 3) адыгская (адыгский, кабардино-черкесский языки). К

западнокавказским языкам относится и мертвый хаттский язык.

Восточнокавказская семья языков включает четыре группы: 1) нахская (ингушский, чеченский, бацбийский языки), 2) аваро-андо-цезская (аварский, андийский, цезские языки), 3) лакско-даргинская (лакский, даргинский языки), 4) лезгинская (лезгинский, табасаранский, удинский, агульский, рутульский, цухурский, будухский, крызский, арчинский и хиналегский языки).

Часть синокавказцев, ушедших на запад, дала начало населению Западной Европы, говорившему на прабаскских языках.

Расселяясь на новых территориях, синокавказцы смешивались с местным населением, в некоторых случаях ассимилировали местное население, а иногда сами переходили на местные языки. В результате смешения с местным населением иногда происходило изменение антропологического типа синокавказцев. Ушедшие на восток синокавказцы приняли антропологический тип местного монголоидного населения. С другой стороны, далекие предки индоевропейских народов, входившие в ностратическую языковую общность (индоевропейская, уральская, алтайская, дравидийская и др. языковые семьи), имевшие монголоидный антропологический тип, мигрировавшие в V тыс. до н. э. из Центральной Азии в Европу, приняли кавказоидный (европеоидный) антропологический тип местного синокавказского населения Европы. [...]

[...] Распад синокавказской общности и расселение синокавказцев на огромных просторах совпадает по времени с началом неолитической революции. Данные археологических раскопок и изучение топонимов свидетельствуют о поселениях синокавказцев в различных районах Евразии и Америки. Археологи дают для изучения историкам вещественный материал: орудия труда, украшения, керамику (посуда из обожженной глины) и т.д. Наиболее массовым археологическим материалом является керамика. Изучая формы керамических

сосудов, орнаменты, нанесенные на их стенках, методы их изготовления и другие параметры, сравнивая керамические сосуды из различных районов нашей планеты, ученые определяют этническую принадлежность людей, создавших сосуды той или иной формы и пути миграций тех или иных этнических групп населения. Ученые называют керамику «этническим индикатором».

Исследователи определили, что типичным показателем принадлежности какой-либо группы населения к синокавказской общности является наличие керамики с фигурно-штамповым орнаментом, который присутствует на керамике синокавказцев на протяжении многих тысячелетий.

Древние синокавказцы (и более поздние синокавказские народы) наносили на керамику орнамент-штамп в форме креста, чаще косоугольного креста, квадрата, прямоугольника, треугольника, скобки, овала, кружка и некоторых других фигур, внутренние поля которых заполнялись решеткой, линиями, концентрическими кругами, рядом ямок и т.д. Широко в орнаментике керамики применялся штамп, сделанный из раковины, наlepные узоры.

Возникновение подобной орнаментации связано с приготовлением и хранением пищи, ограждением ее от «злых сил». Нанесенные на горловину сосуда ямки и наlepные валики играли охранительные функции и означали, что сосуд завязан, закрыт, прикрыт палочкой, что мешает «злым силам» проникнуть в него и испортить пищу. Возможно, первоначально сосуд действительно обвязывали крученой веревкой и прикрывали палочкой, а затем вместо веревки и палочки стали применять орнамент.

Появление первой керамики в Малой Азии (не ранее VI тысячелетия до н. э.), являющейся одним из ранних центров Цивилизации и древнейшей областью расселения синокавказцев, было обусловлено возникновением и интенсивным развитием рыболовства и морского собирательства. Соответствующий пищевой рацион требовал сосудов для приготовления пищи.

Прообразом керамических сосудов были плетеные корзины и раковины. После появления керамических сосудов на их стенки наносили рифление (чтобы сосуд принял вид корзины) и использовали раковины для орнаментации.

Археологические памятники синокавказцев, относящиеся к различным эпохам, обнаружены учеными в различных регионах Земли: на островах Эгейского моря, в Италии, на Балканском полуострове, в Британии, в междуречье Зааль и Эльбы в Германии, в Прикарпатье, в бассейне среднего Дуная, на средиземноморском побережье Испании, на территории восточно-европейской равнины, на Кавказе, в Малой Азии, в Передней Азии, на Сирийском побережье Средиземного моря, в Зауралье, в Западной Сибири, на Алтае, в Гималаях, в Китае и Северной Америке.

Наиболее древние поселения синокавказцев раскопаны в Малой Азии, в Сирии и Палестине, на территории Ирана. Уже в VIII-VI тысячелетиях до н. э. здесь возникали развитые и богатые поселки, зачастую обнесенные стенами. Первая протогородская цивилизация появилась на полуострове Малая Азия.

Этот полуостров, называемый также Анатолией и образующий азиатскую часть современной Турции, - один из древнейших в мире очагов земледелия и скотоводства. В X-VIII тысячелетиях до н. э. здесь господствовал относительно влажный климат, предгорья покрывали луга злаковых трав, среди которых были предки ячменя и пшеницы-однозернянки; дожди выпадали обильно и регулярно. В горах и на равнинах паслись стада дикого мелкого и крупного рогатого скота. Именно здесь, наряду с Сирией, Палестиной и западными склонами Иранского нагорья, люди раннего неолита впервые научились высевать злаки, вскапывая предварительно землю палками, а позже и мотыгами, и сжинать первые хлеба; еще ранее для жатвы диких злаков был изобретен серп, костяной или деревянный, со вставляемыми кремневыми зубьями. В этих же местах был сначала приручен, а затем и одомашнен первый скот.

На северо-востоке Малой Азии было открыто поселение

Чейюне-Тепе (здесь и далее названия древних поселений условны; ученые дают названия древним поселениям по современным названиям местностей, вблизи которых они находятся), датируемое 7250-6750 годами до н. э., населению которого уже было известно земледелие и скотоводство. В VII—VI тысячелетиях существовали высокоразвитые поселения Чатал-Хююк, Хаджилар, Суберде, Кан-Хасан и др. [...]

[...] Наиболее крупным и развитым поселением этого периода, почти городом, было поселение Чатал-Хююк, занимавшее площадь в 13 гектаров. Население Чатал-Хююка составляло около 5 тысяч человек. Это был центр 22 небольших поселений (1-1,5 гектара), расположенных поблизости. Здесь были развиты производящие формы хозяйства. Жители поселения разводили крупный и мелкий рогатый скот, выращивали пшеницу, полбу, ячмень, горох, чечевицу, виноград - всего до 22 видов растений и даже цветы. Были им известны и различные ремесла, о чем свидетельствуют орудия из камня, обсидиана (вулканическое стекло), нефрита, кости; они умели ткать шерсть, изготавливать ковры и войлок. Охотились жители Чатал-Хююка на оленей, онагров (дикие ослы), леопардов, диких быков, кабанов, птиц. Занимались рыболовством. Была одомашнена собака.

Одним из самых значительных источников доходов являлась торговля. Чатал-Хююк, расположенный вблизи потухших вулканов, где были крупные месторождения обсидиана, из которого производили наконечники стрел, дротиков и копий, ножи, обладал монополией на торговлю обсидианом с Кипром, Западной Анатolieй и Сиро-Палестиной.

При строительстве домов использовали сырцовый кирпич с добавлением ила и тростника, а также камень. Несущие конструкции были деревянными. Стены домов в поселении плотно примыкали друг к другу, не имели окон и образовывали снаружи глухую оборонительную стену.

Вначале жители поселения пользовались плетеной и деревянной посудой, а в VI тысячелетии до н. э. появилась

керамическая утварь. В форме глиняных сосудов заметно влияние деревянных и плетеных прототипов. Сосуды расписаны в красный, крапчатый и темно-желтый цвета, украшены орнаментом в виде красных полос.

В Чатал-Хююке обнаружено 48 святилищ, по одному на два-три дома. Изнутри делали росписи, дающие прекрасное представление об искусстве того времени. Преобладают динамичные охотничьи и магические сцены, орнаменты в виде отпечатков рук красного и черного цветов, расположенные сверху и снизу росписи. Уникально изображение плана поселения Чатал-Хююк - самого древнего в мире плана. Обнаружены также настенные рельефы, изображающие людей и животных, и статуэтки из различных пород камня, мела, глины, носившие культовый характер.

Чаще всего встречаются изображения быков, медведей и леопардов, а также мужского божества в образе быка - покровителя охоты и скотоводства. Имеются и изображения женщины, возле которой находятся два леопарда - прообраз Великой матери, богини плодородия и земледелия. Эти находки свидетельствуют, что в Чатал-Хююке была развита мифология и существовала религиозные воззрения.

Жители Чатал-Хююка использовали металл. Археологами было найдено множество предметов из меди и свинца: проколки, пронизи, шила, бусы и т.п. Найдены медные шлаки, остатки печей для обжига, что свидетельствует о выплавке металла, а не о простом использовании самородной меди. [...]

[...] Большое влияние анатолийская цивилизация оказала на Юго-Восточную Европу. В VI—V тысячелетиях до н. э. в Подунавье, Прикарпатье, на Балканах, в Северном Причерноморье складываются высокоразвитые культуры синокавказцев. На этих территориях развивается горнометаллургическое производство. Население занимается также земледелием и скотоводством.

У различных культур этого региона очень много общих черт: мощные глинобитные строения в многочисленных поселках,

антропоморфная (изображающая людей) и зооморфная (изображающая животных) пластика, высокий уровень производства керамики, которая в большинстве случаев покрыта сложными цветными узорами.

В конце IV - начале III тысячелетий до н. э. по всему региону начинается строительство каменных крепостей, вероятно, это было связано с нашествием орд кочевников — индоевропейцев, вышедших несколько тысячелетий назад из глубин Азии. В конце III - начале II тысячелетий до н. э. индоевропейцы через Балканы пришли в Малую Азию (хетто-лувийцы), что привело к созданию Хеттского царства.

Синокавказцы Балканского полуострова - северокавказцы по языку (в V тысячелетии до н. э. прасеверокавказский язык разделился на два языка: празападнокавказский и правосточнокавказский) - в последующие века были ассимилированы индоевропейцами. Во многих индоевропейских языках сохранилось множество субстратных кавказских слов. Также на Балканах и на некоторых других территориях сохранились кавказские топонимы.

В конце IV - начале III тысячелетий до н. э. восточнокавказский язык распался на нахский (древнеингушский) и дагестанские языки. Распад единой восточнокавказской этнической общности отразился на материальной культуре. На Кавказе складываются археологические культуры: майкопская, носителями которой были древнеингушские племена, и куро-аракская, носителями которой были предки современных дагестанских народов. Начиная с конца IV тыс. до н. э. (особенно интенсивно - со второй половины III тыс. до н. э.) майкопцы начинают проникать в Закавказье и Переднюю Азию, где они становятся известными под названиями су, субир, субареи, хурриты, урарты. [...]

[...] В III тысячелетии до н. э. западную и центральную части Северного Кавказа занимали племена майкопской культуры, а восточную - племена куро-аракской культуры. Свое название майкопская культура получила от кургана, раскопанного в 1897

году у г. Майкопа. Майкопские поселения были распространены от черноморского побережья Северного Кавказа на западе до Ингушетии и Чечни на востоке.

На территории Ингушетии раскопано майкопское поселение у с. Мужичи. Известны майкопские курганы на территории Насыркортовского муниципального округа г. Назрань (курган Аби-Гу) и у с. Сурхахи (курган ЙиИий-Боарз).

Основу экономики майкопских племен составляло, прежде всего, скотоводство. Для верховой езды, видимо, уже использовали лошадь.

Крупным достижением было развитие металлообработки. На месте майкопских поселений найдены крупные бронзовые котлы, ножи-кинжалы, топоры, плоские тесловидные орудия, долота и другие предметы. Они изготавливались, в основном, из мышьяковистой бронзы (сплав меди и мышьяка) и иногда из сплава меди, мышьяка и никеля. Котлы из тонкой листовой бронзы, иногда их украшали орнаментом. С помощью литья иковки майкопцы создавали высокохудожественные изделия из золота, серебра и меди, украшали предметы домашнего обихода и т.д.

Более тысячи лет, до середины II тысячелетия до н. э., Кавказ оставался почти единственным источником, откуда металл и металлические изделия поступали в сопредельные области восточной Европы — Подонье и Поволжье.

Высокого мастерства достигли майкопские племена и в производстве керамических сосудов. Ранняя керамика характеризуется небольшими, прекрасно обожженными тонкостенными сосудами. Поздние сосуды были более разнообразными по форме и назначению: горшки, кувшины, миски, крупные шаровидные и яйцевидные сосуды. Гончарное ремесло выделилось в самостоятельную отрасль производства, начали использовать гончарный круг. [...]

[...] Больших успехов племена майкопской культуры достигли в изготовлении тканей. Об этом свидетельствуют находки пряслиц в поселениях, а также обрывков льняной ткани

и остатков шерстяных и холщовых одежд в захоронениях.

Поселения майкопских племен располагались обычно на труднодоступных мысах плато или на высоких речных террасах. Известны также и пещерные стоянки майкопской культуры. Большинство поселений были укреплены каменными оборонительными стенами, окружены рвами. Майкопские племена вели оседлый образ жизни. Об этом свидетельствуют мощные культурные слои в их поселениях, имевших форму круга или овала. Жилища располагались, в основном, у оборонительной стены. В центре поселений были загоны для скота. Жилища имели прямоугольную форму и представляли собой легкие каркасные постройки, обмазанные глиной. В поселениях имелось большое количество ям, которые использовались как хранилища. Некоторые ямы - остатки очагов - в них найдено большое количество мелких камней со следами воздействия огня.

Майкопская культура формировалась и развивалась на местной основе, но значительное влияние на нее оказали также культуры Передней Азии. Погребальный инвентарь некоторых майкопских памятников имеет значительное сходство с соответствующими предметами из Сирии и Месопотамии. Керамика и бронзовые изделия, серебряные сосуды, украшения из золота и серебра, бирюзы и сердолика и т.д. находят многочисленные аналоги в древних памятниках Ближнего Востока. Тесные связи были у майкопцев и с племенами Юго-Восточной Европы и особенно с племенами куро-аракской культуры и дольменной культуры Западного Кавказа, которая сложилась во второй половине III тысячелетия до н. э.

Религиозные представления майкопских племен были основаны на культе солнца и быка. Каменные кольца (так называемые кромлехи) вокруг могил связаны именно с этим культом. Погребальные обряды свидетельствуют о вере в загробную жизнь, так как в могилу помещали предметы, которыми человек пользовался до смерти: разнообразную посуду, орудия труда, оружие, украшения. Погребенных посыпали красной краской (сурик, охра). Красной краске придавалось

значение очистительной силы огня.

Эти архаичные черты в верованиях майкопских племен сочетались с различными культурами Закавказья и Передней Азии. Очажные роговидные подставки из майкопских поселений, связанные с культом быка, были распространены на обширной территории, где проживали древние синокавказские племена, от Средиземноморья до Северо-Восточного Кавказа.

В конце III - начале II тыс. до н. э. на основе майкопской культуры, прекратившей свое существование, возникает генетически связанная с ней северокавказская культура. Причина этого кроется в массовом переселении майкопцев в Переднюю Азию, где они завоевали огромные территории и создали государства, сыгравшие во II-I тыс. до н. э. в истории Древнего Востока значительную роль. [...]

[...] В конце IV - начале III тысячелетия до н. э. на территории Кавказа и Передней Азии сложилась куро-аракская культура. Она была распространена на территории от Северо-Восточного Кавказа на севере до Северной Месопотамии на юге, от западной части Иранского нагорья на востоке до восточной части Малой Азии на западе. На Северном Кавказе куро-аракская культура была представлена на территории Дагестана, Чечни, Ингушетии и высокогорной части современной Северной Осетии. Отдельные элементы куро-аракской культуры прослеживаются в хирбет-керакской культуре в Сирии и Палестине. По языку носители куро-аракской культуры были восточнокавказцы - предки современных дагестанских народов.

Исследователями признаются восточно-анатолийские связи куро-аракской культуры. Налепной узор, свойственный куро-аракской культуре, встречается в восточно-анатолийских поселениях более раннего периода.

Название «куро-аракская» культура получила по первым своим памятникам, открытым в междуречье Куры и Аракса.

Поселения куро-аракских племен располагались у рек на естественно укрепленных холмах и холмообразных возвышенностях, а также на речных и горных террасах (в

предгорных и горных районах) на участках, благоприятных для развития земледелия и скотоводства.

В целом куро-аракские поселения отличаются небольшими размерами (3500-10 000 квадратных метров). Например, размеры поселения Луговое (с. Мужичи, Ингушетия) — 6000 квадратных метров.

Некоторые поселения были укреплены оборонительными стенами, сложенными из сырцового кирпича. Иногда вокруг поселка рыли рвы для защиты от нападения врагов.

Дома куро-араксинцы в основном строили круглые на каменном фундаменте. Круглые дома строили в Закавказье и в Анатолии и в предыдущие эпохи.

Средний диаметр домов 4-5 метров, но встречаются и более крупные, диаметром до 13 метров. Толщина стен достигает до 1 метра. Иногда к круглым домам примыкают прямоугольные помещения. Встречаются и каменные прямоугольные террасно расположенные дома, площадью от 9 до 60 квадратных метров. Каждый дом состоял из передней и одной комнаты. Вдоль задней стены комнаты и боковых стен передней делались небольшие возвышения. Перед дверью иногда помещали глинобитные ступеньки. В центре стоял столб, поддерживающий крышу. Дома имели плоское глинобитное покрытие на балочной конструкции, с отверстием вместо окна, через которое выходил дым.

Жилища строились из камня и сырцовых кирпичей прямоугольной формы. В некоторых поселениях кладка стен была фигурной, была обнаружена также настенная роспись.

Широко были распространены и простые жилища - легкие надземные постройки, обмазанные глиной. Полы в домах были глинобитные, иногда обожженные или окрашенные в красный цвет.

В каждом доме, как правило в центре, помещался круглый глиняный толстостенный очаг (диаметром до 1 метра). С внутренней стороны очага обычно имели три радиально расположенных утолщения-выступа. Некоторые очаги были переносными - у них имелись ручки. Иногда очаги украшали

орнаментом.

В горах поселения располагались на искусственных террасах в несколько рядов или отдельными постройками. Стены домов нижней террасы подпирали продольные стены домов на верхней террасе. Культовые здания обычно располагались особняком на вершинах гор.

На равнинах дома в поселениях группировались вокруг нескольких площадок и соединяющих их переходов. В центре некоторых поселений находились ямы для хранения зерна.

Основу хозяйствования куро-аракского населения составляли земледелие и скотоводство. Для обработки земли наряду с мотыгами уже применялись простейшие плуги и сохи. Землю засевали различными сортами пшеницы и ячменя. Также выращивали лен для производства ткани. Жали с помощью изогнутых серпов с кремневыми вкладышами, нередко употребляли и металлические серпы. Появляется и молотильная доска. Мололи зерно на каменных зернотерках.

Разведение скота постепенно принимало форму пастушеского отгонного скотоводства, основанного на использовании в летнее время высокогорных пастбищ вдали от оседлых поселений.

Широко было развито у куро-аракских племен гончарное производство. Керамические сосуды изготавливали очень тщательно. Орнамент встречается почти на всех формах посуды. Иногда даже на крышках от сосудов и на очагах.

У куро-араксинцев уже имелся колесный транспорт. Было развито и текстильное производство. Ткань изготавливали из шерсти и льна. На местах их поселений находят антропоморфные и зооморфные фигурки. Интересны часто встречающиеся глиняные фигурки быков, что свидетельствует о широком распространении культа быка у восточ-нокавказцев, также был широко развит культ очага. О существовании культа солнца свидетельствуют многочисленные спирально-концентрические изображения на керамике.

Во второй половине III тысячелетия до н. э. наблюдается

нарушение культурного единства куро-аракских племен. К концу III тысячелетия до н. э. куро-аракская культура прекращает свое существование, и на ее основе складываются новые археологические общности. Куро-аракская культура перестала существовать в результате нашествия хурритов, продвигавшихся с Северного Кавказа в Закавказье и Переднюю Азию. [...]

[...] На значительной территории черноморского побережья Северного Кавказа (от Таманского побережья до г. Очамчиры в Абхазии и в бассейне реки Кубань) была распространена дольменная культура - культура с погребальными сооружениями в форме дольменов, представлявших собой монументальные (мегалитические) постройки из каменных плит и блоков или высеченные в скальном массиве. Дольмены служили усыпальницами. Древнейшие дольмены появились на Западном Кавказе еще в эпоху ранней бронзы, между 2400-2100 гг. до н. э. Сейчас на территории Западного Кавказа известны более 2200 дольменов. Чаще встречаются сооружения из каменных плит и блоков, реже — монолитные сооружения, высеченные в скалах. [...]

[...] В конце III - в начале II тысячелетия до н. э. на Северном Кавказе распространяется северокавказская археологическая культура, генетически связанная с майкопской. Определенное воздействие на ее формирование оказала и куро-аракская культура.

Носители северокавказской культуры говорили на древне-ингушском языке и являлись далекими предками ингушей. Об этом свидетельствует и генетическая связь между северокавказской и кобанской культурами, которая получила распространение на той же территории в конце II тысячелетия до н. э.

На западе территория северокавказской культуры соприкасалась с территорией дольменной культуры, на востоке северокавказская культура была распространена до бассейна реки Сулак, на юге — примыкала к Закавказью, а с севера, со стороны степей, проходила зона, где перемещались племена

северокавказской культуры и степное население - носители катакомбной культуры.

Погребальные памятники северокавказской культуры разнообразны. В степных и предгорных районах северокавказцы хоронили своих умерших соплеменников под курганами, также известны (особенно в горной зоне и в предгорьях) грунтовые некрополи, содержащие могилы в виде каменных ящиков, склепов и ям. [...]

[...] Племена северокавказской культуры поддерживали связи с племенами дольменной культуры, Закавказья, Дагестана, племенами катакомбной культуры. [...]

[...] На юго-востоке Чечни и Дагестана была распространена культура Гинчи-Гатын-Кале (конец III - первая половина II тыс. до н. э.). Генетически эта культура связана с куро-аракской. Носители культуры Гинчи-Гатын-Кале являлись предками некоторых современных дагестанских и чеченского народов. В Юго-Восточной Чечне она представлена могильником Гатын-Кале, а в горном Дагестане - могильниками Гинчи, Галгалатли, Чох, Ирганай, Верхнегунибским поселением.

Поселения этой культуры строились на высоких речных террасах и труднодоступных горных склонах. Дома уже были не круглые, как куро-араксинские, а прямоугольные и многокомнатные, располагавшиеся на склоне террасообразно. Людей хоронили в большесемейных подземных каменных круглых и прямоугольных склепах.

Основу хозяйства гинчи-гатын-калинских племен составляли земледелие и скотоводство. О развитии у них металлургии и металлообработки свидетельствуют открытые на Верхнегунибском поселении остатки литейной мастерской, где обнаружены глиняные литейные формочки, тигели, «вкладыши» сопла, каменные ступки и песты для дробления руды. Продукция местной металлообработки состояла из бронзовых топоров, кинжальных клинков, различных украшений и т.д. [...]

[...] С середины II тысячелетия до н. э. на основе культуры Гинчи-Гатын-Кале складывается каякентско-хорочоевская

культура, получившая свое название от могильника у с. Каякент в Дагестане и могильника у с. Хорочой в Чечне.

Носителями каякентско-хорочоевской культуры исследователями признаны дагестаноязычные племена. Но на территории Ичкерии - современные Ножай-Юртовский и Веденский районы Чечни - с течением времени наблюдается изоляция населения от дагестаноязычных племен, отделенных от ичкеринцев Андийским хребтом, и резкая активизация контактов с кобанцами. На основе смещения дагестаноязычных местных племен и продвинувшихся с запада ингушеязычных кобанцев начинается процесс складывания чеченского народа. Именно эта территория, именуемая Нохчий мохк («Страна чеченцев»), признается в чеченском фольклоре той местностью, где происходит складывание чеченского народа. Ичкерия и в более поздние времена являлась зоной стыка ингушских (аланских), дагестанских и тюркских (хазарского) этнических элементов, что в конечном итоге (в позднем средневековье) привело к окончательному оформлению отличного от ингушского чеченского языка и чеченского народа.

Земледелие и скотоводство являлись основными отраслями хозяйства племен каякентско-хорочоевской культуры. В скотоводстве появилась новая отрасль - коневодство. Лошади использовались и для верховой езды и как тягловая сила для легких двухколесных колесниц и повозок, изображения которых обнаружены исследователями. [...]

[...] На основе северокавказской культуры с середины II тыс. до н. э. начинает складываться кобанская культура. Материальная культура кобанской и северокавказской культур имеют много общих черт, что позволяет некоторым исследователям называть кобанскую культуру поздним этапом северокавказской культуры.

Наименование «кобанская» эта культура получила от названия аула Верхний Кобан в Тагаурском ущелье в современной Северной Осетии, где в 1869 г. был обнаружен могильник с многочисленными и своеобразными предметами из бронзы.

Позже предметы кобанской культуры были обнаружены на обширной территории Северного Кавказа и высокогорной части Закавказья. На западе граница кобанской культуры проходит по междуречью Большого Зеленчука и Урупа. На востоке памятники этой культуры фиксируются до Андийского хребта. На севере Кавказского хребта кобанская культура занимала территорию до современной Ставропольской возвышенности. На юге она была распространена в высокогорной части современной Грузии.

Кобанская культура имеет также многих общих черт в своей материальной части с колхидской культурой, потому многие исследователи объединяют эти две культуры в одну — колхо-кобанскую культуру. [...]

[...] Кобанцы в древнегрузинских хрониках именуются кавкасионами и дзурдзуками, которые в научной литературе признаны нахоязычными. Граница расселения кавкасионов и дзурдзуков, согласно грузинским источникам, определяется от Андийского хребта на востоке до мест проживания адыгских племен и соответствует границам расселения носителей кобанской культуры.

В античных источниках племена кобанской культуры именуются махли (махалы). Названия «махли» и «махелоны» - это один и тот же этноним, образованный от древнеингушских слов «ма» - «солнце» и «хал» - «бог» и означающий «люди бога солнца».

Часть кобанцев, проживавших на равнине (плоскости) в бассейне рек Терека и Сунжи, Страбон называет гаргареями. Этноним «гаргарей» многие исследователи выводят из ингушского слова «гаргар» - «близкий, родственник». Слово «гар» также в ингушском языке означает «род, ответвление рода».

На всей территории проживания кобанских племен исследователями давно обнаружен пласт нахских (древнеингушских) топонимов. [...]

[...] В VII в. до н. э. территория проживания кобанцев подверглась скифскому нашествию. В 70-х гг. VII в. до н. э.

скифы совершили ряд походов через Кавказ в Переднюю Азию. Основная дорога скифов шла через Дербентский проход, но некоторые их отряды использовали и дороги на Центральном Кавказе: Дарьяльское ущелье, Мамисонский и Клухорский перевалы. Скифы и сорматы, которые сопровождали их, вступили в военное противоборство с кобанцами, что привело к гибели ряда кобанских поселений. Часть местных жителей была вовлечена в скифские походы.

Военно-политическая активность скифов длилась до начала VI в. до н. э. За это время (с участием кобанских элементов) выработался комплекс черт, характеризующий скифскую культуру и больше всего ее оружие, конскую сбрую, оригинальное искусство и т.п. Часть скифов, осевшая на равнинах среди кобанского населения, в скором времени была ассимилирована и растворилась в кобанской среде. [...]

ДРЕВНЕНАХСКИЕ ЦИВИЛИЗАЦИИ ПЕРЕДНЕЙ АЗИИ И АПЕННИНСКОГО ПОЛУОСТРОВА*

[...] Начиная с III тыс. до н. э. с территории распространения майкопской культуры несколькими волнами расселяются на юг и юго-запад хурриты - народ хурри, как они себя называли (от хурритского «хурри» - «утро, восток»; ср. инг. «Iуйре» - «утро»). Первая волна переселения хурритов на юг в Месопотамию и на запад в Сиро-Палестину относится к середине III тыс. до н. э.

К середине III тыс. до н. э. относится упоминание хурритов в шумерских и аккадских надписях под именем народа су (субир, субареи). Это подтверждается и многочисленными заимствованиями из хурритского языка, обнаруженными исследователями в шумерском и аккадском языках.

Первые надписи на каменных таблицах и на печатях на хурритском языке, известные ученым, относятся к последней четверти III тыс. до н. э. В основном это имена правителей: «Тишадаль, жрец-правитель Уркеша», «Аришена, царь Уркеша, Хавала и Навара», «Аришена, царь Карахара».

В начале II тыс. до н. э. встречаются хурритские имена людей разного социального положения (от правителей до подневольных работников) в надписях, происходящих с гор Тавра, на юго-востоке Малой Азии (где впоследствии сложилось хурритское государство Киццуватна) и из северной зоны Верхней Месопотамии в верховьях реки Западный Хабур, притока Евфрата.

Продвижение хурритов на новые территории продолжалось и во II тыс. до н. э.: так, еще в XX—XIX в. до н. э. центр района севернее горной гряды Хамрин носил древнейшее название Гасур, но к XVI в. до н. э. этот район заняла группа хурритов, давших ему название Аррапхе, а Гасур был переименован в Нузи.

* <http://www.ingushetia.org/history/book/print.html?id=11>

Между XVIII и XVI в. до н. э. хурритское население древнего Алалаха значительно возросло. К середине II тыс. до н. э. хурриты преобладали и в Угарите.

В долине реки Арацани на востоке Малой Азии было создано хурритское государство Алзи. Севернее Алзи, на юго-восточном побережье Черного моря и в долине реки Чорохи, складывалось предгосударственное объединение хурритских племен Ацци-Хайаса, на месте которого в XIII в. до н. э. появилось государство, известное под названием Страна диаухов (греческое название «Страна таохов»).

Исследователями отмечено, что хурриты нигде не уничтожали и не вытесняли местное население - оно везде мирно сосуществовало с населением, принадлежащим к другим этническим группам.

В XVII в. до н. э. уже существовало мощное хурритское государство Ханигальбат, более известное под названием - Миттания (от «мата» - «страна»; ср.: инг. «мата» - «родина», «меттиг» - «место»). Также ее называли Нахриана или Нахарина. По мнению исследователей, слово Нахриана происходит от древнеегипетского «страна рек», от «нахр» - «река» - так Ханигальбат называли египтяне (это государство располагалось между реками Евфрат и Тигр); но, возможно, что это древнеингушское (хурритское) «страна (земля) людей» - ср.: инг. «наьха аре».[...]

[...] К концу XVII в. до н. э. ученые относят начальный этап усиления хурритов в Передней Азии. В это время хурриты Ханигальбата совершили военный поход в глубь Малой Азии на территорию мощной Хеттской державы. Хеттский царь Хаттусили I с большим трудом отразил их вторжение и закрепил за собой территорию между горами Тавра и рекой Евфрат.

Сын Хаттусили I Мурсили I в 1595 г. до н. э. напал на город Халпа (современный Халеб) в Северной Сирии и на Вавилон. Во время этого похода имели место небольшие стычки с хурритами в окраинных территориях Ханигальбата - углубляться в земли

хурритов Мурсили I не решился. В дальнейшем в Хеттском царстве начались длительные внутренние междоусобицы, что способствовало возвышению и укреплению Ханигальбата.

Первый достоверно известный царь Ханигальбата - Шуттарна I сын Кирты (ср. ингушские имя Шутар и имя рода Кхорто), правивший в конце XVI в. до н. э. После него правил Параттарна. В хурритском городе-государстве Алалахе правил в это время Идрими.

Наиболее могущественным царем Ханигальбата в XVI в. до н. э. был царь по имени Саусаттар, носивший титул «царь Ханигальбата, царь воинов хурри». Он проводил политику объединения всех хурритских государств. При нем Аррапхе, хурритское государство, расположенное за рекой Тигр (на левобережье), находилось под сильным влиянием Ханигальбата. Саусаттар заключил договор с царем другого хурритского государства Киццуватна, расположенного в юго-восточной части Малой Азии на побережье Средиземного моря. Ему подчинялся и Алалах. Саусаттару удалось захватить и разграбить город Ашшур, центр будущей Ассирийской державы. Ашшур не был включен в состав Ханигальбата, но в нем сидел ханигальбатский посол, принимавший участие в работе Совета старейшин Ашшура. На вассальных правах Ханигальбату подчинялись многие города-государства восточной части Малой Азии. Непосредственно в состав Ханигальбата были включены область Кадмухи на Верхнем Тигре и некоторые области севернее его притоков. В Сирии и Палестине правителями многих городов-государств являлись хурриты, поддерживавшие союзнические отношения с Ханигальбатом. При Саусаттаре Ханигальбат стал одной из сильнейших мировых держав.

Кроме Хеттского царства, Ханигальбат вел постоянные войны за господство над важными торговыми путями и стратегическими местностями с другой великой державой древнего мира - Египтом. Это борьба продолжалась с переменным успехом около ста лет, с конца XVI в. до н. э., когда фараону Египта Тутмосу I впервые удалось выйти на Евфрат, до конца XV

в. до н. э. — времени правления Артадамы и Тутмосиса IV в Египте, когда между ними был заключен мир, скрепленный династическим браком между фараоном Тутмосисом IV и дочерью Артадамы I. [...]

[...] В XIII в. до н. э. государство Ханигальбат прекратило свое существование. После падения Ханигальбата в скором времени и Аррапхе превратилось в плацдарм сражений между Ассирией, уже претендовавшей на роль великой державы, и Вавилонией.

Но история хурритов и хурритских государств с падением Ханигальбата и Аррапхе не закончилась. В конце II – первой половине I тыс. до н. э. продолжали существовать довольно крупные хурритские государства: Киццуватна на юго-востоке Малой Азии, Страна диаухов на юго-восточном побережье Черного моря, Мана (Матиена) восточнее озера Урмия, Алзи в верховьях Евфрата и другие более мелкие государства. Также и в жизни Хеттского царства на всем протяжении его истории хурриты, составлявшие значительную часть населения его восточных районов, играли немалую роль. [...]

Хурритам принадлежит значительное место в культурной истории человечества. Они создали и распространили по всему цивилизованному миру той эпохи различные военные технологии: боевую двухколесную колесницу, таран, составной лук. Ими были изобретены различные музыкальные инструменты, среди которых горн, зурна, арфа, скрипка.

Многие исследователи отмечают исключительную роль хурритов в ознакомлении древних народов с новыми изобретениями. Английский археолог-востоковед Леонард Вулли пишет о хурритах: «Легко смешиваясь с другими народами (мы находим хурритские имена в табличках из Южной Месопотамии времен третьей династии Ура, а также обнаруживаем хурритов в Южной Палестине в допатриархальный период), они были непревзойденными посредниками в передаче культурных идей».

Опорами хурритских государств были большесемейные общины. Существовали общины ткачей, керамистов, торговцев и

т.д. Каждая община имела свою оборонительную башню (прообраз ингушских боевых башен). Иметь такую башню было делом престижа. Известны целые башенные города хурритов - башенный город Унабше стоял на высоком берегу Евфрата на террасе Хамрин.

Керамика хурритов имеет оригинальные формы и декор, отличающийся изяществом и легкостью построений. Изысканный стиль резных печатей хурритского круга, изобретение катаного стекла для цветных флаконов и бус - все это выделяет художественные промыслы хурритов на фоне современных им культур как самобытные и по уровню развития наиболее высокие. К позднехурритскому искусству (начало I тыс. до н. э.) относится замечательный золотой кубок со сценами из хурритских мифов, найденный вблизи озера Урмия.

В дальнейшем ассирийцы, хетты, евреи и другие древние народы многое унаследовали от них. [...]

Среди почитаемых хурритами божеств: «отец богов» Куммарве, бог подземных вод и мудрости Эа, бог солнца Шимигге, бог луны Кужух, боги войны Аштаби и Нубадиг, бог огня Иршаппа и другие.

Во главе женских божеств стоит Хебат - супруга Тешуба. Почитались супруги и других богов: супруга Куммарве - Шалуш, супруга Эа - Тапкина, супруга Кужуха - Никкаль, супруга Шимите - Айа, богиня преисподней Алани, богини судьбы Худеллуры и т.д.

Был развит культ предков, которых особо чтили в большесемейных святилищах. Предков изображали в виде небольших фигурок.

Сохранились названия хурритских месяцев. Год начинался с месяца выносных очагов - Кинуну. Один из месяцев был посвящен предкам - Аттанашве. В это месяц необходимо было совершать жертвоприношения отцовским богам. Зимнее полугодие государства Аррапхе открывал месяц шехли Тешуба - месяц дождя. Следом шел месяц шехли Нергала - месяц сева. Последний месяц зимнего полугодия назывался Курилли - месяц

снопа. [...]

[...] Образцов литературы на хурритском языке сохранилось немного: в школьных прописях из Телль эль-Амарны, копиях из Эмара, Угарита и Хаттуши. Особенно широко представлены хурритские заклинания. До нас дошли небольшие фрагменты жанра диалога. Сохранилась «нотная» запись культово-любовной песни.

Известна хурритская версия шумерского эпоса о Гильгамеше. Хурриты не просто перевели эпос, но переработали и дополнили его. Хурритская версия излагает более пространно центральный эпизод поэмы: апогей подвигов Гильгамеша и Энкиду - одоление чудовища Хумбабы, хранителя кедровой рощи.

Литература хурритов дошла до нас в основном в переводах на хеттский язык. Наибольшее значение хурритских произведений, дошедших до нас в хеттских переводах, имеют эпические поэмы «О царствовании на небесах», где рассказывается о переходе власти от одной династии богов к другой, и «Песнь об Улликуме», которая продолжает сюжетную линию первой поэмы. [...]

[...] К концу II тыс. до н. э. политическая карта Передней Азии изменилась. Исчезли такие мировые державы, как Хеттское царство и Ханигальбат, игравшие на протяжении почти всего второго тысячелетия до н. э. ведущие роли в мировой политике. Сохранились Египет и Вавилония, но и они уже были ослаблены. Началось возвышение новых мировых держав: Ассирии, позднее — Урарту.

Настоящее название этого государства - Биайнили. Так его называли сами урарты. От названия Биайнили происходит и название озера Ван. Население Биайнили греки называли алоридиями, а ассирийцы - урартами. В ассирийских памятниках это государство называется Уратри, Уруатри. Позже закрепилось название Урарту, которое происходит от названия горы Арарат.

Территория от границ Малой Азии до гор Западного Ирана в ассирийских источниках называлась «страны Наири». В XII-X вв.

до н. э. на этой территории насчитывалось многие десятки «царей» и «цариц» - т.е. жриц божества плодородия, выступавших в поход вместе с войсками. Судя по хеттским источникам, хетты не раз вели здесь переговоры не только с «царями», но и непосредственно с народами «стран». Таким образом, «страны Наири» в конце II тыс. до н. э. представляли собой непрочные предгосударственные объединения - племенные союзы.

В центре территории стран Наири, на Армянском нагорье, вокруг озера Ван, жили нахоязычные урарты. На востоке и на западе от Армянского нагорья жили близкородственные урартам хурриты. По сути, урарты и хурриты говорили на диалектах одного языка и являлись одним народом.

На западе, по долине реки Чорохи и на севере Верхнего Евфрата, на месте существования в XV-XIV вв. до н. э. предгосударственного объединения хурритских племен Ацци-Хайяс, в XIII в. до н. э. возникло государство Страна диаухов.

На востоке, вокруг озера Урмия, жили хурриты-маннеи (или матиены). Здесь имелось множество городов-государств. Археологические раскопки показали, что города-государства хурритов-маннеев имели мощные цитадели, дворцовые и храмовые сооружения, каменные мостовые, типичные городские застройки, городские стены и т.п., то есть все атрибуты древних городов. Начиная с первой половины II тыс. до н. э. в этот район с востока стали приходить индоиранские племена, и к началу I тыс. до н. э. процент ираноязычного населения среди хурритов-маннеев был значительным. Позднее, при объединении многих маннейских городов-государств, здесь сложилось довольно сильное хурритское государство Мана (также его называли Матиеной; от слова «мата» - «страна, родина»).[...]

[...] Первые сведения об Урарту как о централизованном государстве относятся к 80-м гг. IX в. до н. э. В это время Урарту подвергалось нападению ассирийского войска во главе с царем Ашшур-ацир-апалом II. В 859 и 856 гг. до н. э. против Урарту совершает походы его сын Салманасар III.

Особенно трагичным для урартов был поход Салманасара III в 856 г. до н. э.: ассирийцы обошли Урарту с запада, разгромили войска Страны диаухов и вторглись в Урарту с северо-запада. Войска урартов были разбиты, они понесли большие потери. Погибло много мирных жителей. Ассирийцы обычно никого, кроме колесничих и всадников, в плен не брали. Была захвачена огромная добыча.

После этого похода урарты получили передышку - четверть века ассирийцы их не тревожили. За это время урартам удалось укрепить свое государство. Первые надписи царя Урарту Сардури I датируются после 845 г. до н. э. Сардури I сделал столицей Урарту город Тушпу, а Ардини стал культовым центром государства. Подражая ассирийским царям, Сардури I именовал себя «царем Биайнили (Урарту), правителем города Тушпы, царем великим, царем сильным, царем воинств, царем Наири», что означало вызов Ассирии и претензию на соперничество с ней. К этому времени Урарту настолько окрепло, что могло открыто бросить вызов Ассирии. При правлении Сардури I ассирийцам ни разу не удалось проникнуть в глубь государства.

В последней четверти IX в. до н. э. царем Урарту был Ишпуини сын Сардури I, но он рано отошел от дел, и на самом деле правил его сын Минуа. При нем на востоке в состав Урарту были включены территории до западного и южного берегов озера Урмия. Северная граница проходила между озером Ван и рекой Араке. Здесь урарты вели упорную борьбу с племенами, вторгшимися с севера. [...]

[...] К 800 г. до н. э., когда началось единоличное правление Минуа, урартам удалось отвоевать у ассирийцев верхнеевфратские провинции, все левобережье Верхнего Евфрата, включая царство Алзи. Минуа вторгся на территорию Мелитену («Хатти»), перешел через горы и совершил набег на ассирийскую Верхнюю Месопотамию. На северо-западе Минуа вторгся в Страну диаухов, возвел новый административный центр на правом берегу реки Араке у подножия горы Арарат,

откуда урарты начали совершать военные походы в Закавказье.

В царствование Минуа по всей территории строилось много оборонительных и оросительных сооружений. Урарты прорубали каналы даже в скалах и облицовывали их каменными глыбами. Это строительство стало возможным в результате использования железных орудий труда и распространения обязательных повинностей на новое население царства.

В 786 г. до н. э. царем Урарту стал Аргишти I сын Минуа. О его правлении до нас дошли сведения из огромной летописи, высеченной на отвесных склонах скалы у озера Ван. Это одна из крупнейших надписей, дошедших до нас с тех времен.

В начале своего правления Аргишти I совершил поход в Страну Диаухов, частично обратив ее в свое наместничество, а оставшуюся часть обложил данью.

На западе он вел войны с хурритским царством Мелитена. Здесь ему удалось установить контроль над верхнеевфратским участком «железного пути» - очень важного в древности торгового пути, по которому возили продавать железо.

На севере он завоевал населенную хурритами страну Аза, расположенную в Арартской долине в окрестностях озера Севан. В 783 г. до н. э. Аргишти I построил крепость Эребуни (на месте современного Еревана), которая была заселена 6600 воинами-хурритами, взятыми в плен в Мелитене и на Верхнем Евфрате. Им было вменено в обязанность охранять северную границу Урарту.

Немного позже Аргишти I построил еще одну крепость - Аргиштхинили на левом берегу Аракса, которая должна была по его замыслу стать административным центром всего Закавказья.

На востоке урарты совершали постоянные набеги на страну манеев, стремясь присоединить их к Урарту.

Стратегической задачей Урарту на протяжении всего периода существования была борьба с Ассирией. Военные походы урартов также были подчинены этой основной задаче. В царствование Аргишти Урарту удалось обойти Ассирию с запада, также много сил было потрачено, чтобы обойти Ассирию с

востока. Много походов было совершено и в южном направлении - войска урартов доходили до пределов Вавилонии, не раз вторгались и на собственно ассирийскую территорию.

Успехам Урарту в борьбе с Ассирией способствовала реформа, проведенная в урартской армии, реформа административного устройства государства и разруха, царившая в Ассирии: нередко урартским войскам противостояли не царские войска, а войска полунезависимых наместников. [...]

[...] Урарты совершали свои завоевательные походы в Закавказье, в Колхиду («Кулха» урартских источников), в Страну диаухов (при Сардури II Страна диаухов как государство перестала существовать).

Из летописи Сардури II на северном склоне Ванской скалы: "«Выступил я в поход на страну Кулха. Величием бога Халди, Хахани, царя страны Хушалхи, вместе с его народом я оттуда увел в плен, угнал и поселил в моей стране. Сардури говорит: в том же году мои войска выступили в поход на страну Абилианихи. Величием бога Халди за один день страну я захватил, крепости разрушил, города сжег, страны разорил, мужчин и женщин оттуда я угнал. Сардури говорит: для бога Халдивот какой подвиг я там совершил: 1890 отроков увел я, 3496 женщин я угнал, всего 9904 человека, одних умертвил, других живыми увел; 65 коней угнал я, а также... (здесь число пропущено) тысяч 90 голов крупного рогатого скота, 10 897 голов мелкого рогатого скота. Сардури говорит: для бога Халди я эти подвиги за один год совершил».

При завоевании какой-либо области обычно урарты переселяли ее жителей в Урарту или на завоеванные земли. Часть пленных уничтожали. С каждым завоеванием число пригоняемых в Урарту пленников увеличивалось: так за один лишь год Сардури II привел из трех походов 12 735 мальчиков и 46 600 женщин. Пленные нужны были для пополнения людских ресурсов, убывавших в связи с постоянными войнами. [...]

[...] В 745 г. до н. э. в Ассирии воцарился Тиглатпаласар III. Используя достижения урартской государственной практики,

Тиглатпаласар III провел ряд государственных реформ. В частности, была проведена военная реформа (по образцу реформы, проведенной Сардури). Полагаясь на огромное скопление продуктов и ценностей в царских хранилищах, царь мог содержать постоянное войско за свой счет. Сардури II сильно сократил воинские повинности в стране. Но слишком переоценив свои возможности, ослабил армию реформой. Напротив, в Ассирии реформа Тиглатпаласара III, проведенная после тяжелой полосы неурядиц, разрухи и междоусобных войн, привела к большому притоку боеспособных воинов в перестроенную постоянную армию.

В 743 г. до н. э. между Урарту и Ассирией состоялось решающее сражение. Урартийцам и их союзникам было нанесено жестокое поражение. Часть областей Урарту, лежащих к северу от верховьев реки Тигр, была включена в состав Ассирии. Через восемь лет, в 755 г. до н. э., Тиглатпаласар уже вторгся в глубь территории Урарту и даже осадил столицу город Тушпу, но взять его не смог. [...]

[...] Восстановив власть в Урарту, Руса I, чтобы не допустить в дальнейшем отделения от Урарту наместничеств, провел административную реформу: крупные наместничества он разделил на мелкие и построил крепости - административные центры новых наместничеств.

Укрепив свою власть в Урарту, Руса I начал завоевательные походы в Закавказье: он вышел в области восточнее озера Севан, дошел до территории современного Нагорного Карабаха, перешел реку Араке и укрепился там.

Но едва Русе I удалось вновь собрать Урартское государство, как он столкнулся с серьезной внешней опасностью: в пределы Урарту стали вторгаться отряды конников киммерийцев, мигрировавшие в Закавказье из степей Северного Причерноморья. Киммерийцы, а позже и скифы, были вооружены луками и стрелами с баллистическими наконечниками, гораздо более эффективными, имевшими большую дальность и убийную силу, чем стрелы, применявшиеся в армиях государств

древнего мира. Однако киммерийцы не умели брать крепости, а крепости были костяком Урартского государства. Руса I сумел дать отпор киммерийцам и направить их поток в обход Урарту с запада в Малую Азию. [...]

[...] В 675 г. до н. э. Руса II заключил союз с частью киммерийцев и совершил поход против Фригии, Мелитены и хурритоязычных халибов в восточной части Южного Причерноморья. Поход Русы II имел успех: была захвачена огромная добыча и большое число пленников. Но воспользоваться в полной мере своими победами Урарту помешала Ассирия, вмешавшаяся в войну на конечном этапе.

В последнее десятилетие своего царствования, благодаря спокойствию на границах, Руса II занялся интенсивным строительством и орошением новых, завоеванных в Закавказье, земель. Это стало возможным в связи с тем, что Фригия после поражения пришла в упадок, Ассирия была занята войнами на юге и на востоке, а основная масса киммерийцев ушла в Малую Азию.

По всей стране создавались новые наместничества, возникали новые центры. В Тушпе царскую резиденцию перенесли на новое, более удобное место. В Закавказье поблизости от старого центра Эрбунни возвели новый - город Тейшебайни («город Тейшебы»). Необходимость строительства новых крепостей для укрепления северных границ Урарту была вызвана появлением в Закавказье новых кочевников, пришедших из Причерноморских степей, - скифов.

При Русе II строятся новые оросительные каналы, развивается земледелие. В надписи на каменной стеле, сделанной по его приказу, говорится:

"«Руса, сын Аргишти, говорит: в долине Куарлине обработанной земли не было. По приказу бога Халди я этот виноградник развел, поля с посевами, плодовые сады кругом устроил я там, города я ими окружил. Канал из реки Ильдаруни я провел. Умешини имя его».[...]

[...] После смерти Русы II в 660 г. до н. э. урартский престол

перешел к его сыну Сардури III. Урарту клонится к закату. Скифы, создавшие свое царство на территории современного Азербайджана и выступавшие в основном как союзники Урарту, превратились во врагов. В конце 50-х годов VII в. до н. э. они вторглись в Урарту. Пройдя через всю территорию государства, они достигли Малой Азии и истребили здесь толпы киммерийцев. Урартское царство было настолько деморализовано этими событиями, что в конце 40-х гг. VII в. до н. э. урартский царь Сардури III признал зависимость Урарту от Ассирии, назвав себя в дипломатическом письме «сыном» ассирийского царя. [...]

[...] Протоармянские племена мушков, пришедшие в Малую Азию с Балканского полуострова, дошли до Верхнеевфратской долины еще в XII в. до н. э. Они начали просачиваться и оседать в Киццуватне, Алзи и в других мелких хурритских государствах Верхнеевфратской долины и гор Тавра. Ко времени Урарту здесь уже было значительное число мушков. К VI в. до н. э. в Киликии (бывшее государство Киццуватна) и Мелитене (бывшее Алзи) мушкский (протоармянский) язык стал со временем языком общения между группами людей различной этнической принадлежности. Здесь уже правили протоармянские династии. На месте бывшей Мелитены возникло государство Дом Тогармы (Торгома), в котором еще сохранялся хурритский элемент, но основное население и правящая династия были уже мушкскими (протоармянскими). После крушения Урарту восточная его часть вошла в состав Дома Тогармы, а урарты постепенно подвергались ассимиляции со стороны мушков. Таким образом, на протяжении нескольких веков шло складывание протоармянского языка и этноса при смешении автохтонных нахоязычных хурритов и урартов и пришлых индоевропейцев - мушков. В результате в армянский язык перешло много слов из хуррито-урартских языков, особенно терминов для обозначения местной флоры и фауны, горной и сельскохозяйственной техники, специфических для нагорья социальных условий. [...]

[...] Родственный хурритам и урартам нахоязычный народ

жил в I тыс. до н. э. на Апеннинском полуострове. Сами себя они именовали «арасены» (или «расены»), греки называли их «тиррены» или «тирсены», а римляне - «туски» («тушки») или «этруски». Название этруски закрепилось в науке. Основная область расселения этрусков, расположенная на северо-западе современной Средней Италии, получила у римлян название - Этрурия, а от этнонима «туски» в средние века произошло название области Тоскана, так ее называют и в настоящее время. [...]

[...] Этруски появились в Италии в конце II тыс. до н. э., мигрировав с востока, с территории Малой Азии. С VIII в. до н. э. главным очагом этруской цивилизации была Этрурия, откуда этруски путем завоеваний расселились на север до Альпийских гор и на юг до Неаполитанского залива, заняв таким образом большую территорию Средней и Северной Италии.

У этрусков никогда не было единого государства. Этрурия являлась федерацией 12 самостоятельных городов-государств. Каждый город чеканил собственную монету, на которой изображался его символ.

В состав двенадцатиградья входили города-государства Вейи, Тарквинии, Цере, Вольсинии, Рузеллы, Ветулония, Арреций, Перузия, Волатерры, Вольцы, Клузий, а также Фезуллы или Кортон.

Кроме самого города, в состав городов-государств входили зачастую и другие поселения и города, расположенные поблизости, а жители таких поселений и городов являлись полноправными членами города-государства.

Этруски сохраняли число членов федерации, несмотря на появление экономически развитых городов, мощнее старых центров. Новые центры принимали в федерацию только в случае выбытия одного из членов (к примеру, вследствие военного разгрома). Так, после падения Вей, разрушенных Римом в 396 г. до н. э., на их место в федерацию была принята Популония, остававшаяся до того времени, несмотря на свое экономическое значение крупного порта и важного центра металлургии, в

составе города-государства Волатеры.

Кроме древнейшего двенадцатиградья в Этрурии, в более поздние времена этруски образовали два новых двенадцатиградия: в Северной Италии в обширном бассейне реки По и на западе современной Средней Италии в Лации и Кампании. В процессе колонизации этруски в одних случаях основывали новые города, в других устанавливали свое господство в городах местного населения. Например, в VI в. до н. э. в Риме правили этруские цари (Тарквинии Древний, Сервий Туллий, Тарквинии Гордый), хотя Рим как город-государство зародился еще в VIII в. до н. э.

Во главе каждого города-государства стояли цари - лукумоны. Власть их была пожизненной, но они не имели права передавать ее по наследству. По смерти царя избирался новый царь. Лукумон являлся верховным судьей, военным предводителем и главным жрецом города-государства. [...]

[...] Этруски активно вели торговлю и колонизацию новых территорий. В VII-VI вв. до н. э. их интересы в Сицилии, Сардинии, Корсике, Южной Галлии и Испании сталкивались с интересами карфагенян, что не раз приводило к возникновению столкновений между ними. Однако появление в Западном Средиземноморье греков заставило этрусков и карфагенян объединиться против общего врага. Греки в это время активно колонизируют Южную Италию, Сицилию.

В 535 г. до н. э. усилиями объединенного флота этрусков - граждан г. Цере и карфагенян был разбит греческий флот у побережья Корсики. Эта победа на несколько десятилетий обеспечила этрускам свободу действий в Средиземном море. Их товары шли теперь на восток без посредничества греков. С одним из греческих городов в Южной Италии, Сибарисом, этруски поддерживали дружеские отношения и успешно сбывали сюда свои товары. Но в 510 г. до н. э. Сибарис был разрушен гражданами другого итальянского греческого города-государства - Кротона. Кротонцы установили в Месинском проливе, контролировавшемся ранее г. Сибарисом, сторожевой пост. Это

был первый крупный удар по торговле этрусков на востоке. Второй крупный удар был нанесен греками, когда граждане Сиракуз разбили объединенный этруско-карфагенский флот при Кумах в 474 г. до н. э. С этого времени торговые связи этрусков с Грецией и Ближним Востоком стали осуществляться через порты Адриатического моря. На этой торговле расцвел в V в. до н. э. город Спина в устье реки По — крупнейший этрусский порт на Адриатическом море.

Почти весь V в. до н. э. прошел для этрусков в тяжелой борьбе с Римом. Около 425 г. до н. э. этруски потерпели крупное поражение: римлянами был захвачен город Фидены. Но этруски упорно сопротивлялись. Положение их ухудшилось после 432 г. до н. э., когда при Альгиди римляне разгромили союзников этрусков эквов и вольсков. В 396 г. до н. э. после длительной осады римлянами был взят и разрушен большой этрусский город Вейи, находившийся в 30 километрах севернее Рима. Это была крупная победа римлян.

В 390 г. до н. э. галлы, перейдя Альпы, нанесли поражение этрускам. В результате была подорвана этрусская торговля не только на севере, но и на восточном направлении, так как часть галлов укрепились к югу от Альп и перерезала пути, соединяющие Этрурию с побережьем Адриатического моря.

Нашествие галлов, которые напали также и на Рим, на несколько десятилетий приостановило наступление Рима. Но в 50-е гг. IV в. до н. э. потерпел поражение от римлян один из крупнейших этруских городов - Тарквинии. В 40-10 гг. IV в. до н. э., пока Рим был занят войнами с самнитами на юге Апеннин, этруски получили передышку. Но в 310 г. до н. э. война с Римом разгорелась вновь.

В 308 г. до н. э. Тарквинии и Вольсинии снова потерпели поражение. В Средней Италии в 298 г. до н. э. началась Третья Самнитская война, в которой этруски участвовали на стороне самнитов. Война закончилась поражением самнитов и их союзников. В дальнейшем Рим заставил этрусские города стать его союзниками. С этого времени заканчивается история

независимых этрусских городов-государств. После подчинения Риму они перестали чеканить свои монеты.

С течением времени этруски растворились среди римлян. Многие известные римские роды были этрусскими по происхождению. В латинский язык вошло множество слов из этрусского языка. [...]

[...] В конце VII-VI вв. до н. э. в Передней Азии произошли глобальные изменения. Исчезли великие державы Ассирия и Урарту. Освободившись из-под власти Ассирии, вновь поднимается Вавилония. На политической арене появляются и исчезают империи, и в конце концов во второй половине VI в. до н. э. весь Древний Восток оказывается под властью возникшей Персидской державы.

Происходят передвижения огромных масс людей, переселения целых народов, одни народы исчезают, другие складываются. Основная территория Урарту была заселена мигрировавшими с юго-запада протоармянскими племенами мушков. При смешении мушского (индоевропейского) и хурритского и урартского языков складывается протоармянский язык, в который вошло много слов из древнеингушских хурритского и урартского языков.

Мидия, ранее подвластная Ассирии область, в конце VII — начале VI вв. завоевала Ассирию, Урарту, Ману, Северную Месопотамию, часть Малой Азии, Гирканию и Парфию, лежавшие к востоку и юго-востоку от Каспийского моря, Элам и Персию и стала огромной державой. [...]

[...] Севернее обитали хурритоязычные колхи, которые создали в VII-VI вв. до н. э. крупное политическое объединение - Колхидское царство. Материальная культура колхов, известная по археологическим источникам, сходна с материальной культурой древнеингушских кобанских племен Северного Кавказа. В исторической науке эта культура получила название колхидской или колхо-кобанской культуры. Грузинский язык на этой территории распространился намного позднее. В те времена колхи говорили на древнеингушском языке. Об этом

свидетельствует и большое количество нахских топонимов в Колхиде. [...]

[...] Хурриты-маннеи (матиены) входили в 14-ю сатрапию. В 13-ю сатрапию входила Армения, в составе которой находилась и часть территории бывшего государства Урарту. Здесь еще проживали урарты и хурриты, продолжавшие говорить на родном языке, хотя языком межплеменного общения уже был принят древнеармянский язык.

О том, что грузинский народ является народом, сложившимся в результате смешения пришлых и местных племен, свидетельствуют данные лингвистики, письменных источников, в том числе и древнегрузинских письменных источников.

В результате лингвистических исследований последних десятилетий было установлено, что грузинский язык не входит в кавказскую семью языков и составляет отдельную языковую семью, родственную индоевропейской. Некавказское происхождение древних носителей грузинского языка подтверждает и анализ письменных источников.

Появление грузиноязычных племен в Закавказье и образование Картлийского царства, созданного в последней трети I тыс. до н. э., древнегрузинское предание, засвидетельствованное в наиболее древней из известных грузинских исторических хроник «Мокцевай Картлисай» («Обращение Картли»), связывает с легендарным походом Александра Македонского в Картли и «первым царем во Мцхете» называет сына царя страны Ариан-Картли - Азо.

Предание называет две Картли: Картли (основой названия Картли является ингушское слово «корт» - «вершина») и Ариан-Картли, то есть «Арийскую Картли», находившуюся где-то на другой территории.

Согласно «Мокцевай Картлисай», основателем Мцхетского картлийского царства был Азо, а непосредственными предками картвелов являются приведенные им из Ариан-Картли 18 родов ариан-картвелов. Автор новой редакции «Житие святой Нины»

Арсен Бери (XII в.) считает, что Азо привел из Ариан-Картли тысячу домов простолюдинов и десять княжеских домов. Здесь же прямо говорится: «...мы, картвеллы, являемся потомками этих, вышедших из Ариан-Картли переселенцев».

О том, что предание о переселении ариан-картлийцев, засвидетельствованное в «Мокцевай Картлисай», не является плодом позднего творчества, а на самом деле древний исторический источник, дошедший до нас в первоначальном виде, говорит наличие в нем описания реалей IV-III вв. до н. э. Это подчеркивают и многие грузинские историки.

Древнегреческий историк и географ Страбон также отмечает, что древнюю Иберию населяют две различные этнические группы: «Равнину населяют те из иберов, которые более занимаются земледелием и склонны к мирной жизни, снаряжаясь по-армянски и по-мидийски, а горную часть занимают воинственное большинство, в образе жизни сходное со скифами и сарматами, с которыми они находятся и в соседстве, и в родстве, впрочем, они занимаются и земледелием и в случае какой-нибудь тревоги набирают много десятков тысяч воинов».

Интересно, что среди племен, населявших Картли до переселения туда ариан-картлийцев, предание из свода хроник «Мокцевай Картлисай» называет «воинственных хонов». Племя хоной называется источниками среди древнеингушских племен - создателей кобанской культуры. В более позднее время этот этноним зафиксирован в Армхинском ущелье Ингушетии (ингушский род хоной) и в ущелье реки Чанты-Аргун Чечни (общество хоной). «Хоны» - гунны и «хоны» - древнеингушское племя четко разделяются и в «Армянской географии» VII в. нашей эры.

Также в формировании грузинского этноса принял участие мушкский элемент, проникший с территории Малой Азии. Этим объясняется наличие во главе официального пантеона Картлийского царства богов с малоазийскими именами: Армаз, Заден.

[...] Страна халдов-халибов также была известна еще со II

тыс. до н. э. на Юго-Восточном побережье Черного моря. Рядом с ними жили диаухи, махелоны/макроны (ср. название ингушей в осетинском яз.— «маккхалон»), моссиники, санары/саны (ср. название инг. рода «соной/шоной»), дрилы, ганахи/гениохи (ср. инг. «нах» - «народ, люди»), тибарены, колхи (ср. устаревшее осетинское название ингушей «къулха»). Многие античные и древнеармянские авторы отмечают, что все они были этнически одного происхождения. Здесь мы имеем локальные названия обществ или племен одного и того же народа. Это обстоятельство совершенно ясно и недвусмысленно отмечает и Страбон. Все они являлись потомками хуррито-урартов и говорили на древнеингушском языке. [...]

IV

ЭТРУСКИ В КОНТЕКСТЕ НАЦИОНАЛИСТИЧЕСКОГО ВООБРАЖЕНИЯ В РОССИИ

Владимир ПОПОВ

ЭТРУСКИ — ЭТО РУССКИЕ (К истории протославян)*

Кем и где были славяне до того, как их стали так именовать? Археологические открытия последнего столетия на Апеннинском полуострове и Балканах стали революционными для историографии Европы: они привели к возникновению новой области историографии — этрускологии, затронув не только античное и раннее римское время. Полученные сведения дали исчерпывающий материал, который позволил полностью идентифицировать культуру этрусков, включая язык, религию, традиции, обряды, быт. Эти признаки культуры позволили проследить историю развития этруско-римской цивилизации вплоть до нашего времени. Они пролили свет на многие "белые пятна" истории и "темные времена" исторической литературы. Они дали ответы на фундаментальные вопросы, касающиеся предыстории славян. Общий вывод заключается в том, что этруски являются протославянами: большое число материальных данных демонстрируют тождественность культур этрусков и древних славян, и нет ни одного факта противоречащего этому. Все фундаментальные признаки культур этрусков и древних славян совпадают. Кроме того, все фундаментальные признаки, объединяющие культуры этрусков и славян, являются уникальными и отличаются от других культур. Нет ни одного другого народа, который бы обладал хотя бы одним из этих признаков. Иными словами, культура этрусков не похожа ни на кого, кроме славян, и наоборот, славяне не похожи ни на кого в прошлом, кроме этрусков, т.е. у этрусков нет других потомков, кроме славян. Это основная причина того, почему этрусков настойчиво пытаются "похоронить".

Достоверные данные показывают, что родиной народов,

* <http://www.zavtra.ru/cgi/veil/data/zavtra/02/441/71.html>

которых именуют ныне славянами, является юг Европы. Есть два фундаментальных достоверно подтвержденных факта истории Византии: во-первых, население европейской части Византии с V века постепенно стало именоваться также и славянами; с другой стороны, до образования славянских княжеств территории Римской и Византийской империй: от Черного моря до Альп и Апеннин, побережье Адриатики — это единственно достоверно установленные территории постоянного присутствия культуры древних славян. Имя "славяне" не было ни оригинальным названием народа, ни их самоназванием. Это название, восходящее к слову "славный", сложилось в средние века как общее название части византийского и бывшего византийского населения, стойко исповедовавшего языческий монотеизм бога Перуна, и в именах которых было распространено окончание "слав" (Мирослав, Ростислав и т.д.). Речь идет о развитом оседлом народе с государственной социальной культурой, народе, структура языка, дохристианская религия и традиции которого восходили к античным временам Рима. Как же возник этот народ со столь высокой государственной культурой, — культурой, которая нарабатывается многими веками, складывается непросто и далеко не всеми народами прошлого была достигнута? Где истоки столь высокого уровня развития славянских княжеств в X-XII веках? Какова предыстория славян, или, иначе, предславянская история народа, названного этим именем (термин "славяне" появился только в X веке н.э.). Кто же действительно и где были предки славян? Что есть мифы, гипотезы, а что — реальность?

К сожалению, историография славян не может опираться на достоверные письменные источники. Проблема невыживаемости и недостоверности выживших исторических письменных источников общая, но в случае предыстории славян она критическая — предысторию славян на основе одних лишь сведений из немногих сохранившихся и неоднократно переписанных памятников исторической литературы, которым удалось выжить, достоверно реконструировать нельзя.

Сохранившаяся литература средних веков о славянах скудна и отражает лишь противостояние между нарождающимся христианством и монотеистическим язычеством бога Перуна, который проповедовали древние славяне (приверженность императоров Византии Христу-Радимиру и Перуну также колебалась, часть императоров были язычниками, часть — христианами).

Но отсутствие правдивых письменных сведений — это еще не конец историографии. Ведь народ идентифицируется не тем, что высказали автор или более поздний переписчик памятника исторической литературы о тех, кого принято сейчас называть древними славянами. Существуют объективные признаки народа и критерии его идентификации.

Народ идентифицируется своей культурой (всеми ее частями), то есть тем, что нарабатывается многими веками. Три фундаментальными признаками культуры, которые самодостаточны для идентификации народа, являются: язык, его структура, дохристианская религия, традиции, обряды и обычаи. Иными словами, если эти фундаментальные признаки культуры совпадают у двух народов настоящего и прошлого, то это — один и тот же народ в разное время. Культура — это несравнимо больше, чем просто название народа. Названия многих народов Европы были разным, менялись со временем, и это явилось источником путаницы в письменных источниках и предметом спекуляций в более позднее время. Объективное значение имеет лишь самоназвание. Для исторической идентификации народа важен также четвертый фундаментальный признак — уровень социальной культуры: оседлый государственный, полукочевой, кочевой.

В первом тысячелетии до н.э. большую часть территории Апеннинского полуострова, южной части Альп и побережья Адриатики занимали этруски. Они определяли развитие этого региона в последнем тысячелетии до н.э. и в первой половине 1-го тысячелетия новой эры. В период возникновения Рима территория этруских городов простиралась от Альп, от Венето-

Истрийского района до Помпеи. Это была одна из самых развитых античных цивилизаций. Уникальные особенности этрусской культуры — наличие письменности в современной буквенной форме, наличие полноценной развитой религии, а также уникальная социальная и федеративная организация общества,— определили развитие этого региона и всей Европы на многие века.

Археология свидетельствует о высокой степени общности культуры населения Аппенинского полуострова, Альп и Адриатики. Степень этой общности была по ряду признаков (по крайней мере в социально-политическом развитии) более высокой, чем общность разрозненных греческих городов того времени. Это не удивительно, ибо население проживало значительно более компактно ввиду уникальности полуострова и его географического положения и имело более тесные связи, чем население греческих городов, разбросанных на тысячекилометровых расстояниях по побережьям различных морей.

Рим как реальное стабильное поселение возник как один из городов этрусской федерации — лиги городов и, как все другие этрусские города, первоначально управлялся королями. Во времена правления Сервия Туллия и Супербуса Тарквиния Рим становится самоуправляемым, хотя и экономически еще зависимым городом. В Риме действовали этрусские религия, письменность, цифры, календарь, праздники. После изменения политического устройства Рима — перехода к республиканскому правлению, давшему некоторые права плебеям ("latum pedes") — город стал более самостоятельным, но это имело экономические последствия. Не имея своей области, Рим испытывал трудности с продовольствием. Хлеб и другие продукты завозились с моря, через Остию (Устию) в устье Тибра. Риму была необходима своя сельскохозяйственная область. В результате переговоров с этрусскими королями и военных кампаний, в основном с самнитами, небольшая область к юго-востоку от Рима была к нему присоединена. В присоединенный район вошли некоторые

этрусские города (Тускулум, Прэнесе, Рутула), а также часть прилегающих к ним земель сабинов, марсов, самнитов, вольсков. Этот "интернациональный" регион стал называться "Latium" — оно переводится с латинского языка как 'расширение, окружение'. В античные, доримские времена, населением этой области были этруски, сабины, марсы, самниты, осканы, умбры. Из племен известны лишь племена помптиниев, уфентиниев, герников. Среди проживавших здесь античных народов латины не числились. Археологические данные показывают, что в Латии также преобладала этрусская культура. На одном из живописных Белых Холмов этой области рядом с этруским городом Тускулум, в котором родились такие известные этруски, как Катон Прискус и Цицерон, была установлена одна из статуй главного античного бога этрусков Иеовы (Юпитера). Рим предложил новую политическую систему — республику, которая через несколько веков утвердилась во всей этрусской федерации. Ношение этрусской туники (тоги) было признаком римского гражданства.

Установлено, что основой письменности Рима является этрусский алфавит и письменность. Никто, кроме этрусков, в период возникновения Рима буквенной письменностью не обладал. Этруски интенсивно контактировали с финикийцами (Карфаген), которые, как известно, передали свой алфавит грекам. Самый ранний известный в истории буквенный текст — инскрипция на "чаше Нестора", найден на территории проживания этрусков. Алфавит Рима (латинский алфавит) — это (римский) вариант этрусского алфавита. Так же, как, скажем, ионический, афинский, коринфский и другие являются вариантами греческого алфавита. В Риме был изменен шрифт витиеватых этрусских букв на более простые и легкие в начертании. Этрусский шрифт продолжал использоваться священниками и в особых случаях. Язык Рима имеет структуру этрусского языка. Словарь латинского языка сформировался на основе этрусского языка и языка других этнических групп, прибывавших в Рим, в основном сабинов. Пантеон античных

богов Рима составили античные боги этрусков. Служба в храмах Рима проходила по античным этруским книгам. Не только короли, но и часть будущих римских императоров и многие выдающиеся деятели были этрусками по происхождению.

В современной историографии существует неразрешимая проблема, состоящая в том, что нет никаких достоверных исторических данных, ни письменных, ни археологических, подтверждающих реальность античных племен "латинов"; они не были известны ни до возникновения Рима, ни в течение трех-пяти веков после основания города. Следует различать термины "античные латины" и "латины" (поздние). В раннее римское время античное население территории будущего Латия состояло из различных народов, среди которых античное племя "латинов" известно не было. Они не были известны ни самым первым античным авторам — современникам возникновения Рима и авторам греческой мифологии Гесиоду, Гомеру, ни более поздним историкам Фукидиду и Геродоту, писавшим уже спустя 300 лет после основания города. Нет слов с основой "латин", "латинский" и в первом опубликованном своде законов Рима "XII таблиц", написанном спустя два века после возникновения города. Первое литературное употребление термина "социум латины" появилось лишь более чем через пять веков после возникновения Рима и обозначало обычно неполных граждан республики. Нет также никаких археологических данных, подтверждающих существование античного племени "латины", нет ничего, что можно было бы как-то с ними связать. Широкие и массированные попытки найти какие-нибудь реальные доказательства существования племени "латинов" на территории Латия были предприняты еще раз во второй половине прошлого века. Но они вновь нужного результата не дали: в Латии было обнаружено еще несколько этруских городов.

Таким образом, история не располагает никакими данными, ни письменными, ни археологическими, подтверждающими реальность существования античных племен "латинов". Термины "латинский язык", "Латий", "латины" возникли через 3-5 веков

после возникновения Рима. Эти термины непосредственно не связаны друг с другом, однако имеют общий лингвистический корень — латинское слово "latum", означающее "широкое, общее". Слово "латинский" может быть переведено с "латинского" языка как "широкий, общий", и ничего дополнительного не требует для объяснения своего значения и происхождения. Такое нейтральное название языка не уникально в истории — такое же название возникло и для первого общего греческого языка; он назывался "коине диалектос", что в греческом языке имеет то же самое значение, что и "латинский язык" в латинском — то есть "общий язык". Народ "коине" также никогда не существовал. Впоследствии это первое название греческого языка перестало широко употребляться, и вопрос о возможном существовании племен "коине" сам собой отпал. Но с названием языка Рима этого не произошло, оно сохранилось и породило гипотезу античных латинов. Нечто сходное наблюдается и сегодня в процессе усвоения английского языка отсталым населением тихоокеанских островов. Образовавшийся гибрид получил презрительное наименование "пиджин-инглиш", или просто "пиджин", т.е. буквально: "свиной английский". И не исключено, что через две тысячи лет историки будут настаивать на существовании отдельного народа "пиджин".

Язык, именуемый "латинским", сформировался в Римской республике через несколько веков после возникновения Рима в результате смешения нескольких языков. Подобное "латинское" название получил и небольшой аграрный регион Лаций, что переводится с латинского языка как "расширение, окружающее". Социально-правовой термин "латины" не был этническим и относился к любому жителю Римской республики, который не имел полного римского гражданства и не обладал всеми "римскими" правами. Римлянин, например, не мог быть в рабстве у другого римлянина; в то же время римлянин мог иметь у себя раба из латинов.

Через два века после перехода к республике официальный язык Рима и язык армии стали называться "латинскими", но сама

республика, ее граждане, право, затем империя, императоры, все структуры власти остались "римскими". Термины "римский" и "латинский" неэквивалентны, у них разное происхождение и разное содержание.

Термины "латинский", "Латий", "латины" — не единственные термины, этимология которых восходит к общему корню "latum". Верховный бог античного пантеона богов этрусков Иеова (Юпитер) в Римской республике называли еще и "Латиаром" (еще один алтарь Иеовы находился в это же время в Македонии); "latus fundus" означало "большое хозяйство, латифундия", "lati-clavus" означает "широкая полоса" и знаменита тем, что ее носили на своих тогах сенаторы, "latum pedes" — плебеи и основная часть римской армии и т.д. Иными словами, все латинские слова с основой лати(н) происходят от одного общего корня — прилагательного "широкий, общий". И история не располагает никакими данными говорящими в пользу какого-либо этнического содержания этих слов.

Основной лингвистический факт истории Европы состоит в том, что латинский и славянские языки имеют общий генетический корень. Происхождение языка не может быть установлено просто лишь на основании совпадения некоторых слов, т.к. множество слов в результате развития контактов перешли из одного языка в другой. Во всех современных языках есть большое число слов, заимствованных из латинского языка.

Генетическим корнем языка является структура его грамматики. Слова могут легко меняться, заимствоваться и переходить из одного языка в другой, но грамматический строй, структура языка, его морфология, синтаксис при этом не меняются. Структура языка, в отличие от словаря и фонетики, консервативна и не меняется, как показывает история, тысячелетиями. Устойчивость грамматики демонстрируют все известные языки с долгой историей. Примерами могут служить греческий и латинский языки. Грамматика греческого языка не изменилась за 2800 лет. Сохранились все принципы грамматики, категории, изменились лишь некоторые окончания в нескольких

типах склонений и фонетика. (Фонетика может отличаться в одно и то же время в разных местах проживания.) В то же время словарный запас греческого языка изменился почти полностью, и менялся он не один раз.

Такую же устойчивость демонстрирует и грамматика латинского языка: структура грамматики, все ее категории, принципы, формы, конструкции сохранились. Изменились лишь некоторые окончания. В то же время словарный запас латинского языка менялся. Вообще любой живой язык являет собой пример того, как сильно менялся его словарный запас за относительно небольшой промежуток времени. У каждого европейского языка в настоящее время есть т.н. "старый язык" — его предшественник, которым пользовались всего 7-8 веков назад. Но то, что объединяет каждый язык со своим "старым языком" — это структура языка и грамматики.

Сравнение грамматик всех европейских языков с грамматикой латинского языка обнаруживает, что наиболее близкими к латинскому языку являются славянские языки. И не просто наиболее близкими, а принципиально и кардинально близкими — совпадают все основы грамматики, все категории, принципы, конструкции, формы. Отличие состоит лишь в некоторых окончаниях. (Отличий в окончаниях у старославянского языка и латинского языка было меньше.)

И в это же время грамматики так называемых романских языков кардинально отличаются от латинской, между ними практически нет ничего общего. Они имеют совершенно другую, нелатинскую, грамматическую основу, другой синтаксис, морфологию. В отличие от латинской грамматики в "романских" языках нет склонений, падежей, среднего рода, совершенно другая система форм глаголов, другой синтаксис, но есть артикли (в итальянском их наибольшее количество) — то есть все ровно противоположное латинскому языку. Трудно сравнивать, по существу, латинскую грамматику и грамматики "романских" языков, т.к. неясно, что именно можно сравнивать.

Латинский язык и славянские языки стоят обособленно от

всех остальных: они единственные не имеют артиклей, у них одинаковое число падежей и склоняются не только существительные, но и другие части речи, у них общая система глагольных форм, отличающаяся от всех других языков, другой синтаксис и многое другое. Перечисление грамматических категорий, форм и конструкций общих для латинского и славянских языков и отсутствующих или в корне отличающихся от других европейских языков можно продолжить.

Этот основной лингвистический факт отражает исторические события полуторатысячелетней давности, происходившие при распаде Римской империи, то время, когда германские и готские кочевые племена "варваров" средней Европы наводняли Апеннинский полуостров. Они пришли вместе со своим языком, но естественно заимствовали многие слова из латинского. Народный же язык Римской империи со своей грамматической основой сохранился в её византийской части. Латинский и славянские языки объединяет не только грамматика. Родственность латинского и славянских языков подтверждается еще одним признаком. Как известно, в славянских языках латинских слов не меньше, чем в других языках. Как было отмечено из простого наличия латинских слов еще не следует родственность этого языка латинскому. Действительно же важно, то какие именно слова совпадают. В латинском и славянских языках совпадают фундаментальные, изначальные коренные слова, которые возникли на самом раннем этапе формирования языка, а не попали в него в результате более поздних контактов, как это произошло в других языках. Скажем, такие слова, как дом, мать, луна, солнце, сформировались на самом начальном этапе развития языка и существенно не изменились. Латинские слова *dom, mater, luna, sol, nova, est, fructa, semena, vera, volo, sibi, mini, tibi, tui, nema, pasti, ne, vidit, vertit, stoit, brosh, pripea, vethum*(ветхий), *atque* (читается 'ake'), *nunce*('нынче'), *spina, cost, persona* и многие другие в переводе не нуждаются. Отметим еще одно исторически очень важное этрусско-латинское и древнеславянское слово '*perug*' (обжигать), которое является

корнем имени бога древних славян Перуна. Очень важным является также и двойное совпадение: в латинском языке слово 'est' имеет те же два значения что и в русском — 'быть' и 'есть'(пищу). Такое совпадение не может быть результатом простого заимствования. Это коренное изначальное совпадение.

Старославянский и старорусский языки по словарному запасу были еще более близкими к латинскому языку. В старославянском языке, например, слово "кушать" означало то же, что и в латинском языке — готовить еду, кухарить. Славянские языки либо выросли из латинского, либо они вместе с латинским выросли из общего корня.

Что же касается этрусского языка, то все, что известно о его грамматике, совпадает с соответствующими формами латинского языка. Это лингвистическое подтверждение того исторического факта, что латинский язык сформировался на основе этрусского, и этрусский язык был предшественником латинского, т.е. является по сути "старо-латинским" языком. Также, как скажем, старославянский язык был предшественником старо-болгарского, старо-русского...

В период распада Римской империи её коренной народ был вытеснен германскими и готскими кочевыми племенами "варваров" с Апеннинского полуострова на материк, в Византийскую часть империи и постепенно стал именоваться славянами. Народный язык европейской части Византии называвшийся народной латынью (*latina rustica*) или старославянским языком имел, как и все современные славянские языки, структуру и грамматику латинского языка.

Мы не пользуемся сейчас Глаголицей, этим 38-буквенным алфавитом, по преданию составленным для церковной литературы. Происхождение алфавита, который сегодня используется и именуется также "кириллицей" точно не установлено. Он использовался в инскрипциях, например, на территории Болгарии, задолго до появления первой христианской славянской литературы. По своему составу — это несущественная модификация этрусского алфавита, в который

введены две дополнительные буквы 'Ь', 'Ю'. Из всех известных в Истории алфавитов, этрусский является самым близком к "кириллице". Отличие в две буквы, которые не являются согласными, не существенно и значительно менее принципиальное, чем отличия существовавшие, например, между многочисленными вариантами греческого алфавита (ионическим, афинским, коринфским, самосским, катчиским, византино-греческим и другими). "Кириллица" отличается от античного этрусского меньше, чем от любого варианта греческого алфавита. Хорошо известно, что основу всех известных алфавитов составляли согласные буквы. И они у нас полностью совпадают с этрусскими; в то же время в "кириллице" есть несколько согласных, которых нет ни в одном из "греческих" вариантов.

Наличие у славян при смене религии двух алфавитов — это неслучайный и нетривиальный феномен, это имеет глубокую основу. У большинства ученых не вызывает сомнений факт существования до-христианской славянской письменности. Она была языческой, и исторических шансов выжить у нее не было.

Дохристианская религия Перуна — это поздняя религия этрусов. Известно лишь одно имя бога язычников-монотеистов европейской части Византии — это Перун. Символика Перуна обнаружена в античных этрусских погребениях и городах в различных местах Апеннинского полуострова, Византии, Болгарии, славянских княжеств.

Очень важно то, что эта дохристианская религия была уникальной: в Европе не было другой полноценной реальной дохристианской религии кроме той, которая была у этрусов затем у римлян и, наконец, у славян. Греческая мифология не была связана определенными религиозными культами с пантеоном богов и реальной религией не являлась. "У греков не было самого слова для обозначения религии." (Британника, 1989, т.18, 911). Уровень религии "варварских" (германских, готских, кельтских) племен был значительно более низким. Практиковались человеческие жертвоприношения. Религия представляла собой скорее персональное отношение человека к

избранному им идолу, нежели общепринятый культ. Жертвоприношения людей у кельтов были запрещены Римским императором Клавдием, а у германо-скандинавских племен они еще продолжались и в VIII веке н.э.

Iovī (Яве, Иеова) был главным богом античного пантеона богов этрусков. (Его принято называть Юпитером.) Короли Македонии поклонялись этрусскому богу Иеове-Солнцу, один из алтарей которого находился на одном из самых высоких мест Тракии. Этруско-римская религия пришла в своем развитии к единственному богу всего сущего Иеове-Солнцу (Перуну). Имя Перун происходит от этруско-римского слова 'жечь, палить'.

Пенаты — родовые боги античных этрусков и ангелы-хранители дома поздних Славян. Поп — ранг этруского священника.

Первоначально в Византии употреблялось еще одно персональное имя Христа — "Радимир". Этимология этого имени славянская. Оно означает "спаситель". Константин I Великий (Константин Валерий) и его отец употребляли именно это славянское имя Христа при обращении к нему (Eusebius. *Vita Constantini*, 2, 49).

В Европе за всю ее историю были известны лишь две монотеистические религии: Перуна и Христа-Радимира. В выборе между ними и состояла религиозная проблема протославян и многих императоров Рима и Византии, включая Константина Великого. Первый христианский император все же до конца своей жизни не мог окончательно порвать с религией предков: свою первую христуграмму он увидел в лучах солнца, при посвящении Константинополя центральным объектом была колесница бога Солнца, над которой возвышался крест. (До сих пор в республиках Югославии крест Христа совмещен с лучами солнца.) В начале 6-го века в Византии произошел исторический раскол — часть протославян придерживавшаяся старой (языческой) монотеистической религии Перуна вынуждена была покинуть Византию. В литературе на византийско-греческом языке появился термин "склавин". Латинские авторы именовали

их "венетами" — это показывает место их проживания и происхождение — Венето-Истрийский район Римской империи.

Религиозно-политический раскол положил начало формированию отдельных (как принято называть, славянских) государственных формирований. Но это не окончательно решило внутреннюю проблему европейской части Византии. Колебания между Христом и Перуном существовавшее долгое время продолжались. Колебалась и приверженность императоров Византии: Юстиниан заявлял о своей приверженности Христу, его преемник Юстин II — Перуну.

Для языческой Руси Константинополь остался главной столицей — Царьградом. Следует подчеркнуть этот важный факт, что не для христиан, а для язычников, которые не принимали христианство еще более трёх веков, христианская столица Византии была главным городом ! Русские дружины воевали на стороне Византии будучи язычниками. Между Византией и Русью существовали договоры об оказании военной помощи императору. В Царьграде постоянно присутствовала военная дружина русских и она была надежным защитником императора. В самой Византии отношение к этим фактам было двойственным. Некоторые христианские летописцы иногда называли походы русских дружин для оказания военной помощи Царьграду нападением на него, но многие из этих сообщений не подтверждаются ни другими источниками ни археологическими данными. Это важное несоответствие еще раз демонстрирует глубину религиозной нетерпимости существовавшей в Византии, а также то, что не всегда император Византии был согласен с патриархом в военных вопросах. Для императора это была военная помощь, для патриарха и некоторых христианских летописцев — "нападение". И тот и другой были по своему правы со своей стороны: для патриарха Византии эта военная помощь видимо была "вторжением паганов" (язычников) в его религиозные владения.

Переход в начале XI века восточных славянских княжеств в христианство разрешил очень глубокую, болезненную и почти

тысячелетнюю историческую проблему: мощная языческая религия служившая идеологической базой государственности этрусков-римлян-славян ушла. К великому сожалению вместе с ней ушла — и она не могла не уйти, — языческая литература и вместе с ней ранняя дохристианская предыстория славян.

Здесь необходимо сказать что нет и не может быть никаких сомнений в преимуществе христианства перед языческой религией, и даже перед ее поздней монотеистической формой бога Перуна. Все языческое должно было уйти. К счастью, кроме языческой литературы, ушло не все. Остались материальные данные.

Национальная письменность и литература в Европе стала складываться в средние века. До этого существовала лишь греческая и латинская письменность и литература. Литература франков и славян были первыми текстами национальных литератур Европы. Первый литературный текст на итальянском языке (а не на латинском языке !) появился только в конце XII-го века т.е. почти на 200 лет позже болгарских, русских и других славянских литературных текстов. Славянская литература появилась намного раньше национальной литературы других народов Европы: например на 300 лет раньше полуслоговой (не чисто буквенной) исландской, которая была первой среди всей скандинавской литературы. [...]

Одним из самых выдающихся, жизненно важных достижений этрусков было приручение ими дикой курицы ("рустик птицы"). Изображение "рустик птицы" можно найти на этруских вазах, иногда вместе с пятиконечной звездой. Небольшие сосуды для чернил также делались в форме рустик-птицы и украшались алфавитом.

Слово "рустика" использовалось этрусками для обозначения правильно организованного сельского хозяйства высокого уровня, слово "культура" у этрусков-римлян означало аграрные приемы возделывания. Плодородная область недалеко от Валерии называлась Росиа или Росеа. (Как сообщают римские историки, конопля там росла высотой с фруктовое дерево.)

До XVIII века Русь, Россия встречала Новый Год, как и античные этруски, 1 марта. У этрусков Новый год начинался в первую календу года, т.е. 1 марта. Первый календарь этрусков имел 10 месяцев и начинался с марта, первый день месяца назывался календой. Январь и февраль были добавлены в календарь позже. Названия первых месяцев происходили от имен античных богов этрусков. Например, название месяца июнь дано в честь этрусской богини Юно, знаменитый храм которой был возведен в старинном этруском городе Валерии. Названия последних 5 месяцев повторяют наименования цифр от 6 до 10. Этим объясняется то, почему последний месяц, декабрь, означает не "двенадцатый", а "десятый". Названия шестого и седьмого месяцев были позднее замены Юлием Цезарем и их первым императором Августом.

Множество славянских имен и названий этрусские. Вот лишь некоторые этрусские имена — Алексатр, Валерий, Сервий, Евгееней, Тулий, Олей, Руссус, Юлий, Анина, Юлия, Анне, Лариса, Зина, Лена, Танна, Свейта; названия областей — Венета, Росеа (Росиа), Валерия, Вея, и названия городов — Руси́ла, Перуссия, Антий, Арбат, Валерия, Адрия, Спина, Добруя, Равенна, Остия(Устия), Вея, Кумэ, Популония, Сатурния, Фесценция и другие.

Имя Валерий содержащееся в полном имени Константина I Великого, основателя Константинополя, а также в именах многих других римских и византийских императоров указывает на их корни в старинном этруском роде Валериев, который был известен с IX века до новой эры.

В соседнем к Валерии городе Фесцинии (от названия которого происходит слово фестиваль) проходили ежегодные фестинийские праздники народных сатирических песен-куплетов (частушек).

Важным материальным признаком исторической идентификации культуры является обряд захоронений. Этруская культура ясно идентифицируется обрядом захоронений отсутствовавшим у других народов: кремирование и захоронение в

урнах. Этот обряд сохранился у дохристианских язычников Руси.

Сведения исторической литературы сильно отличаются по своей достоверности. С каким бы уважением не относиться к исторической литературе, тем не менее идеализировать ее нельзя. Проблема исторической литературы состоит, как известно, в том, что в результате несохранения и неоднократных переписываний манускриптов, не всегда ясно, что же в ней есть правда, а что вымысел или умысел.

Археологические сведения, материальные данные культуры (лингвистические, дохристианская религия, традиции и другие) не только компенсируют потерю литературы — они не поддаются фальсификации и этим определяется их приоритетность.

"Повесть Временных Лет" — это выдающийся и достойный памятник древней литературы, которым можно гордиться, но не непрекаемый учебник истории. Эта повесть — памятник религиозной поучительной литературы, главный стержень которой — борьба с язычеством. Ранняя (языческая) история древней Руси из Повести исключена (сильно искажена).

Еще раз повторим: не может быть никаких сомнений в закономерности перехода к христианству, но в историческом плане предыстория славян — языческая, и в самой высокой степени развитая.

Достоверно установлено, что легенда о мнимом приглашении никому неизвестных "варягов" и ряд других описанных в повести событий неисторичны.

Есть достаточные основания утверждать, что император Август, как и некоторые другие Римские императоры (Клавдий, Отон, Константин...) и его заместитель знаменитый Меценас, были этрусками по происхождению. Это знали и русские князья в X веке, когда выводили свою родословную от Августа.

Известны факты, говорящие о том, что несохранение манускриптов этрусков, древних славян в прошлом не всегда было результатом стихийных бедствий. Тревожно то, что некоторые этрусские инскрипции утеряны уже в наше время. Но

есть еще археологические памятники. Пока еще есть, и, вслед за Югославией, небо над ними отнюдь не безоблачное.

ЭТРУСКИЕ НАДПИСИ И ВАРИАНТЫ ИХ ДЕШИФРОВКИ*

Древнему Риму, чья история и культура более или менее известны каждому выпускнику средней школы, предшествовала Этрурия или Этруская, культуру которой римляне называли "величайшей"... Ученый и литератор Владимир Щербаков обнаружил в книге первой молодежного сборника исторических очерков и статей "Дорогами тысячелетий" статьи "Тропой Трояновой" и "Тайны этрусских зеркал":

"Одна из древнейших фресок изображает леопарда, сидящего на крупе коня. Фреска найдена в Италии, но этруски пришли туда из Малой Азии. В языке хеттов, населявших Малую Азию, можно найти корень "рас" или "раш" в слове "леопард". Этруски же называли себя расенами. Можно утверждать, что черная керамика, найденная недавно в малой Азии, близ Гордпона и датированная вторым тысячелетием до нашей эры, очень близка керамике этрусков - знаменитой буккеры..."

В конце XI века лютого зверя "парда" упомянул в своем "Поучении" Владимир Всеволодович Мономах, предпоследний правитель единой киевской Руси, а "быстроногий русский пард" запечатлен на одной из берестяных грамот XII века. А слово "леопард" в современном русском языке образовано из двух слов - "лео" (лев) плюс "пардус" (пард). Многие, как правило, не задумываются над смыслом и происхождением слов родного языка, превосходно понимая их значение... Далее будет показано, что научная гипотеза "о родстве русского и этрусского языков, русской и этрусской культур" вполне состоятельна, так как на сегодняшний день подтверждена фактами. Конечно, непосредственно этруски не являются предками нынешних славянских народов. Этруски были одним из праславянских народов, позже ассимилированным соседями... [Например, можно привести аналогию с народом басков, которому удалось

* <http://paganism.ru/etrus.htm>

сохраниться до наших дней - считается вполне состоятельной гипотеза об исходе басков с Кавказа и родственности басков современным грузинам; так же, по наглядной аналогии - и этруски древности могли являться отделившейся ветвью праславянства].

По словам Владимира Щербакова, "этруские надписи до сих пор не поняты исследователями. Можно говорить лишь об отдельных удачах в их переводе. Однако на многие вопросы можно получить ответы, ... открыв тайны этруских зеркал. Бронзовые зеркала клали в могилы, они сопровождали покойника в дальний путь.

Особенность этруских надписей состоит вот в чем: текст может читаться справа налево, слева направо, сверху вниз и снизу вверх, буквы оказываются повернутыми, вместо одних букв иногда пишутся другие. Таковы надписи на полированных бронзовых зеркалах.

Эта особенность, кажущаяся странной, объясняется тем, что художники и мастера, исполнявшие надписи на бронзовых зеркалах, были зачастую неграмотными. Копируя слова и буквы с других зеркал, они прибегали к зеркальному отражению. Но при отражении, тем более многократном, буквы поворачивались, слова искажались - так появились все особенности и головоломки этрусского письма. После тщательного изучения этруских надписей мне (Владимиру Щербакову) удалось парные зеркала, доказывающие зеркальный метод копирования.

Думается, удалось обнаружить и второй главный ключ к этрусскому. Этруски писали, как слышали, как произносили (в отличии, скажем, от современного языка). "Рожь" мы произносим "рош". А этруски так и писали : "рош", "раш". Мягкого знака не было вообще, как не было букв "э", "ы", "щ", "ф", "ъ", "я", "ю". Некоторые звуки передавались в этруских надписях двумя буквами. Вместо "ы" писалась "и", как в украинском.

Вот несколько этруских слов: Ита - эта; али - или; ми - я; мини - меня, ен - он (как тут не вспомнить слова одного из отрицательного персонажей прославленного русского писателя-

демократа Михаила Евграфовича Салтыкова-Щедрина (1826-1889) жестокого кулака Разуваева: "Ен достанет!" - В.П.); ени - они; араж - лев (созвучие русскому - орать); нама, ама - яма; тал - дело, делать; тес - лес, доска; мак - мак; пулу - поле; зар, жар - жар, заря; царес - царица; лар - ларь, гроб; лад - ладо, дорогой; спур - сбор, город; лаутни - люди (людни; ау - ю).

Остановимся на двух заключительных строках надписи "А" - главной этрусской надписи на золотой пластинке из Пирги, найденной сравнительно недавно. Считается, что это финикийско-этрасская билингва (двуязычная надпись - В.П.). из этого некоторые этрускологи делают далеко идущие выводы. Однако вряд ли это билингва. Параллельный финикийский текст гласит: "Годы, как звезды". Этрасский текст двух последних строк в русской транскрипции "Авил ени, ака пулу мква". Применим сформулированный выше правила чтения этрусских надписей. Ени - они, яко - как, мква - маково (пропущены гласные). Точный перевод: "Годы, как поле маков (маково)". На этом примере хорошо видно, на каком языке говорили этруски. Образность и древние корни роднят его с хеттским и хаттским. Медь по-хеттски называлась куваной. Корень этого слова остался в глаголе "ковать". Хаттское "свит" - свет перевода не требует. В хаттском языке есть важное слово "капрас". Его переводят как "леопард". Но это не просто леопард, а священный леопард. Корень "кап" остался в этрусском слове "капен" - "кепен" - жрец и в славянском "капище" - святилище. Священный леопард хаттов - наследие глубокой древности...".

Оставив в покое священного леопарда хаттов, вернемся к глаголу "ковать", названному Щербаковым. В его русскости, славянскости не сомневались даже злейшие враги России и Великого русского народа. В украинском языке коваль - кузнец. В России одной из наиболее народных и самых распространенных фамилий, образованных от названий профессий людей, является фамилия "Ковалев". Николай Васильевич Гоголь (1809-1852) сделал главным действующим лицом своей повести "Нос" коллежского асессора Ковалева, и

почти у каждого читателя этой книги найдутся Ковалевы или Ковали среди родственников, друзей, знакомых или сослуживцев. Мало кто, однако, знает, что русско-славянское профессиональное прозвище "Коваль" в его старинной краткой форме "Кова" было распространено в ... древнем Иране и в древнем Таджикистане, где славянский кузнец Кова прославился как вождь народного восстания против царя-изувера Заххока (Закхока) и стал главным героем первой части поэмы-эпопеи классика таджикской и персидской (Иранской) литературы Абулькасима Фирдоуси "Шахнаме" ("Книги о царях"), что Ковы и Ковали добрались до Индии во втором тысячелетии до н.э. и принесли туда "Веды" (от славянского глагола "ведать"-знать) и ведическую цивилизацию...

"В Чатал-Гуюке (древнем городе Малой Азии) найдена статуя Богини-Матери, восседающей на троне, подлокотники которого выполнены в виде двух леопардов. Этой статуе около семи тысяч лет. Мотив с леопардом близок этрускам. На древнейшей этрусской фреске "Кампана" изображен мальчик верхом на лошади и леопард за его спиной. Корень "рас-рус" (лео- пард) остался в самоназвании этрусков. Как известно, этруски сами себя называли расенами или, с учетом более позднего славянского нажима на "о", росенами. Так же поздние авторы античности, упоминая этрусков, называли их "словенским племенем". Не стоит утверждать, что подготовленный читатель, усвоивший изложенные выше правила чтения, легко сможет понять этрусские надписи. Но, все же, многие надписи, тем не менее, русскому читателю будут доступны, и смысл их будет ясен. Чаще всего тексты искажались при копировании и переписке. Корни сохраняются, но слова приобретают со временем иной оттенок, нередко происходит переосмысление. Но современный язык сохраняет органическое родство с языком росенов-этрусков, удерживая в себе все главные корни этрусского. В этом - главный ключ к древним надписям.

Этруски - это, образно говоря, лист, оторванный от хетто-славянского дерева. В этой связи можно упомянуть и рутенов,

живших в Южной Франции, и филистимьян, и троянцев, фрингийцев, хананеев. В "Слове о полку Игореве" упоминаются не венециане (как трактуют иные переводчики), а "венедици" - венедици, венеды (=славяне). Плач по "уноши князи Ростиславе" - тоже след от эпохи этрусков. Имя одной из богинь Этрурии - Уна, юная. Тогда говорили "уноша", но не "юноша"...Теперь нам станет понятнее, почему слово "дарительница" писалось по-этрусски "туран" (то есть "доран"), "сусло" - "зусло", "кабан" - "корчази" (ср. "корчевать")...

Славяне-венеды были хорошо известны древнеримским и древнегреческим ученым и писателям около двух тысяч лет тому назад. По многочисленным свидетельствам античных авторов, венеды жили в центре и на востоке Европы, между Карпатскими горами и Балтийским морем. По имени венедов Балтийское море называлось тогда Венедским заливом Северного океана; а "Черное море" именовалось "Русским морем" до XV-XVI веков. По единодушному мнению археологов, славяне-венеды были исходными, коренными обитателями Европы, потомками племен и племенных союзов, живших здесь еще в каменном, медно-каменном и бронзовом веках.

Древнее название славян - венеды - сохранилось в языках ряда германских народов вплоть до позднего средневековья, а в финском языке Россия до сих пор называется Венейей. Само название "славяне" стало широко распространяться полторы-две тысячи лет тому назад. Названия "росены", "русены" и "Русичи" уходят в глубь тысячелетий бронзового и раннего железного веков славянства, а некоторые исследователи утверждают, что их употребляли еще трипольцы и даже сунгирцы (!), но эти предположения пока не подкреплены бесспорными доказательствами, хотя очень правдоподобны.

Славяне жили не только в Восточной, Центральной и Юго-Восточной Европе, но и в Западной Европе. Особенно много их было в долинах Рейна и Лабы (Эльбы). Западные славяне-руссы, населявшие южное побережье Венедского (Балтийского) моря, назывались поморянами, а их земля - Поморьем. Позднее

германцы, окультуренные славянами, стали именовать Поморье Померанией, а бывшую славянскую Поруссию - Пруссией. Славяне-валлоны заложили основу валлонской (ныне Бельгийской) металлургии, славяне-этруски создали базу древнеримской цивилизации, славяне-хетты - предвосхитили древнегреческую. Почти все древние славяне оставили интереснейшие письменные памятники.

"Когда заходит разговор о сходстве этрусского и русского, - писал Владимир Шербаков, - мне вспоминаются этрусские надписи на могильниках. Одну из таких надписей, пронизанную глубокой скорбью и человечностью, хочется здесь привести. Это надпись на могиле женщины. Писавший восклицает: "Лар ое целуа". "Лар" - это современное русское "ларь", "гроб". Надпись не требует перевода на русский, в ней все понятно. "Гроб твой целую" - вот что написано на могиле..."

ТАЙНЫ ЭТРУСКОВ РАССЕИВАЮТСЯ*

Великий путь ариев в Европу тянется из Азии. На этом пути профессор Белградского университета Милое Васич открыл блистательную древнейшую культуру Европы близ слияния реки Савы с Дунаем. По названию местечка Винча эта культура получила название "винчанской". Исследования продолжались, и наконец языковед из Белграда Радивое Пешич обнаружил древнейшие письмена, получившие название звездной письменности. Эти древнейшие письмена и знаки для письма были прообразом этрусской письменности. Той самой, которая до сих пор мировой наукой признается сверхзагадочной и безуспешно расшифровывается вот уже 200 лет.

Загадочные этруски пришли в Италию с Востока и шли по Дунаю. Истоки их языка (и письменности) нужно искать в Малой Азии. На многие вопросы этрусских подписей можно получить ответы, лишь изучив их и открыв тайны этрусских зеркал. Бронзовые зеркала этруски клали в могилы, они сопровождали покойника в дальний путь.

Как предполагают многие этрускологи, особенность этрусских надписей состоит в том, что: текст может читаться справа налево, слева направо, сверху вниз и снизу вверх, буквы оказываются повернутыми, вместо одних букв иногда пишутся другие. Таковы надписи на полированных бронзовых зеркалах.

Эта особенность, кажущаяся странной, объясняется некоторыми этрускологами тем, что художники и мастера, исполнявшие надписи на бронзовых зеркалах, были зачастую неграмотными. Копируя слова и буквы с других зеркал, они прибегали к зеркальному отражению. Но при отражении, тем более многократном, буквы поворачивались, слова искажались - так появились все особенности и головоломки этрусского письма. После тщательного изучения этрусских надписей мне удалось

* <http://paganism.ru/etrus.htm>

найти парные зеркала, доказывающие зеркальный метод копирования. Думается, удалось обнаружить и второй главный ключ к этрусскому языку. Этруски писали, как слышали, как произносили (в отличие, скажем, от современного языка).

"Рожь" мы произносим "рош". А этруски так и писали "рош", "раш". Мягкого знака не было вообще, как не было букв Э, Ы Щ, Ф, Ъ, Я, Ю. Некоторые звуки передавались в этрусских надписях двумя буквами. Вот несколько этрусских слов (некоторые из них известны этрускологам): Ита - эта; али - или; мини - мен; ен - он; ени - они; араж - лев (созвучно русскому "орать"?); мак - мак; пулу - поле; жар, жар - жар, жар; царес - царица; пар - ларь, гроб; лад - ладо, дорогой; спур - сбор, город; лаутни - люди.

Остановимся на двух заключительных строках надписи А - главной этрусской надписи на золотой пластинке из Пирги, найденной сравнительно недавно. Считается, что это финикийско-этрасская билингва. Из этого некоторые этрускологи делают далеко идущие выводы. Однако, вряд ли это билингва. Параллельный финикийский текст гласит: "годы как звезды". Этрасский текст двух последних строк в русской транскрипции: "Авил ени ака пулу мква". Применим сформулированные выше правила чтения этрусских надписей: Ени - они; Пулу - поле; Ака - аки, яко, как; Мква - маково (пропущены гласные). Точный перевод: "Годы, как поле маков (маково)". На этом примере хорошо видно, на каком языке говорили этруски. Образность и древние корни роднят его с хеттским и хаттским. Медь по-хеттски называлась куваной. Корень этого слова остался в глаголе "ковать". Хаттское "свит" - свет - перевода не требует. В хаттском языке есть важное слово "капрас". Его переводят как "леопард". Но это не просто леопард, а священный леопард. Корень "кап" остался в этрусском слове "капен - кепен" - жрец и в славянском "капище" - святилище.

В Чатал-Гюйюке найдена статуя Богини-Матери, восседающей на троне, подлокотники которого выполнены в виде двух леопардов. Этой статуе более семи тысяч лет. Мотив с леопардом близок этрускам. На древнейшей этрусской фреске

"Кампана" изображены мальчик верхом на лошади и леопард за его спиной. Корень "рас-рус" (леопард) остался в самоназвании этрусков. Некоторые этрускологи считают, что этруски называли себя расенами или, с учетом более позднего славянского нажима на О, росенами.

Корни прославянского языка уходят в глубь тысячелетий, и об этом еще раз свидетельствуют этрусские надписи. Одно из трудных этрусских слов записывается так: Suthi. Но эта запись не может передать своеобразия этрусского произношения. Само слово переводится этрускологами так - "могила", "гробница". Но перевод этот выполнен, исходя из контекста, а не из звучания слова. Звучание же этого слова латиница передать не в состоянии: букв для шипящих звуков, а также звука Ч в ней попросту нет. Этруски передавали звук Ч буквой, которую латиница передает как th. Она неоднократно встречается вместе с этрусским алфавитом, начертанным рукой ученика. Как выше говорилось, этрусскую букву У следует читать как О или Е. Буква И означает смягчение.

Установленные выше правила звучания и чтения помогут и в этом случае. Слово звучит так: "сечь". Да, его можно переводить как "могила" (именно так поступают этрускологи), но по другой версии, перевод может быть и иной. Сечь - сечь. Лишь незначительное отличие в звучании от всем известного славянского "сечь". Но существительное "сечь" означает "сруб". Именно в этом значении можно воспринимать "Запорожскую Сечь", "засеку" и многие другие слова. Тот же этрусский корень и в словах "просека", "лесосека" итд. Перевод этрусской "сечи" дает возможность заглянуть в далекое прошлое. Ведь науке известны срубные погребения и целые срубные культуры далеких эпох. Этрусская "сечь" восходит к тем именно временам. Историкам и археологам хорошо известна срубная культура ариев эпохи бронзы. Некогда представители ее хоронили умерших в могилах, обложенных деревом наподобие бревенчатого сруба. Такие могилы найдены во множестве и на территории нашей страны, например, в Нижнем Поволжье.

Общеславянское "зеркало" родственно словам "зреть", "зоркий", "зрак". Но оно же родственно и этрусскому "серн" в значении "рисунок". В этом этрусском слове сохранился древнейший звук С, именно он является атрибутом архаической эпохи и знаком почти всем народам издавна. Но "срен" звучит почти так же, как "зрен", с заменой С на З. Срен - зоен - зрелище. Эта цепочка закреплет родство древнего этрусского и многих русских слов.

Этрускологи гадают, как точнее перевести этрусское слово "рува", и склонны считать, что переводить его следует так: "брат", "младший брат". Но латинская транскрипция не передает особенностей этрусского произношения. Звук, обозначенный латинской буквой У, был иным, он был порой близок к звуку, обозначаемому современной русской буквой "Е:" (йо) - не даром же для этого "упрямого" звука пришлось ввести дополнительно специальную букву. И вот, реконструировав этот древний и не исчезнувший до сего дня звук, мы получим: "ре:ва". Что это за слово? Русский глагол "реветь", употребляемый по отношению к громко плачущему ребенку, дает точный ответ, который почти не нуждается в комментариях. Да и слово "ре:ва" не умерло в живом русском языке. Ре:ва (ruva) - это младший ребенок в этрусской семье. Того же корня слова "ребята", "ребятня" и даже мальчишеское "ре:бя". Ибо две буквы В и Б и два звука, которые они изображают, многократно заменяли один другой.

Одна из этрусских фресок, найденна на стенах склепа близ Орвието, изображает кулачный бой под звуки деревянной флейты и дудки. "Флейтист" по-этрасски "суплу". С учетом правил произношения получается "сопло". Этот корень есть и в русском языке. Сопель - деревянная дудка. Сопелить - играть на сопели.

Известно, что римские цифры - это заимствованные римлянами этрусские цифры. Они хранят в себе тайны по крайней мере 20 тысячелетий. Во многих пещерах кроманьонской эпохи обнаружены отпечатки рук с "отрезанными пальцами". Специалисты связывают это с магическими обрядами левой и правой руки. Но это не так. Никто не отрезал пальцев в

этом "обряде", потому что следы раскрытых ладоней служили кроманьонцам цифрами - первыми цифрами в истории человека и человечества. И эти первые цифры очень похожи на римские цифры, доныне украшающие циферблаты современных часов или страницы монографий. Есть версия, что кроманьонцы могли красить те или иные пальцы рук, и отпечаток означал (например): столько-то соплеменников погибло на охоте.

Число "двадцать" звучит по-этрусски так: "зачром", "за чиром". Чир, чира - черта, и в этой форме слово это до нашего века широко употреблялось в народных русских играх, где оно означало некоторый предел, грань. Что за предел имели в виду этруски, говоря "за чиром"? Это выясняется, стоит лишь правильно "озвучить" числительные 16, 17, 18, 19. Они образуются у этрусков вычитанием соответственно 4, 3, 2, 1 от 20. Так, семнадцать по-этрусски означает три за чертой, восемнадцать - два за чертой. Это подтверждает двадцатеричный характер этрусской системы счисления по крайней мере в ее древнейшей форме.

Однако и числа первого десятка читаются этрускологами не точно. Между тем слова, означающие эти числа, не только наделены вполне конкретным смыслом, но и имеют точный эквивалент в современном русском. Так, цифре 2 соответствует слово "жал", буквально "жало", "раздвоение". "Три" по-этрусски звучит так: "ци". Именно этому этрусскому числительному обязано русское слово "цыплек". Оно означает в буквальном переводе: "трехпалый". Есть версия, что и украинское слово "цибуля" того же корня, означает "три боли" (от лука болит горло, глаза, нос). Сходно звучит и итальянское "чиполло" - луковица. Этрусская четверка - "са" осталась в русском языке, например, в числительном "сорок". При этом корень "са" перешел в соответствии со славянским нажимом на О в "со". Но что означает вторая часть "сорока"? Рок. Или, как удобнее произносить, рук. Перевод не требуется. Сорок - это дословно "четверо рук", четыре раза по две руки, сорок пальцев. Следующее число пять. У этрусков оно звучало так: мах.

Почему? Ответ прост: на руке пять пальцев, русское слово "мах" означает именно действие, производимое одной рукой. Со всего маху, с маху, одним махом. Эти исконные русские выражения и многие пословицы и поговорки используют именно этрусское числительное "пять". Это может являться еще одним аргументом в пользу в близости русского и этрусского языков.

И все же можно было бы возразить: если действительно "чир" означает черту, предел, то важно знать, с какой стороны от черты, справа или слева, располагаются этрусские числа меньше двадцати. В самом деле, черта, предел названы, а точности вроде бы нет. Так, может быть, "чир" вовсе не черта?

Этрусские мудрецы лишь один раз точно указали направление отсчета от двадцати. И сделали они это в ближайшем к "чиру" числе - в девятнадцати. Вот как звучит по-этрусски девятнадцать: "чо нем за чром". Это означает буквально следующее: "единицы нет за чертой". Действительно, числу девятнадцать не хватает именно единицы, чтобы получилось двадцать. Из этого следуют два важных вывода. Во-первых, этрусская система счисления построена именно так, как об этом рассказано выше. Во-вторых, само число девятнадцать дает нам еще одно этрусское слово, которого не найти в словарях лингвистов. "Нем" - нет. Собственно, слово это почти не требует перевода и пояснений. Ведь по-украински оно звучит так и до сего дня (если не считать окончания): "нема" означает "нет".

И в заключение фрагмента о числах вспомним об этрусской единице. Произносилось это так - "че:" ("чо"). Именно она, этрусская единица, дала начало стольким русским словам, что и перечислить их здесь невозможно. Счет, считать, читать, учет, чохом, чета - это лишь некоторые из них. И во всех этих словах либо подчеркивается элемент единства, либо указывается, что действие (счет) начинается с единицы.

Этруски были отважными мореплавателями. Историки свидетельствуют, что они не раз выходили в океан. Это же можно сказать о ближайших родственниках этрусков - филистимлянах, которые, как известно, являются выходцами с острова Крит,

потомками погибшей в 16 веке до н.э. крито-микенской цивилизации.

Многих исследователей привлекает загадка происхождения гуанчей, населявших Канарские острова. Сохранились даже отдельные надписи гуанчей, начертанные на камнях. Однако оставшийся материал ввиду незначительности объема пока не позволяет произвести расшифровку. Можно говорить лишь о более или менее достоверном прочтении одного-единственного слова "жизнь". Так же, как этруски, гуанчи были гостеприимным народом, любившим музыку и танцы. Жили они в каменных домах, умели бальзамировать тела умерших. Поклонялись гуанчи солнцу. Есть версия, что, возможно, одна из морских экспедиций этрусков могла привести к заселению Канарского архипелага.

Но в подобных экспедициях корабли могли сбиваться с курса, бури могли относить их далеко в океан. Человеческую маску с высунутым языком этруски изобразили на бронзовых зеркалах. Точную копию этой маски конкистадоры обнаружили в Америке (что, конечно же, не дает никаких оснований делать какие-либо далеко идущие выводы).

Некоторые этрускологи считают, что маска эта - изображение головы Горгоны. Что касается ее американской копии, то о ней часто не упоминают. Дело в том, что по одной из версий, такая маска не может быть "дублирована" случайно: это явный признак культурных контактов - такой позиции придерживаются историки - "диффузионисты". Можно объяснить сходство пирамид, календарей, некоторых обрядов, исходя из того, что солнце одинаково светит всем - на том и на этом берегу Атлантики. Однако, "маска с высунутым языком несет вполне конкретную и однозначную информацию", как считают историки-"диффузионисты". Чтобы попытаться разобраться в этом, можно обратить внимание, прежде всего, на этрусские тексты, которые не переведены этрускологами. На одном из зеркал изображена человеческая голова с высунутым языком. Женщина протыкает эту голову копьем. Рядом стоит мужчина с кинжалом наготове. Текст гласит: "Ведме акоенем". Перевода эта

надпись, как и большинство других этрусских надписей, не требует: "Ведьме окаянному!" - таков(?), вероятнее всего, смысл начертанного рукой этрусского мастера. Что же за сцена изображена на зеркале? Скорее всего, это не Медуза Горгона, ибо голова мужская. Речь может идти о борьбе с колдуном. Ведем, ведьма - так они назывались у этрусов, второе из этих слов осталось у нас до сего дня. Корень тот же, что и в слове "ведать". Колдун, ведьма знают то, что скрыто от других. Слово было мужского рода.

В капитальном труде А.Н.Афанасьева о верованиях древних славян читаем: "Умирая, колдун и ведьма испытывают страшные муки: злые духи входят в них, терзают им внутренности и вытягивают из горла язык на целые пол-аршина". Древних русов с этрусками объединяют не только общий язык и верования. Какую же роль выполняла маска? Ответ может быть и таким: она символизировала гибель колдуна, ведьмы, конец колдовских чар. Ведь известно, что такого рода символы - лучшее оружие против живых колдунов.

Зариду (Сориду) арабские источники приписывают строительство пирамиды. Жрецы якобы предсказали потоп, и Зарид построил эту пирамиду, дабы сохранить достижения людей того времени: железо, которое не ржавеет, гибкое стекло итд. Заметим, что эти арабские источники относятся к тому периоду, когда никто не имел понятия о нержавеющей стали и пластмассах. Отметим и следующее обстоятельство: лишь недавно нашли пирамиду, неизвестную ранее. Быть может, под песками пустыни будет когда-нибудь обнаружена и пирамида Зарида?

И в имени Озирис, и в имени Зарид присутствует этрусский корень "зар-зир". Имя Озирис звучало на языке пеласгов так: Озаре, что означает буквально "озаренный". И действительно, он бог зеленого царства, которое озаряется солнцем.

Пеласгами были и первопоселенцы Леванта, как называлась в древности Финикия. Первopоселенцы близки к этрускам по своей культуре. Волчья голова на финикийских кораблях -

особый символ скрытности, быстроты, помощи страннику и путешественнику. Капитолийская волчица этрусков стала позднее символом Рима. Серый волк помогает героям многочисленных сказок, отправляющимся в дальний путь. Близки к пеласгам и филистимляне, от этого племенного имени произошло название целой страны - Палестины. В этом слове, в правильно произносимом названии племени "палестимляне", в слове "пеласги" и во многих словах и именах Ближнего Востока один и тот же корень. Культура Древней Палестины - это во многом культура филистимлян-пеласгов. Ханаанеи, жившие здесь задолго до филистимлян и иудеев, возможно, также были родственниками пеласгов(?) Двенадцать колен израилевых появились в Палестине сравнительно недавно. Библия была записана на языке кanaan, то есть на языке ханаанеев.

Этруски считали запад страной мертвых. Этруски располагали кладбища у реки: на одном берегу они строили город, на другом - хоронили умерших. Это символизировало тот порядок вещей, который установили на Земле грозные неумолимые боги, когда-то покаравшие род людской за прегрешения. Сам великий Зевс испепелил Землю. Имя этого бога упоминает и Платон. Его сочинение о легендарной Атлантиде осталось незаконченным. Текст обрывается на словах: "И сказал бог богов Зевс..." Можно догадаться, что же сказал Зевс - он решил покарать людей Земли. Но что означает само имя Зевс? К грекам оно пришло от пеласгов. По одной из версий, это лишь многократно измененное, искаженное имя пеласгов, которое можно перевести как "сияющий", "светлый".

Имя главного бога этрусков означает то же самое, но звучит иначе: Тин. Так же, как этруское слово "день". Боги, подобно людям, дают потомство, их имена меняются. Но имя Тин осталось у тех племен, которые, подобно этрускам, происходят из Малой Азии. Древний бог германцев Доннар (Тин-Дон) напоминает об этом. Русское слово "день" обязано этрускому "тин".

Этруские источники называют время становления

человеческой цивилизации. Истоки отстоят от эпохи самих этрусков на двенадцать тысячелетий. За эти тысячелетия должна была возникнуть и развиваться культура. Земля должна была пережить катастрофу и потоп, оставшиеся в живых должны были приспособиться к новым условиям и дать начало первым городам Малой Азии и Ближнего Востока. Раскопки на Крите показывают, что даже пять-шесть тысяч лет спустя после того года, который вычислен как год гибели того, что в легенде называется "Атлантидой", жители этого средиземноморского острова (Крит) селились далеко от берега. Неведомый страх гнал их подальше от моря.

Традиция со времен Геродота связывает этрусков с малоазийскими лидийцами. А имя лидийского бога Кандаулеса содержит два корня: один из них КАН, а другой - ДАУ, или ДАВ. Первый совпадает с индоевропейским названием собаки, второй дал начало современному русскому глаголу ДАВИТЬ.

Еще один символ глубокой древности. Впереди этрусского войска часто бежали жрецы со змеями в руках. Об этом пишет Ливий. Жрица со змеями известна из раскопок на Крите. Две змеи, обвившие руки женщины, могут свидетельствовать и о духовной близости этрусков и жителей Минойского Крита: Средиземноморье до прихода греков было населено древнейшими племенами, близкими к лувийцам Малой Азии.

Этруски - древнейшая ветвь средиземноморских племен. Они дали начало Риму и его культуре. Но этрусские города-полисы были завоеваны Римом. Эти города, или скорее княжества, как ни странно, не оказывали друг другу помощи в борьбе с Римом. Этрурия в целом была вначале намного сильнее Рима (к тому же сам "вечный город" был отстранен этрусками). Но постепенно вся Этрурия попала под власть южного соседа. Римляне начали селиться на землях Этрурии, осуществляя демографический нажим. На последних землях, еще принадлежавших этрускам, разразилась эпидемия малярии. Древнейший из народов Италии, давший ей письменность, искусство градостроительства, математику, медицину и многое

другое, вымер. Последний акт этой драмы символичен. Некогда этруски соорудили водоотводную систему для Рима, которая и поныне является частью городского муниципального хозяйства. Прошло немногим более четырех столетий - и последние потомки этих строителей вымерли от малярии, потому что некому было наладить осушение наступающих болот на исконных их землях.

Этруски оказались в Италии почти по соседству с венетами-венетами. У них - общие знаки для письма, много общих слов. Спустя тысячелетия ученые будут биться над загадкой, то объединяя их, то разделяя и объявляя этносы разными. Но на старинных картах венеты указаны именно здесь, в Иллирии, где и их город - Венеция. Это лишь ветвь венетов-венедов. Но она рядом с будущей провинцией Норик; территории частично перекрываются. Рим теснил венетов Северной Италии именно сюда, потом подчинил их здесь. Римская провинция Норик существовала с конца первого века до н.э., она лежала между Дунаем и верхним течением Дравы. И раз уж венеты были известны римлянам, а через них греческим авторам несколько столетий, то и в русской летописи это должно было найти отражение. И нашло. И русские летописи помнят, хотя и очень кратко, те древние времена, строка русской летописи: "норицы сиречь славяне" (область Норик, соседствующая с Северной Италией - район древнейшего расселения венетов)...

ЭТРУСКИ И РУСИЧИ ГОВОРИЛИ НА ОДНОМ ЯЗЫКЕ?

[...] Римский историк Тит Ливий писал об этрусках первого тысячелетия до нашей эры так: "Империя этрусков до Римской империи охватывала значительные пространства по суше и по морю... Они господствовали на верхнем и нижнем морях, которыми омывается Италия... Одно из них итальянские народы называют Тусским, по имени народа, другое — Адриатическим, от Адрии, колонии этрусков...".

Пятидесятивесельные этрусские корабли длиной 25 метров бороздили средиземноморские просторы как вблизи Этрурии, так и очень далеко от нее. Боевые суда этрусков были снабжены подводным металлическим тараном, который римляне называли ростром (слово, несомненно, этруское "отросток").

На монетах Ветулонии и других этрусских городов-полисов можно увидеть изображение усовершенствованного якоря с двумя металлическими лапами. Нетрудно понять преимущества такого якоря: до его изобретения пользовались якорными камнями, корзинами с камнями.

Наиболее известные из городов этрусков — Чатал-Гююк и Чайеню-Телези — были найдены археологами в Малой Азии. Жители Чатал-Гююка строили дома из сырцового кирпича в VII тысячелетии до нашей эры. Они знали 14 видов культурных растений. Обрывки тканей того периода вызывают изумление даже у современных ткачей. Техника полировки зеркал из обсидиана была уникальна. Отверстия в бусинах из полудрагоценных камней просверливались тоньше игольного ушка. Мастерство и художественный вкус древних этрусков намного превосходят все известное для других регионов нашей планеты. Судя по некоторым признакам, эта древнейшая из человеческих цивилизаций могла во многом соперничать с легендарной Атлантидой.

* <http://info-tsес.kz/red/article.php?article=15764>

В Чатал-Гююке найдены святилища и храмы, найден и целый жреческий район этого древнейшего поселения. Богиня-мать, дающая жизнь ребенку (одно из главных божеств Чатал-Гююка), восседает на троне, ручки которого оформлены в виде двух леопардов. Восточная Атлантида, как называли Этрурию, на тысячелетия старше пирамид и других памятников древности, в том числе шумерийских.

Одна из древнейших этрусских фресок воспроизводит мотив с леопардом. Двое ведут коня под уздцы. На коне — мальчик, за спиной его — леопард или гепард. Зверь доверчиво положил лапу на плечо мальчика. Фреска найдена на территории современной Италии, но родиной этрусков является все-таки Малая Азия. В языке хатгов, населявших Малую Азию пять-шесть тысяч лет назад, можно найти в имени леопарда корень "рас". Этруски же называли сами себя расенами.

В древности в Восточном Средиземноморье сложился единый праязык. Носители его — древнейшие племена, поклонявшиеся леопарду — расу: расены, русы, русици. Именно они в свое время выдержали удар великих атлантов, вознамерившихся обратить в рабство все Средиземноморье.

Тайна этрусских писем

К сожалению, с дешифровкой этрусских писем еще много сложностей. Одна из причин тому — использование латинской транскрипции для "озвучивания" этрусских надписей. Но латиница не может передать особенностей этрусского языка, а значит, и привести к правильному пониманию этрусских слов. В этом состояло и состоит главное препятствие, которое не позволило западным специалистам приблизиться к цели. Большинство переводов с этрусского неверны, лишь малая часть их передает примерный смысл отдельных текстов. И даже найденные параллельные тексты на этрусском и финикийском языках не помогают делу.

Если же исходить из того, что русский язык сохраняет органическое родство с языком расенов-этрусков, мы получаем наконец-то ключ к расшифровке древних надписей.

Этрусски, образно говоря, крупная ветвь хетто-славянского древа. В этой связи можно вспомнить рутенов, живших на юге Франции. И в "Слове о полку Игореве" упоминаются не венециане, как трактуют переводчики, а "венедици" — венедичи, венеды. Свидетельства тому можно найти и в "Велесовой книге", где говорится о венедах, ушедших на запад. Этрусский же глагол "венде" — вести, увести — подтверждает это. Плач по "уноши князи Ростиславу" тоже является этрусским следом. Имя одной из богинь Этрурии — Уна, "юная". Тогда говорили "уноша", а не "юноша". Корень этот оставил глубокий след в современном русском языке. Ему обязаны своим происхождением суффиксы "онок", "ёнок". Рысенок — это дословно "рысь юная".

"Мини мулуванеце авиле випена" — так выглядит одна из этрусских надписей. Надписи на изделиях древних мастеров часто начинаются с местоимений "я", "меня". В приведенном примере перевод на русский язык должен быть таким: "Меня художник Авиль (выполнил)". Мулуванец (мулюванец) — это художник, примерно так соответствующий глагол звучит в современном украинском языке. Однако в специальных работах можно найти иной перевод: "Меня посвятил Авл Вибенна". Но этот перевод противоречит уже установленным нормам самого этрусского языка, в котором глагол всегда завершает фразу. Так что "мулуванец" никак не может быть глаголом.

Вот несколько этрусских слов (некоторые из них известны этрускологам): уна — юная; тур — дар; туруце — подарил; туран — дарительница; спур — сбор; тес — тес; авил — год — овал; свидан, звидаи — свидание; слав — слава; торна — дорога; венев — венок; тум — дума, мысль; лепо — прекрасно; рош — рожь, пшеница, хлеб; аде, яде — яд; сил — сила; жинаце — жать, ларь; тел — делать; жиси — жизнь; скатера — покрывало, скатерть; зусле — сусло; разторопеви — расторопность; арех — зоркость; аис, яис — первоначало, бог, яйцо; пуя, поя — жена; пуин, пуинел — опьяненный, буйный; карчазь, карчаже — кабан (ср. "корчевать" от привычки кабанов вырывать из земли корни); синивица — синица; арел — орел; али — или; ита — эта; ан, ен —

он; ми — я; мини — меня; ти — ты; ени — они.

Есть в этрусском языке трудное слово "лаутни". Перевод его означает зависимую группу людей, рабов например. Есть и другие расшифровки этого термина: домочадец, вольноотпущенник, член семьи и т. д. Обратим внимание на звучание слова. Лаутни — лаудни — людни — люди. Много позже слово это как бы вернулось в выражениях "люди графа такого-то", "людская" и др. Зилак в Этрурии — должностное лицо. Понять его звучание помогает цепочка: "зилак — силак — силач". Смысл самого слова таков: "могущественный", "сильнейший", "предводитель".

Впрочем, возможна и другая аналогия. "Солнце" на этрусском языке звучит как "усил". В нем должен быть сокрыт один из древнейших корней, сохраненный в слове "сиять". "Усил", "осил" как бы сближают силу и сияние.

В сложном термине "зилак мехл расенал" можно уловить уже знакомые созвучия. Перевод, по-видимому, должен звучать так: "предводитель силы расенов".

Тин — главный бог этрусков, бог дня, света. Так же звучит этрусское слово "день".

Сыны леопарда в свое время были силой, способной опрокинуть атлантов.

Катастрофа, которой еще не знала Земля, уничтожила все города Восточной Атлантиды — родины общечеловеческого праязыка. Только спустя тысячелетие начали подниматься первые поселки — в основном на континенте, вдали от берегов. Так возник Чатал-Гююк (название современное), Иерихон.

Но даже четыре тысячи лет спустя районы побережья не достигли былого расцвета. Древнейшие племена лишь частично оправились от страшных потерь. Они сохранили язык и культ леопарда. Позже их называли пеласгами. В древнейших финикийских, критских, малоазийских, эгейских поселках говорили на том же праязыке. На рубеже второго-третьего тысячелетий до нашей эры из континентальных районов пришли греки-ахейцы, племена которых в древности менее пострадали от

катастрофы, так как районы их обитания не были связаны с морем и не подвергались опустошению стихиями.

Подлинные варвары-греки захватили территорию нынешней Греции, разрушили города пеласгов, их крепости, сровняли с землей крепость Пеласгикон, на месте которой лишь через полторы тысячи лет построили Парфенон. Многие из пеласгов переправились на Крит, спасаясь от вторжения. На Крите до этого процветали города пеласгов-минойцев. Письменность их прочитана, но не понята до сих пор. Язык их неизвестен лингвистам, хотя это и есть тот праязык, на котором говорили лидийцы, ливийцы, ханаанеи, кимерийцы, трипольцы, этруски, жители Трои и многие, многие другие.

В середине второго тысячелетия до нашей эры греки добрались и до Крита. Полнокровное искусство минойцев-пеласгов уступает место сухой и безжизненной стилизации. Традиционные для минойской живописи мотивы — цветы, морские звезды, осьминоги на вазах дворцового стиля — исчезают или перерождаются в абстрактные графические схемы. И все же ахейская культура греков смогла многое заимствовать от минойцев. В том числе линейное слоговое письмо, религиозные обряды вместе с самими богами, водопровод, фресковую живопись, фасоны одежды и многое другое.

Примерно через семьсот лет наступил расцвет ахейской микенской культуры. Но на земли Греции и прилегающие районы обрушилось новое нашествие греков-варваров, известных под именем дорийцев. После него начался новый период греческой истории — гомеровский, как принято его называть. Дорийское завоевание отбросило Грецию на несколько столетий назад. Дворцы, цитадели и целые города лежали в развалинах.

Пеласагами были и филистимляне (от их имени происходит само слово "Палестина"). Филистимляне пришли на палестинское побережье примерно в то же время, что и первые кочевые и полукочевые племена с Востока. Пеласги и филистимляне — ближайшие родственники этрусков-расенов.

Многое из их культуры стало достоянием других народов, в

том числе греков, кочевников, пришедших в Палестину, и т. д. И пеласги, и многие племена так называемых народов моря, и трипольцы — создатели трипольской культуры на Днепре — были в конечном счете сынами леопарда, то есть русами, русичами Малой Азии.

Этрусское "ци" означает "три". "Циполи" означает дословно "три боли". Так называли лук. Ведь от него болит горло, нос, болят глаза. Украинская "цибуля" и итальянское "чиполло", "чиполлино" свидетельствуют об этрусских корнях. А русское слово "цыпленок" — дословно "трехпалый". Есть свидетельство, что на рубеже нашей эры в альпийских долинах говорили еще по-этрусски. Позднее рутены совершили переход к Днепру, "на родину". Возможно, в этом походе участвовали потомки этрусков из северных районов.

Что же дала Этрурия Риму? Вот краткий перечень: музыкальные инструменты, якорь, театр, горное дело, керамику и металлообработку, траволечение, мелиорацию, города в Италии, искусство гадания, капитолийскую волчицу. Первые цари Рима были этрусками. Сам вечный город Рим основан этрусками. Почти все, что этруски построили в вечном городе, римляне впоследствии определили эпитетом "величайший". Этруская система каналов и сегодня является частью городского хозяйства Рима.

В городе Никония (район Днестра) был найден фигурный сосуд, на котором можно прочесть русскую надпись греческими буквами: "Храни ся жено с аго дос". Перевод: "Храни себя жена с его дочерью (дош — дочь)". Сосуд-статуэтка изображает мужчину и женщину. Лицо женщины укутано платком, под платком — ребенок. Это соответствует надписи. Оказывается, русские тексты — явление обычное для Черноморского побережья первого тысячелетия до н. э. и первых веков н. э. Надписи из Никонии более двух тысяч лет, Аль-Хорезми назвал некогда в своей книге черноморские города: Растиянис, Арсаса, Арусиния. Теперь-то можно с уверенностью сказать: это города русов, потомков легендарных сынов леопарда.

ПРИЛОЖЕНИЕ

АННОТИРОВАННАЯ БИБЛИОГРАФИЯ РАБОТ, ПОСВЯЩЕННЫХ ОТНОШЕНИЯМ ИСТОРИИ И НАЦИОНАЛИЗМА

1. Камерфорд В. Национальная идентичность и историческая наука в Ирландии / В. Камерфорд // Россия – Ирландия: коллективная память. Материалы конференции 11 – 12 ноября 2005 года, Москва, Всероссийская государственная библиотека иностранной литературы им. М.И. Рудомино / ред. Е.Ю. Гениева, Дж. Харман. – М., 2005. – С. 161 – 171.

Статья посвящена той роли, которую играют исторические исследования в развитии национализма и функционировании ирландской идентичности в Ирландии.

2. Кирчанов М.В. Латышская историческая наука межвоенного периода как часть интеллектуальной истории Латвии / М.В. Кирчанов // Ставропольский альманах Российского Общества интеллектуальной истории. – Ставрополь, 2005. – Вып. 7. – С. 144 – 155.

Статья, в центре которой проблемы, связанные с ролью исторического мифотворчества и конструирования национальной истории интеллектуалами-националистами. Внимание автора статьи сфокусировано на первой Латвийской Республике.

3. Кирчанов М.В. Создавая национальную историю чуваш: исторические нарративы и национальная идентичность в Советской Чувашии / М.В. Кирчанов // Современные подходы и трактовки важнейших проблем отечественной и всемирной истории: материалы Международных Бекмахановских чтений. Алматы, 25-26 мая 2006 г. – Алматы, 2006. – С. 352 – 357.

Статья посвящена проблемам, связанным с ролью исторического мифотворчества и конструирования национальной истории интеллектуалами-националистами. Внимание автора статьи сфокусировано на роли исторических исследований в контексте развития чувашской идентичности в Чувашской АССР.

4. Кирчанов М.В. Национальная парадигма и язык написания истории (болгаризируя историю Македонии) / М.В. Кирчанов // Отечественная и зарубежная история: проблемы, мнения, подходы (Ученые записки кафедры отечественной и зарубежной истории). – Пятигорск, 2006. – Вып. 6. – С. 273 – 287.

Статья посвящена болгарскому восприятию истории Македонии и месту македонских нарративов в болгарской историческом дискурсе.

5. Кирчанов М.В. Историзируя идентичность: дискурсы написания хорватской истории в первой половине XX века / М.В. Кирчанов // Новик. Сборник научных работ аспирантов и студентов исторического факультета Воронежского государственного университета. – Воронеж, 2006. – Вып. 11. – С. 146 – 160.

В центре статьи – проблемы развития хорватской историографии как одной из форм участия интеллектуального сообщества в национальном движении и средстве укрепления и стимулирования национальной идентичности.

6. Кирчанов М.В. Германская Демократическая Республика: исторические нарративы в дискурсах написания национальной истории / М.В. Кирчанов // Германия: история и современность. Сборник статей памяти профессора В.А. Артемова / ред. М.В. Кирчанов. – Воронеж, 2006. – Часть. 2. Германия и мир: образы,

взаимоотношения и идентичности. – С. 229 – 239.

В центре статьи – проблемы развития немецкой историографии и исторической памяти в ГДР. Историография проанализирована в качестве одной из форм участия в национальном движении. Исторические исследования представлены как средства укрепления и стимулирования особой немецкой национальной и социалистической идентичности.

7. Кирчанов М.В. Земля, кровь и память: баварский идентитет, немецкая идентичность и исторические исследования в Баварии (1928-1944 гг.) / М.В. Кирчанов // Межвузовские научно-методические чтения памяти К.Ф. Калайдовича. Сборник материалов. – Елец, 2006. – Вып. 7. – С. 213 – 223.

В центре статьи – проблемы развития немецкой историографии и исторической памяти на примере Баварии. Историография проанализирована в качестве одной из форм участия в национальном движении. Исторические исследования представлены как средства укрепления и стимулирования особой немецкой региональной идентичности.

8. Кирчанов М.В. Европейская идея в интеллектуальной истории стран Балтии и проблемы сохранения национальной идентичности в советский период / М.В. Кирчанов // Ставропольский альманах Российского Общества интеллектуальной истории. – Ставрополь, 2007. – Вып. 9. – С. 11 – 25.

Статья, в центре которой проблемы, связанные с ролью исторического мифотворчества и конструирования национальной истории интеллектуалами-националистами. Внимание автора статьи сфокусировано на роли европейской идеи и интеллектуального оксидентализма в советских прибалтийских республиках.

9. Кирчанов М.В. Историческая наука в Латвии 1920 – 1940 годов и изучение национальной истории / М.В. Кирчанов // Латышская историческая наука периода Первой республики. Хрестоматия-ридер оригинальных текстов на латышском языке (для изучающих историю Латвии и латышский язык) / сост., вступит. статья, прилож. М.В. Кирчанов. – Воронеж, 2007. – С. 5 – 23.

Статья, в центре которой проблемы, связанные с ролью исторического мифотворчества и конструирования национальной истории интеллектуалами-националистами. Внимание автора статьи сфокусировано на первой Латвийской Республике. Статья сопровождается библиографией работ на латышском и немецком языках, посвященных истории Латвии и опубликованных между двумя мировыми войнами.

10. Кирчанов М.В. Идентичность и историческое написание (обобщающие исторические исследования в Чувашской АССР) / М.В. Кирчанов // *Studia Türkologica*. Воронежский тюркологический сборник. – Воронеж, 2007. – Вып. 3. – С. 6 – 27.

Статья посвящена проблемам, связанным с ролью исторического мифотворчества и конструирования национальной истории интеллектуалами-националистами. Внимание автора статьи сфокусировано на роли обобщающих исторических исследований в контексте развития чувашской идентичности в Чувашской АССР.

11. Кирчанів М.В. Македонська історична пам'ять в СФРЮ: македонські інтелектуали і національна ідентичність / М.В. Кирчанів // *Национализм в Большой Восточной Европе. Хрестоматия оригинальных текстов и исследований* / сост. М.В. Кирчанов. – Воронеж, 2008. – С. 548 – 565.

В центре статьи – проблемы развития македонской историографии

и исторической памяти в СР Македонии. Историография проанализирована в качестве одной из форм участия в национальном движении. Исторические исследования представлены как средства укрепления и стимулирования национальной идентичности.

12. Когут З.Є. Розвиток української національної історіографії в Російській Імперії / З.Є. Когут // Когут З.Є. Коріння ідентичності. Студії в ранньомодерної та модерної історії України. – Київ, 2004. – С. 187 – 217.

В центрі статті – проблеми розвитку української історіографії в Російській Імперії як однієї з форм участі інтелігенції в національному русі і засобі зміцнення і стимулювання національної ідентичності.

13. Когут З.Є. Історія як поле битви. Російсько-українські відносини та історична свідомість у сучасній Україні / З.Є. Когут // Когут З.Є. Коріння ідентичності. Студії в ранньомодерної та модерної історії України. – Київ, 2004. – С. 218 – 243.

Стаття присвячена україно-російській історичній / історіографічній полеміці в контексті розвитку української ідентичності і російського націоналізму.

14. Когут З.Є. Історичні дослідження в незалежній Україні. Тягар минулого: історіографія до здобуття незалежності / З.Є. Когут // Когут З.Є. Коріння ідентичності. Студії в ранньомодерної та модерної історії України. – Київ, 2004. – С. 294 – 300.

В центрі статті – проблеми розвитку української історіографії в незалежній Україні на протязі 1990-х років. Історіографія проанализована в якості однієї з форм участі в національному русі і засобу зміцнення і стимулювання

национальной идентичности.

15. Куско А., Таки В. «Кто мы?» Исторический выбор: румынская нация или молдавская государственность / А. Куско, В. Таки // *An Imperio*. – 2003. – № 1.

Статья посвящена политической и историографической дискуссии между молдавскими интеллектуалами относительно статуса молдаван и путей развития независимой Молдовы как национального или другого румынского государства.

16. Кюланиц В. История как инструмент в арсенале советского нацистроительства / В. Кюланиц // *Национализм в Большой Восточной Европе. Хрестоматия оригинальных текстов и исследований* / сост. М.В. Кирчанов. – Воронеж, 2008. – С. 497 – 515.

В центре статьи – проблемы использования истории для развития национальной идентичности в Молдавской ССР. Автор анализирует как при помощи исторического воображения, с одной стороны, культивировалась молдавская этническая идентичность, а, с другой, стимулировалась политическая лояльность.

17. Мустеацэ С. Преподавание истории в Республике Молдова в последние десять лет // *Ab Imperio*. – 2003. – No 1. – С. 467 – 484.

Статья посвящена той роли, которую играло преподавание исторических дисциплин в развитии национальной идентичности в Республике Молдова на протяжении 1990-х годов.

18. Смит Э.Д. Национализм и историки / Э.Д. Смит // *Нации и национализм*. – М., 2002. – С. 236 – 263.

Классическая статья британского автора, посвященная теоретическим проблемам соотношения национализма и исторического знания.

19. Усманова Д. Создавая национальную историю татар: историографические и интеллектуальные дебаты на рубеже веков / Д. Усманова // *Ab Imperio*. – 2003. – No 3.

В центре статьи Дилиры Усмановой – проблемы развития татарской историографии как одной из форм участия интеллектуального сообщества в национальном движении и средстве укрепления и стимулирования национальной идентичности.

20. Цвиклински С. Татаризм vs болгаризм: «первый спор» в татарской историографии / С. Цвиклински // *Ab Imperio*. – 2003. – No 2.

В статье Себастиана Цвиклински анализируются проблемы различных исторических (магистральных и маргинальных) интерпретаций в контексте истории формирования «большого» исторического нарратива в рамках татарской историографии.

21. Шнирельман В.А. Войны памяти. Мифы, идентичность и политика в Закавказье / В.А. Шнирельман. – М., 2003.

Фундаментальное исследование В.А. Шнирельмана, в рамках которого анализируется проблемы роли и места исторического воображения в контексте развития национализма и идентичности, а так же этнических (грузино-осетинского, грузино-абхазского, армяно-азербайджанского) конфликтов.

22. Шнирельман В.А. Быть аланами. Интеллектуалы и политика на Северном Кавказе в XX веке / В.А. Шнирельман. – М., 2006.

Фундаментальное исследование В.А. Шнирельмана, в рамках которого анализируется проблемы роли и места исторического воображения, конструирования национальных историй в контексте развития национализма и идентичности наций Северного Кавказа.

23. Agičić D. Bosna ja naša! Mitovi i stereotipi o državnosti, nacionalnom i vjerskom identitetu te pripadnosti u novijim udžbenicima povijesti / D. Agičić // Historijski mitovi na Balkanu / red. H. Kamberović. Sarajevo, 2003. – S. 139 – 160.

Статья посвящена религиозным трендам исторического воображения. Автор анализирует процесс «национального воображения» балканскими историками, которые предлагают интерпретации истории Боснии как части «своего» национального нарратива.

24. Aleksov B. Poturica Gori it turčina: srpski istoričari o verskim preobraćenjima / B. Aleksov // Historijski mitovi na Balkanu / red. H. Kamberović. Sarajevo, 2003. – S. 225 – 258.

Статья посвящена религиозным трендам исторического воображения. Автор анализирует процесс «национального воображения» сербскими историками турецкого периода в истории Сербии.

25. Anagnostopoulou S. “Tyranny” and “Despotism” as National and Historical Terms in Greek Historiography / S. Anagnostopoulou // Clio on the Balkans. The Politics of History Education / ed. Ch. Koulouri. – Thessaloniki, 2002. – P. 81 – 90.

Теоретическая статья, в центре которой проблемы, связанные с ролью исторического мифотворчества и конструирования национальной истории интеллектуалами-националистами в категориях «тирании» и «деспотизма». Внимание автора статьи сфокусировано на Греции.

26. Antić A. Evolicija i uloga tri kompleksa istorijskih mitova u srpskom akademskom i javnom mnenju u poslednih deset godina // Historijski mitovi na Balkanu / red. H. Kamberović.

Sarajevo, 2003. – S. 259 – 290.

Теоретическая статья, в центре которой проблемы, связанные с ролью исторического мифотворчества и конструирования национальной истории интеллектуалами-националистами. Внимание автора статьи сфокусировано на Сербии.

27. Brunnbauer U. Drevna nacionalnost i vjekovna borba za državnost: historiografski mitovi u Republici Makedoniji // Historijski mitovi na Balkanu / red. H. Kamberović. Sarajevo, 2003. – S. 291 – 305.

В центре статьи – проблемы, связанные с развитием исторических исследований и исторического воображения в БЮРМ в контексте развития македонской идентичности и национализма.

28. Goldstein I. Granica na Drini – značenje i razvoj mitologema / I. Goldstein // Historijski mitovi na Balkanu / red. H. Kamberović. Sarajevo, 2003. – S. 109 – 138.

Оригинальная статья Иво Голдштейна, в центре которой роль географических образов в развитии исторического и националистического воображения.

29. Džaja S.M. Bosanska povijesna stvarnost i njezini mitološki odrazi // Historijski mitovi na Balkanu / red. H. Kamberović. Sarajevo, 2003. – S. 39 – 66.

Теоретическая статья, в центре которой проблемы, связанные с ролью исторического мифотворчества и конструирования национальной истории интеллектуалами-националистами. Внимание автора статьи сфокусировано на Боснии.

30. Kalionski A. Ottoman Macedonia in Bulgarian History Textbooks for Secondary School / A. Kalionski // Clio on the Balkans. The Politics of History Education / ed. Ch. Koulouri. – Thessaloniki, 2002. – P. 276 – 280.

В статье предпринимается одна из многочисленных попыток проанализировать историю Македонии с болгарских позиций, интегрировав ее в болгарский исторический и культурный контекст.

31. Kalionski A., Kolev V. Multiethnic Empires, National Rivalry and Religion Bulgarian History Textbooks / A. Kalionski, V. Kolev // *Clio on the Balkans. The Politics of History Education* / ed. Ch. Koulouri. – Thessaloniki, 2002. – P. 117 – 132.

Статья посвящена анализу того, как в болгарских учебниках истории для школы отражены проблемы, связанные с многонациональными империями прошлого (в первую очередь – Византией), национальными восстаниями и религиозным фактором.

32. Kamberović H. “Turci“ i “kmetovi“ – mit o vlasnicima Bosanske zemlje // *Historijski mitovi na Balkanu* / red. H. Kamberović. Sarajevo, 2003. – S. 67 – 84.

Статья представляет собой попытку проанализировать то, как в национальных исторических традициях анализировались социальные роли и статусу православных крестьян и феодалов, исповедующих ислам, в контексте роста национального самосознания и укрепления национальных идентичностей.

33. Kolstø P. Procjena uloge historijskih mitova u modernim društvima / P. Kolstø // *Historijski mitovi na Balkanu* / red. H. Kamberović. Sarajevo, 2003. – S. 11 – 38.

Теоретическая статья, в центре которой проблемы, связанные с ролью исторического мифотворчества и конструирования национальной истории интеллектуалами-националистами.

34. Kværne J. Da li je Bosni i Hercegovini potrebno stvaranje novih povijesnih mitova? // *Historijski mitovi na Balkanu* / red. H.

Kamberović. Sarajevo, 2003. – S. 85 – 108.

Теоретическая статья, в центре которой проблемы, связанные с ролью исторического мифотворчества в транзитных обществах.

35.Jordanovski N. Medieval and Modern Macedonia as Part of a National “Grand Narrative” / N. Jordanovski // *Clio on the Balkans. The Politics of History Education* / ed. Ch. Koulouri. – Thessaloniki, 2002. – P. 109 – 117.

Статья представляет анализ попыток интегрировать средневековый этап и период новой истории в Македонии в «большие» исторические нарративы, предлагаемые представителями различных национальных сообществ.

36.Jordanovski N. The Common Yugoslav History and the Republic of Macedonia / N. Jordanovski // *Clio on the Balkans. The Politics of History Education* / ed. Ch. Koulouri. – Thessaloniki, 2002. – P. 254 – 260.

В статье македонского исследователя Н. Йордановски анализируются проблемы соотношения национальных исторических нарративов в СР Македонии с требованиями политической лояльности в контексте развития «большого» исторического нарратива в СФРЮ.

37.Jordanovski N. Between the Necessity and the Impossibility of a “National History” / N. Jordanovski // *Clio on the Balkans. The Politics of History Education* / ed. Ch. Koulouri. – Thessaloniki, 2002. – P. 265 – 275.

Обобщающая статья македонского историка Н. Йордановски посвящена теоретическим проблемам, связанным с написанием национальной истории.

38.Perica V. Uloga crkava u konstrukciji državotvornih mitova Hrvatske i Srbije // *Historijski mitovi na Balkanu* / red. H.

Kamberović. Sarajevo, 2003. – S. 203 – 224.

В статье Вьекослава Перицы анализируются проблемы религиозного нарратива, как фактора, который оказывает влияние на конструирование и развитие мифов, связанных с процессами создания и развития государственности на Балканах на примере Хорватии и Сербии.

Научное общество
Факультета международных отношений

Клио в объятиях национализма.
История в контексте национализма,
националистического воображения и
новейшего мифотворчества

сост. и вступит. статья М.В. Кирчанов.

Воронеж: НО ФМО, 2008.

На русском, сербском, украинском языке
Материалы публикуются в авторской редакции

Он-лайн PDF версия
<http://ejournals.pp.net.ua>

Россия, Воронеж, Московский пр-т, 88
Воронежский государственный университет
Факультет международных отношений
